

С.А.Р.У.М

— РОМАН ОБ АНГЛИИ —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

От автора
романов-бестселлеров
«ПАРИЖ» и «ЛОНДОН»

The Big Book

Эдвард Резерфорд

Сарум. Роман об Англии

«Азбука-Аттикус»

1987

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Резерфорд Э.

Сарум. Роман об Англии / Э. Резерфорд — «Азбука-Аттикус»,
1987 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-12175-1

Сарум – сердце Англии. Край, окутанный легендами. Место, где с незапамятных времен до наших дней кипят страсти. Именно здесь на протяжении нескольких тысячелетий разворачивается история вражды и мести двух семей: Уилсонов и Шокли. Город, выживший, несмотря на страшную эпидемию чумы и чудовищный пожар, которые практически уничтожили средневековый Лондон. Это захватывающий рассказ о людях, живших в городе от времен древних кельтских племен до наших дней. Увлекательная история многих поколений семей, чьи судьбы переплелись в этом городе: легионеров Юлия Цезаря, вторгшихся на остров два тысячелетия назад, рыцарей-крестоносцев, отправлявшихся отвоевывать Святую землю, свидетелей бурной семейной жизни Генриха VIII, участников постройки театра «Глобус», где играли пьесы Шекспира, свидетелей индустриальной революции нашего времени. Это роман для всех тех, кто побывал в Англии и полюбил эту страну. Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12175-1

© Резерфорд Э., 1987
© Азбука-Аттикус, 1987

Содержание

Предисловие	7
О названии Сарум	7
О романе «Сарум»	8
О топографии и Авонсфорде	9
О фамилиях и происхождении семейств	10
Дун	11
Заключение	12
Старый Сарум	19
Путь в Сарум	19
Могильник	42
Хендж	60
Сорбиодун	105
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Эдвард Резерфорд

Сарум. Роман об Англии

Edward Rutherford
SARUM

© А. Питчер, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Предисловие

О названии Сарум

Строго говоря, слово «Сарум» – искаженная передача сокращения, которым пользовались средневековые писцы для записи названия поселения, именуемого Солсбери. Ошибочно прочитанное сокращение прижилось в устной и письменной речи, и вот уже семьсот пятьдесят лет слово «Сарум» употребляется как название города, епархии и территории, окружающей Солсбери.

Во избежание путаницы в романе я употреблял название Сарум при описании местности, окружающей собственно город. Для поселений, в разное время существовавших на этом месте, я использовал названия, под которыми они были известны в описываемую эпоху: Сорбидун – в период римского завоевания, Сарисбери – при нормандцах, а впоследствии – Солсбери. Название Олд-Сарум – Старый Сарум – относится непосредственно к поселению и употребляется в соответствующем контексте.

О романе «Сарум»

Моя книга – художественное произведение, ошибочно считать его историческим трудом. Описанные в ней семейства Портиас, Уилсон, Шокли, Мейсон, Годфри, Муди и Барникель, равно как и их роль в происходящем, – авторский вымысел. Однако же, рассказывая о жизни этих персонажей, я по мере возможности помещал их в реально существовавший исторический контекст.

При описании доисторической эпохи я допускал определенную вольность как в датировке, так и в изложении событий, хотя и старался придерживаться советов, полученных от специалистов-историков. К примеру, принято считать, что отделение острова Британия от материковой Европы произошло примерно между 9000 и 6000 годами до нашей эры. Более того, поскольку не существует неоспоримых сведений о религиозных обрядах, астрономических познаниях жрецов и о конкретных методах строительства Стоунхенджа, я основывал повествование на тех теориях и предположениях, которые вписывались в структуру романа.

В тексте время от времени, для удобства читателей, малознакомых с историей Англии, упоминаются реальные исторические факты, однако они вплетены в канву художественного вымысла, и роман в целом ни в коем случае нельзя рассматривать как описание подлинных событий.

О топографии и Авонсфорде

В окрестностях Сарума находится такое множество древних городищ, поселений и деревень, что в целях упрощения топографии и для удобства читателей мне пришлось пойти на компромисс. В действительности Авонсфорда не существует, это собирательный образ. Я расположил поселок в некой вымышленной долине у реки Авон – в настоящее время река Эйвон – к северу от Солсбери, для простоты получившей название долины Авона. Все упомянутые детали ландшафта и постройки существуют или существовали на самом деле в окрестностях Солсбери: поселение железного века, римская вилла, поля, называемые Рай и Чистилище, деревянный лабиринт, земляные валы и насыпи, пруды, сукновальни, голубятни, усадьбы и церкви.

В ходе истории названия многих поселений менялись, поэтому я выбрал самые известные – к примеру, Кларендонский лес и Дубрава Гроувли существуют и в настоящее время, а вот поселок Лонгфорд, упомянутый в романе, в действительности расположен на большем расстоянии от Кларендонского леса.

Названия солсберийских улиц тоже претерпели значительные изменения, но, чтобы не запутывать читателя, я по возможности сохранил современные наименования.

Все остальные населенные пункты – Солсбери, Крайстчерч, Уилтон, Олд-Сарум – описаны достоверно.

О фамилиях и происхождении семейств

В романе все вымышленные семейства – Уилсоны, Мейсоны и Годфри – носят распространенные в Англии фамилии. История происхождения родовых имен Уилсон и Мейсон, приведенная в книге, ничем не отличается от общепринятой, история рода эйвонсфордских Годфри – художественный вымысел, однако создана по типу образования фамилий семейств с нормандскими корнями. Между прочим, в Солсбери на самом деле существовало семейство Годфри, которое упомянуто в книге, – один из его представителей был мэром города, – но между вымышленными и реальными Годфри нет родственных связей.

Шокли – фамилия редкая, и ее возможное происхождение объясняется в романе.

В английском фольклоре существует объяснение происхождения фамилии Барникель, и я склонен ему верить. Фамилия Портиас распространена на севере Англии, однако ее римское происхождение вымышлено – увы, история имен редко уходит в такое далекое прошлое.

Тем не менее историю семейств и родов все-таки возможно проследить. Недавние историко-археологические исследования показали, что во многих районах Англии существовали и до сих пор существуют целые династии ремесленников. Несмотря на то что вторжение саксов заставило местное население Британии переселиться на запад, имеет смысл предположить, что не все коренные жители покинули насиженные места. Разумеется, невозможно с уверенностью доказать, что в Саруме до сих пор обитают потомки кельтов или племен, населявших эту территорию до их появления, однако такое предположение имеет право на существование.

Дун

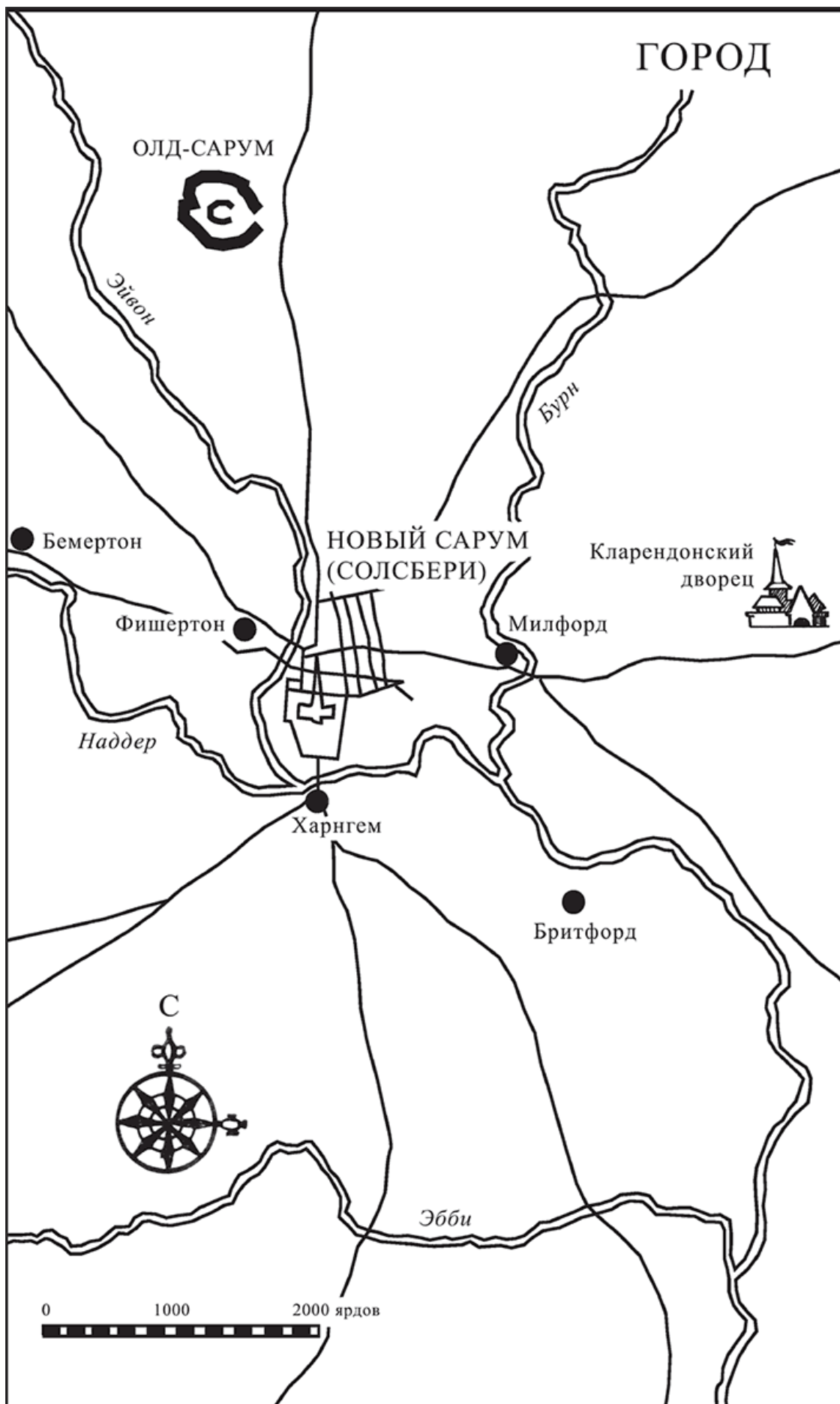
Я намеренно выбрал для описания укрепленного городища в Олд-Саруме слово, употребляемое современными историками. Его первоначальная кельтская форма – *dūn*.

Заключение

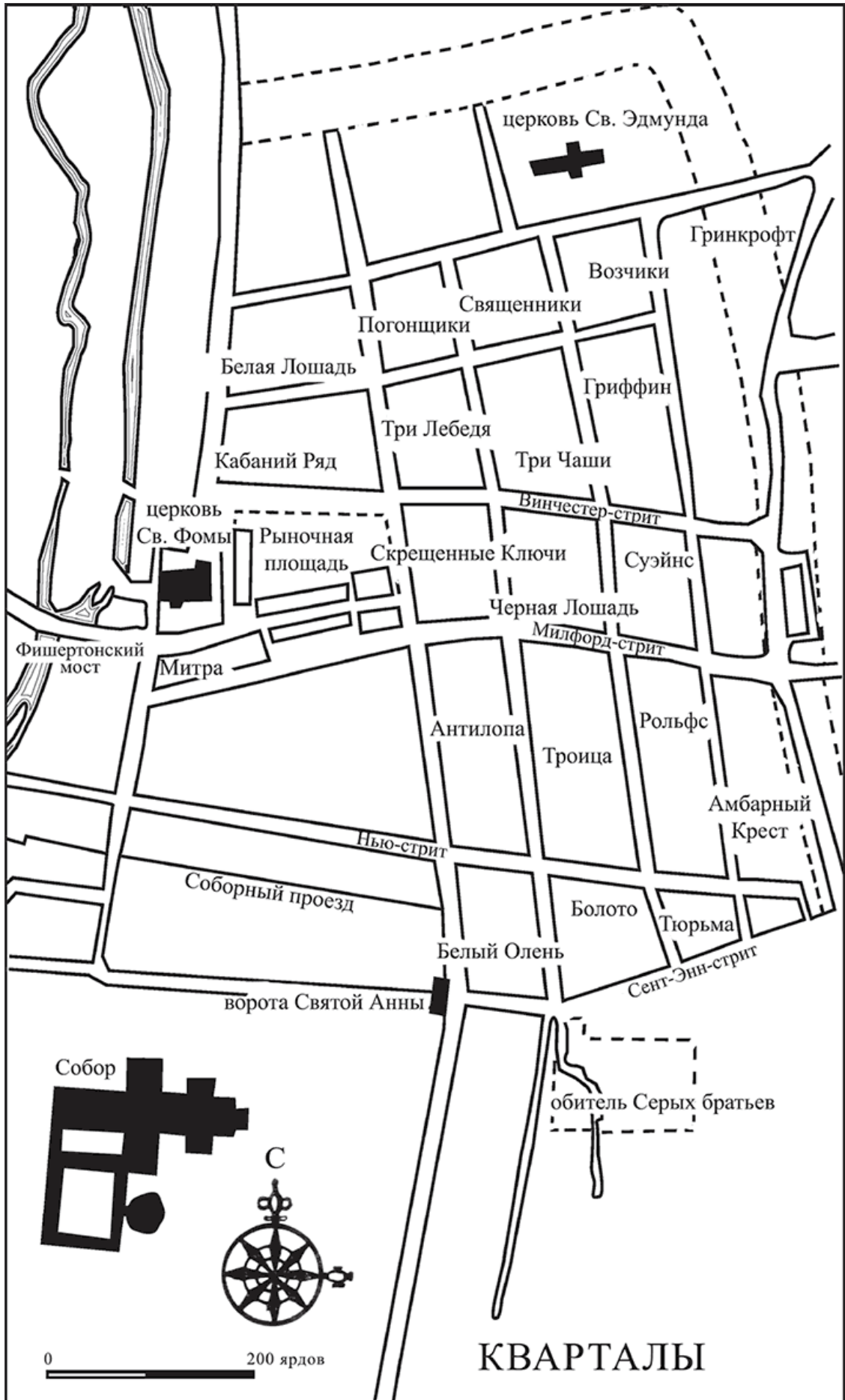
Сарум – одна из самых древних заселенных территорий в Англии, сохранившая следы первоначальных поселений. Археологической информации и исторических документов с лихвой хватило бы на книгу, втрое или даже вчетверо превосходящую мой роман, однако я ограничился лишь самыми, на мой взгляд, интересными моментами в необычайно богатой истории региона.

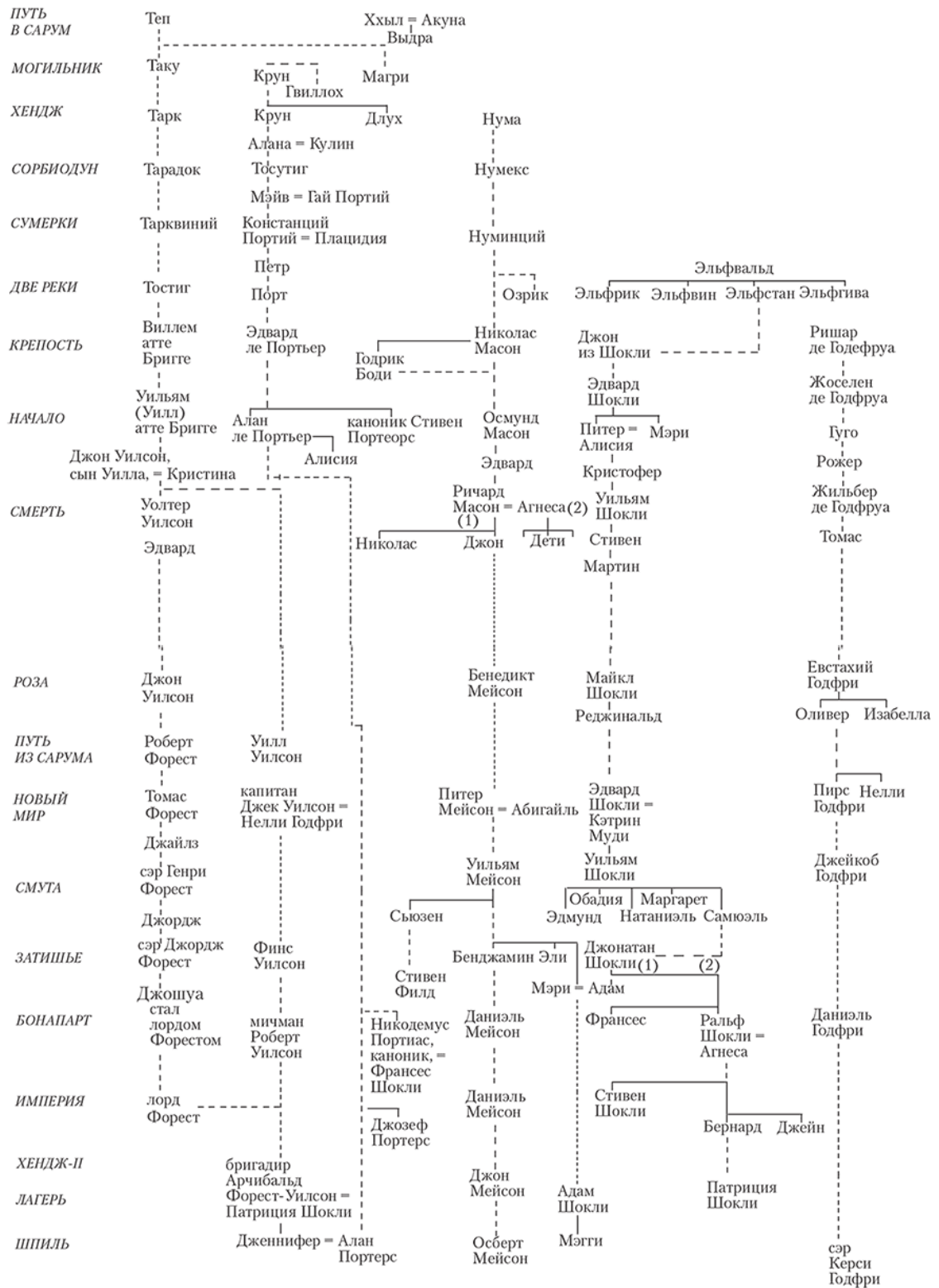

Посвящается зодчим Солсберийского собора и всем, кто принимает участие в его спасении

Старый Сарум

Путь в Сарум

Вначале, задолго до возникновения Сарума, шестую часть планеты в Северном полушарии сковывал толстый слой льда; ледники покрывали Северную Азию, Канаду, Скандинавию и две трети территории будущей Британии. Ледяной щит протянулся на пять тысяч миль, и даже по краям толщина его составляла не меньше тридцати футов.

У южной границы ледников на несколько сот миль простиралась пустынная, сумрачная тундра.

За двадцать тысяч лет до нашей эры в мире царили холод и мгла.

Толстый покров льда вобрал в себя значительную часть воды, поэтому океаны были мельче, а многих морей и вовсе не существовало. К югу от ледников отвесные утесы высились над глубокими ущельями, которые с тех пор давно погрузились под воду. Северные земли обволакивало вечное безмолвие, только бушевали метели, и надо льдом с воем носились суровые ветры; арктическая тундра представляла собой многие тысячи миль вымороженной пустыни, где изредка встречалась скудная растительность и обитали немногочисленные, но чрезвычайно выносливые звери. В гигантской шапке полярного льда таились и будущие моря, и те формы жизни, которые со временем в них зародились.

Такой была ледниковая эпоха – не первая и не последняя, одна из бесчисленного множества прошлых и будущих оледенений, в промежутках между которыми северные земли заселил человек.

Пролетели века, прошли тысячелетия, однако никаких перемен не замечалось до тех пор, пока примерно за десять тысяч лет до нашей эры температура на окраинах великого ледяного щита не начала подниматься – медленно и почти незаметно. Потепление не прекращалось в течение многих веков, и вот однажды ледяной щит начал таять: струи стекали в ручьи и речушки, откалывая куски льда шириной где в несколько ярдов, где в полмили. Это почти не уменьшало ледяного покрова, раскинувшегося на многие тысячи миль, однако постепенно таяние набирало силу. Из-под льда показалась новая тундра, возникли новые реки, ледники сползли на юг, в моря, где начал повышаться уровень воды. Мало-помалу, век за веком, менялись очертания материков, и новая жизнь, зарождающаяся на обновленной суше, робко осваивала новые земли.

Очередная ледниковая эпоха подходила к концу.

Процесс этот продолжался несколько тысяч лет.

Однажды, примерно за семь с половиной тысяч лет до Рождества Христова, холодным пасмурным летом – других в тех северных краях не знали – отважный охотник по имени Ххыл вознамерился пуститься в невероятное путешествие.

Акуна, его женщина, услышав о странной затее, сначала удивленно посмотрела на Ххыла, а потом попыталась отговорить:

– С нами никто не пойдет. Мы умрем с голоду.

– Я хороший охотник, без помощи обойдусь, добуду нам еду.

Она упрямо замотала головой:

– Ты говоришь о месте, которого нет.

– Оно есть, – настойчиво повторил Ххыл.

Об этом месте рассказывал его отец, а отцу – его отец. Преданиям было несколько веков, но Ххыл этого не знал.

– Мы умрем, – вздохнула Акуна.

Они стояли на холме, у подножия которого виднелось стойбище: жилища из оленьих шкур, закрепленных на шестах. Пять охотничьих семейств разбили здесь стоянку, едва сошли зимние снега. До самого горизонта тянулась пустынная равнина, покрытая жесткой бурой травой, лишь кое-где жался к земле березовый стланик да торчали валуны, облепленные длинными прядями мха и пятнами лишайников. Холодный северный ветер гнал по низкому небу серые облака.

Тундра – широкая полоса суши, высвобожденная растаявшими ледниками, – протянулась через весь Евразийский материк. В эпоху, называемую археологами верхним палеолитом, а после этого – в эпоху мезолита, от Шотландии до Китая по безбрежным пустынным равнинам, напоминавшим климатом нынешнюю Сибирь, бродили немногочисленные племена охотников. Скучная растительность служила кормом для зубров, северных оленей, диких лошадей и могучих лосей. Стада, мелькнув на горизонте, исчезали в бескрайнем просторе, так что охотники долго и упорно преследовали добычу – без еды им грозила голодная смерть. Подобный образ жизни существовал на протяжении сотен поколений.

Ххыл и его семейство обитали на северо-западной окраине бесконечной тундры. Роста охотник был чуть выше среднего – пять футов семь дюймов, – скуластый, с угольно-черными глазами. Кожа загрубела от ветра, лицо избородили глубокие резкие морщины, редкие зубы пожелтели, в черной бороде мелькала седина: Ххылу минуло двадцать восемь – в то время весьма почтенный возраст. От холода его защищала одежда из оленьих и лисьих шкур, скрепленных костяными кольшками (шитья его соплеменники не знали) и бахилы из мягкой кожи. В таком наряде охотник сливался с бурой равниной, а когда замирал, занеся копье над головой, то походил на странное чахлое деревце – длинные спутанные космы торчали как ветви. В широко расставленных глазах под кустистыми бровями светился ум.

Соплеменники уважали Ххыла: он прослыл удачливым охотником и лучшим следопытом. Вот уже много лет племя вслед за стадами кочевало по территории шириной миль пятьдесят с запада на восток и миль сорок – с севера на юг; люди промышляли охотой и рыбалкой и поклонялись богине Луне, защитнице охотников. Летом они жили в шалашах из шкур, а зимой выкапывали в склонах холмов неглубокие землянки и забрасывали вход ветвями – примитивные жилища позволяли сохранять тепло. Вот уже десять лет спутницей Ххыла была Акуна; она родила ему пятерых детей, из которых выжили двое. Теперь мальчику было пять, а девочке – восемь.

И вот сейчас Ххыл собрался в дальний путь неведомо куда. Акуна сокрушенно покачала головой.

Отчаянный план возник у Ххыла по очень простой причине: уже третий год охота не ладилась и малочисленная община оказалась на грани вымирания. Всю зиму Ххыл без устали искал добычу, но ему лишь изредка попадались следы полярных лис и леммингов. Небольшой запас орехов и съедобных корешков подходил к концу, дети и женщины голодали. Непрерывно дул холодный северный ветер. Наконец Ххыл наткнулся на стадо северных оленей, и охотникам удалось загнать и убить одного. Мясо пошло в пищу, кровь была источником жизненно необходимой соли. Племя выжило, но к концу зимы трое детей и женщина умерли от истощения.

Потом зимние снега сошли; промозглая болотистая равнина покрылась редкой травой и крохотными цветами. К лету на север возвращались стада зубров, кормиться на возвышенностях, но в этом году охотникам не повезло: зубры не пришли, а на диких лошадей охотиться было трудно, да и конина была жесткой и невкусной.

«Если зубр не придет, охоты не будет», – думал Ххыл.

В поисках добычи племя кочевало по равнине широким кругом, радиусом миль двадцать. Земля подсыхала под бледными лучами солнца, кое-где пробивались слабые ростки травы, но

никаких признаков живности охотникам не попадалось. Полуголодные люди вряд ли пережили бы следующую зиму, поэтому Ххыл и решился на отчаянный шаг.

– Я уйду на юг, в теплые края. Если выйти в путь сейчас, до зимы успеем, – уверенно заявил он соплеменникам, хотя сам не знал, как долго продлится путь. – Пройдем через заповедный лес на востоке и потом свернем на юг. Там богатые земли, а люди живут в пещерах. Кто хочет со мной?

Уверенность Ххыла основывалась на древних изустных преданиях, которые передавались из поколения в поколение; заключенные в них географические познания были предельно просты: далеко на севере, там, где царил мрак и холод, скудные и неприветливые земли с востока на запад перегораживала великая стена льда высотой в пять человеческих ростов. У стены не было ни начала, ни конца; бесконечная ледяная равнина уходила на север. На западе путь преграждало безбрежное море. К югу от стены начиналась тундра, а еще дальше – дремучие леса, которые тоже упирались в море. А вот если идти на юго-восток, то через много дней пути выйдешь к горной гряде. Перевалив через гряду, надо свернуть на восток, перебраться через кряж пониже, и тогда, еще через много дней пути, попадешь на холмистую равнину, за которой начинается заповедный лес. Там, в лесу на востоке, есть тропы, которые выведут в степь. В степи надо снова повернуть на юг и идти до тех пор, пока не попадешь в теплые края, где люди живут в пещерах. В преданиях говорилось, что там хорошая охота.

Как ни странно, предания не лгали и не преувеличивали. Соплеменники Ххыла обитали в тех местах, что впоследствии станут севером Англии. Ледяной щит тридцатифутовой толщины медленно отступал на север – племя Ххыла обосновалось там, где несколько веков назад лежал лед. На западе берега омывал Атлантический океан – ближайшей сушей был неизвестный Ххылу остров Ирландия; лишь через девять тысяч лет бесстрашные мореплаватели пересекут водные просторы и достигнут берегов Северной Америки. На юге, в равнинах и низинах современной Южной Англии, древние дельты Рейна и других рек за долгие тысячелетия образовали широкий пролив, который сейчас называют Ла-Манш. А вот на юго-востоке полоска суши соединяла полуостров Британия с Евразией; от Восточной Британии до заснеженных вершин Уральских гор на две с половиной тысячи миль распростерлись дремучие леса и степные просторы.

Десятки тысяч лет обитатели Северного полушария свободно передвигались по материке: с началом оледенения уходили на юг, а когда лед отступал – снова возвращались на север. Предки Ххыла кочевали и по российским степям, и по берегам Балтики, по Иберийскому полуострову и Средиземноморью – память об этом, неосознанно жившая в Ххыле, обуславливала его восприятие окружающего мира. Двести лет назад его предки прошли через густые леса на востоке Британского полуострова и вслед за стадами двинулись на север, а теперь Ххыл по их следам собирался добраться до южных земель. Наверное, если бы он представлял, как это далеко, то вряд ли решился бы на подобное путешествие, однако ему было известно лишь, что теплые края существуют и теперь самое время туда отправиться.

Охотник вполне мог бы привести в исполнение свою отчаянную задумку, если бы не непредвиденное роковое событие.

– Кто пойдет со мной? – спросил Ххыл соплеменников.

Ответом ему стало молчание: в приполярной тундре жили и охотились далекие предки, племя как-то выжило. Неизвестно, есть ли на самом деле теплые края. А вдруг их населяют враждебные племена? Доводы Ххыла никого не убедили. Через несколько дней, после долгих споров, Акуна неохотно согласилась отправиться в путь.

Ранним утром, под теплыми лучами бледного солнца, четыре оставшихся семейства вышли провожать Ххыла и грустно смотрели вслед путникам, уходившим на верную смерть.

Пять дней Ххыл, Акуна и дети шли на юг по бескрайней бурой тундре. Ххыл с Акуной по очереди несли свернутые шкуры, шести жилища и съестные припасы – вяленое мясо и

ягоды. Из-за детей приходилось двигаться медленно, но за день они покрывали миль десять, и Ххыла это вполне устраивало. Тундру там и сям пересекали ручьи и речушки, где ловилась рыба, а на третий день пути охотник убил зайца стрелой с кремнёвым наконечником, метко выпущенной из небольшого лука. Ххыл часто поглядывал на небо: орел или сокол в облаках тоже выслеживали добычу. Путники не тратили сил на пустые разговоры, молчали даже дети.

Мальчик, крепкий пятилетний малыш с большими задумчивыми глазами, шел медленно, но упрямо. Ххыл надеялся, что сын выдержит тяготы пути. Девочка Вапа, худенькая, как олененок, казалась хрупкой, но Ххыл знал, что она сильная.

На пятый день путники добрались до величественного известнякового хребта. Горная гряда на несколько сот футов вздымалась над тундрой и тянулась по восточной оконечности Британии примерно двести миль, после чего мягкой дугой сворачивала на запад еще на двести миль и наконец выходила к морю на юге, но прежде образовывала в центре Южной Британии меловое плато, от которого в разные стороны щупальцами огромного осьминога расползались другие хребты. В доисторические времена, да и позднее, эти хребты служили естественными дорогами для первобытных племен.

С вершины кряжа открывался такой чудесный вид на пятьдесят миль вокруг, что даже Акуна ахнула и улыбнулась. На гряде росли чахлые деревца, редкие рощицы и густой кустарник, где путники укрывались на ночь. Дни шли за днями, скитаться в одиночестве было тяжело, но Ххыл не терял надежды и упрямо двигался вперед, представляя себе неведомые южные края, где тепло и много дичи – ведь путешествие он затеял ради благополучия семьи.

Как же ему повезло с Акуной! Всякий раз, когда Ххыл смотрел на нее, по телу растекалось приятное тепло. Они встретились, когда Акуне было двенадцать: ее племя кочевало по тундре и забрело в охотничьи угодья соплеменников Ххыла. Такие редкие встречи всегда давали повод для всеобщего веселья. Мужчины обзаводились спутницами, ведь кочевники хорошо знали, что межплеменные союзы производят крепкое, сильное потомство. У молодого Ххыла, уже тогда прославленного охотника и следопыта, женщины не было. Акуна, миловидная и складная девушка, составила ему прекрасную пару. Долгих обсуждений не потребовалось: мужчины устроили совместную охоту, после чего отец Акуны отдал дочь Ххылу в обмен на кремнёвые наконечники для стрел.

Сейчас Акуне минуло двадцать два – зрелая женщина в расцвете сил. Обычно к этому возрасту женщины становились морщинистыми и жилистыми, но Акуна сохранила привлекательность: не такая смуглая, как соплеменники Ххыла, с необычными зеленовато-карими глазами, копной русых волос, сейчас густо смазанных салом, и широким чувственным ртом с крепкими ровными зубами. Щеки еще не покрылись сеткой глубоких морщин, как у большинства ее сверстниц.

Мысли о гибком, податливом теле Акуны вызывали у Ххыла невольную улыбку; он с тайным восторгом вспоминал ее великолепную налитую грудь, крутые изгибы бедер, гладкую и светлую, будто сияющую изнутри кожу, покрытую легким пушком, а не порослью жестких волос, как у приземистых соплеменниц Ххыла. Коротким полярным летом, когда в тундре наступали долгожданные теплые деньки, Ххыл с Акуной купались в холодных, сверкающих струях ручьев и речушек. Акуна во весь рост вытягивалась на берегу, нежась в солнечных лучах, а Ххыл, гордый своей мужской силой, набрасывался на нее. Она с глубоким низким смехом, будто рожденным в недрах самой земли, подставляла ему пухлые губы.

Да, ему и впрямь повезло! Акуна знала, где отыскать ягоды и орехи, умела плести рыбацкие сети. Ххыл мечтал, что она родит ему еще одного сына – только не в тундре, а в теплых краях.

Через двадцать дней Ххыл с семьей спустились с кряжа и отправились на восток. Здесь, на плодородной равнине, растительность стала гуще: кое-где по берегам виднелись купы дере-

вьев; камыши и высокие травы клонились под холодным восточным ветром. Ххыл с удовольствием отмечал перемены, но теплее пока не становилось.

Дети тяжело переносили путешествие. Вапа исхудала, личико у нее заострилось, голова бессильно свисала на тонкой шее, но девочка упрямо шла за родителями. Мальчик вот уже три дня плелся, засунув в рот большой палец – дурной признак, – и несколько раз отказывался идти дальше. Ххыл и Акуна понимали, что потакать этому нельзя – остановки нарушали размеренный ритм путников, – поэтому медленно двинулись вперед, оставив его одного. Вапа не выдержала и волоком потащила брата за собой. Он до самого вечера не глядел на родителей, но больше не отставал.

Путники остановились на ночлег в чаще леса. Ххыл поймал в речушке пару рыбин. Акуна сидела у костра, дети жались у ее ног.

– Далеко еще до леса? – спросила она.

За прошедшие двадцать дней Акуна ни разу не жаловалась на тяготы путешествия и все силы посвящала заботе о детях. Ххыл втайне радовался ее молчанию, хотя и понимал, что оно служит выражением недовольства. Наверное, сейчас ее вопрос означал, что она готова выказать свой гнев. Впрочем, лицо Акуны оставалось невозмутимым, а Ххыл слишком устал, чтобы понапрасну волноваться о ее настроении.

– Дней шесть пути, – ответил он и погрузился в сон.

В следующие пять дней они перевалили через очередной кряж; равнину пересекали многочисленные ручьи и речушки; кое-где попадались болотистые низины, через которые идти было опасно. Ххыл изумленно озирался по сторонам: унылая северная тундра постепенно сменялась равниной, покрытой разнотравьем. Дичи стало больше. Дети не обращали внимания на перемены; мальчик, у которого не осталось сил даже сосать палец, покорно брел следом за сестрой, будто во сне. Акуна неторопливо шла рядом. За день семья проходила десять – двадцать миль, но Ххыл не подгонял родных.

– Еще чуть-чуть, и придем к заповедному лесу, – обещал он и каждый день подбадривал спутников отцовскими словами, памятными с детства: – Там растет много разных деревьев и водятся невиданные птицы и звери.

Дети слушали его, равнодушно глядя в пустоту, а Ххыл молил богиню Луну, покровительницу охотников, чтобы эти слова оказались правдой.

На шестой день случилась непредвиденная беда.

Ххыл проснулся на рассвете. День выдался ясным и студеным. Акуна с детьми, завернувшись в шкуры, мирно спали в густых зарослях кустарника. Ххыл встал, принялся и вгляделся на восток, где занималась тонкая полоска зари. Охотничье чутье подсказывало неладное.

В чем дело? Воздух как будто сгустился, стал вязким и клейким. Ххыл наморщил лоб и припал к земле, напряженно прислушиваясь. Чуткое ухо умелого охотника уловило отдаленный звук – так по еле заметному гулкому колебанию грунта выслеживают одинокого зубра. Вот и сейчас Ххыл разобрал в дрожании воздуха странный, почти неслышный рокот земли – именно это нарушило сон следопыта. Где-то на востоке что-то шипело, потрескивало и глухо грохотало, как будто вдалеке сталкивались боками громадные валуны. Охотник недоуменно вслушивался в неясные шорохи – бегущие стада зубров или табуны диких лошадей так почву не сотрясали. Он растерянно покачал головой, встал и пробормотал:

– Воздух...

Внезапно он сообразил, что его смущало: в воздухе носился едва уловимый, но явный запах соли. Если рядом – заповедный лес, откуда здесь соль? И что это за шум?

Ххыл разбудил Акуну:

– Что-то не так. Надо проверить. Ждите моего возвращения.

Все утро он размеренно бежал на восток и к полудню проделал пятнадцать миль. Странные звуки не утихали, становились громче; то и дело раздавался резкий треск, шорох и шелест сменялись зловещим грохотом обвала. Ххыл взобрался на холм и в ужасе замер.

У подножия холма, там, где должен был раскинуться заповедный лес, плескались волны. Безбрежная водная гладь простиралась до самого горизонта; мимо, покачиваясь на волнах, проплывали огромные льдины, и быстрое течение уносило их к югу. Зеленоватые валы с шипением накатывали на берег и выносили к зарослям льдины помельче. Кое-где из воды торчали верхушки раскидистых деревьев; ледяные глыбы ударялись о стволы, с треском раскалывали их в щепки и, грохоча, разваливались на куски.

На глазах у ошеломленного Ххыла неизвестно откуда взявшееся море поглотило заповедный лес и неумоимо двигалось на юг, сметая все на своем пути. Охотник, не раз видевший весенние разливы рек, сообразил, что где-то далеко на севере начали таять ледники. Впрочем, сейчас его удручало другое: дорога через заповедный лес исчезла. Кто знает, может, вода залила и далекие восточные степи, и теплые южные края? Как бы то ни было, путь к ним отрезан. Ххыл и его семья напрасно проделали невероятное путешествие – море перекрыло дорогу к чудесным землям на востоке.

Ххыл в отчаянии присел на корточки и, глядя на бушующие волны, сосредоточенно размышлял. Думать было о чем. Как давно начался потоп? Долго ли еще будет подниматься вода? Захлестнет ли она и этот холм, и горную гряду в шести днях пути отсюда? Мысль об этом ужасала. А вдруг настал конец света?

Однако Ххыл, будучи человеком рассудительным, превозмог отчаяние и до самого заката следил за уровнем прибывающей воды, а потом завернулся в шкуры и устроился на ночлег.

Всю ночь он раздумывал о силе и величии неведомых богов, ниспославших на землю ужасающий потоп, и с сожалением представлял заповедный лес, полный птиц и зверей, скрывшийся в темной глубине вод. Эта картина растрогала его чуть ли не до слез.

Наутро выяснилось, что уровень воды не изменился. Ххыл еще сутки терпеливо наблюдал за великим потопом, отмечая высоту прилива и отлива. Остаток ночи охотник провел на берегу, втягивая ноздрями соленый морской воздух и прислушиваясь к неумолчному шипению, треску и шорохам.

Ледниковый период медленно подходил к концу.

На рассвете третьего дня Ххыл удовлетворенно вздохнул: подъем воды прекратился. Если не случится еще одного сильного наводнения, то будет время увести семью на взгорье, куда море не доберется. Он встал, потянулся и, обуреваемый новыми дерзкими замыслами, отправился назад к Акуне.

Ххыл, сам того не подозревая, стал невольным свидетелем возникновения острова Британия. Заповедный лес некогда простирался на месте нынешней Доггер-банка в Северном море. За сравнительно короткий промежуток времени – вероятно, в течение нескольких поколений – талые воды полярного ледникового щита размыли полосу суши в Северном море и затопили низкую равнину, соединявшую Британию с Евразией. Примерно в это же время – точная хронология событий пока не установлена – разрушился и сухопутный мост на юго-восточной оконечности меловых хребтов Британии, на месте современного Ла-Манша. Потоп превратил евразийский полуостров, куда некогда откочевали предки Ххыла, в новый остров. Британия возникла в холодных бурных водах моря, которое с тех самых пор надежно оберегало бесчисленные поколения островитян.

Ххыл объяснил Акуне, что произошло.

– И что нам теперь делать? Возвращаться на север? – спросила она.

Он упрямо помотал головой:

– Нет.

Возвращаться не имело смысла; вдобавок, может быть, если идти вдоль берега к югу, то найдется местечко, куда не добралась вода, – наверняка путь на юг все еще открыт.

– Пойдем вдоль берега, отыщем переправу.

Акуна сердито уставилась на него. Ххыл понимал причины ее скрытого гнева: у Вапы от усталости ввалились глаза, а обессиленный мальчик совершенно изнемог.

– Он вот-вот нас оставит, – вздохнула Акуна.

Ххыл признал ее правоту: ребенок умрет, если не пробудить в нем волю к жизни. Акуна обняла детей; они покорно прильнули к матери, согретые теплом ее тела и успокоенные знакомым едким запахом шкур и прогорклого жира. Ххыл грустно посмотрел на родных, но своего решения не изменил.

– Пойдем вдоль берега, – упрямо заявил он.

Бесконечный путь на юг продолжался. С восточной стороны по-прежнему бушевало море. Дней через десять стало ясно, что тундра осталась позади, и у Ххыла зародилась искорка надежды.

Путники шли по болотистым низинам и пробирались через густые леса, с любопытством разглядывая непривычные деревья – вязы, ольху, ясени, дубы, березы и пахучие сосны в капельках смолы на мягкой коре. У воды росли камыши и осока, берега устилала густая трава. Хватало и дичи. Однажды утром Ххыл ловил рыбу в ручье. Дети подошли к нему и молча поманили за собой: в ста шагах выше по течению на берегу забавно копошились два зверька с гладким бурым мехом – бобры. Охотник, впервые увидев таких животных, с любопытством изучал их повадки. По ночам из леса часто слышался зловещий вой волков, и путники испуганно жались друг к другу.

Охотнику было невдомек, что потоп, преградивший дорогу на юг, на самом деле принес желанное тепло на новый остров. На дальнем севере таял ледовый щит, уровень моря поднимался, и температура в Британии начала повышаться – это продолжалось на протяжении четырех тысяч лет. Вслед за тающими льдами полоса тундры отходила к северу, так что со временем земли на триста миль южнее потеплели. Сюда, в эти теплые края, и пришел Ххыл, так что пробираться через заповедный лес на востоке ему не понадобилось. Сам того не зная, он привел семью в ласковое тепло южной оконечности Британии.

И все же Ххыл упорно не желал отказываться от своей мечты достичь благодатных южных земель. На следующий день дорогу на юг преградила широкая полоса воды, за которой виднелась суша, и охотник уверенно провозгласил:

– Это южное море.

– По-моему, это река, – покачала головой Акуна.

Она была права, а Ххыл ошибался: путники добрались до устья Темзы.

Два дня они шли к верховьям реки, а потом соорудили плот и переправились на противоположный берег, откуда Ххыл снова повел семью на юго-восток.

– Там должен быть путь на юг, – утверждал он.

К этому времени перемычку, некогда соединявшую Дувр с Францией, уже смыло. Через шесть дней путники вышли к высоким меловым утесам на юго-восточной оконечности острова, откуда открывался вид на береговую линию Европейского материка. Ххыл и Акуна молча поглядели на противоположный берег пролива Ла-Манш. Белоснежные утесы отвесно обрывались к бурному морю, что бушевало в двухстах футах внизу.

– Я точно знаю... – начал охотник.

Акуна согласно кивнула: жаркие края таились где-то там, на далеком неведомом берегу, куда преграждали путь бушующие волны. Крутые утесы некогда были частью горной гряды, продолжавшейся на материке, но талые воды подмыли меловые отложения и пробили воронку Дуврского пролива на юг и на восток.

– Тут можно на плоту перебраться, – с робкой надеждой заметил Ххыл, хорошо понимая, что это бесполезная затея: здесь в бурном потоке, в одном из опаснейших морских проходов в Европе, не уцелеть даже самому прочному плоту.

Храбрый охотник расстроено поник: рушилась его заветная мечта.

– На юг не пройти, – решительно заявила Акуна, пытаясь подбодрить Ххыла. – А в одиночку трудно. Надо найти других охотников.

Он признал правоту ее слов и задумчиво выпятил губы. Даже сейчас, переживая крушение сокровенных надежд, Ххыл не мог успокоиться; в его уме рождались все новые и новые замыслы. Да, они прошли по восточному побережью, где море перекрыло путь на юг. А что, если пройти по южному берегу? Может быть, чуть западнее обнаружится перешеек? Охотник цеплялся за любой, самый незначительный повод. Даже если с запада на юг посуху не пройти, там наверняка можно встретить других охотников. И хорошо бы уйти на возвышенность – кто знает, что еще поглотит следующий потоп? Море затопит низины, а на взгорье от него можно укрыться.

– Пойдем на запад, – сказал Ххыл.

Еще двадцать дней они шли на запад вдоль побережья. Слева, у подножия меловых и известняковых утесов, шумело море. На второй день пути противоположный берег смутно виднелся над горизонтом, а к ночи и вовсе пропал из виду. Справа иногда возникали расплывчатые очертания холмов и кряжей, тянувшихся параллельно берегу.

Рельеф доисторической Британии во времена Ххыла был чрезвычайно прост: на севере горы и ледники, на юге – море, а между ними – плодородные земли, разделенные сетью кряжей на высокогорье и равнины. На территории Южной Британии преобладали реки, меловые возвышенности, покрытые редкой растительностью, и осадочные отложения, где разрастались густые леса и возникали болотистые низины.

Не раз Акуна просила Ххыла поставить шалаш и отдохнуть несколько дней, но охотник не соглашался.

– Медлить нельзя, – напоминал он. – До конца лета надо других охотников найти.

Долгое путешествие продолжалось. Наконец Ххыл обрадованно приметил следы недавно проходивших здесь охотников: дважды на лесных полянах попадались следы кострищ, под кустами валялись обломки стрел.

– До встречи недолго осталось, – убежденно пообещал он Акуне.

Через три недели путники вышли к устью широкой реки, величаво катившей воды с запада, в нескольких милях от белоснежных меловых утесов побережья. Именно здесь охотник обнаружил подтверждение своим тайным страхам: милях в пяти к югу море размыло утесы и ворвалось в образовавшийся проток, затопив низину между речным и морским берегами.

Ххыл огорченно вздохнул:

– Море прорвалось сквозь скалы. Теперь оно повсюду. Сейчас нам дорогу перегородило, а потом всю землю проглотит. Надо уходить на возвышенность.

Действительно, в последующие века море неумоимо разрушало меловые утесы и затапливало побережье, так что под водой скрылась значительная часть скалистых берегов Южной Британии. Река Те-Солент, к устью которой вышло семейство Ххыла, в будущем исчезнет под морскими волнами. Единственным напоминанием об очертаниях древнего побережья сегодня служит ромбовидный осколок суши на юге Великобритании, в проливе Ла-Манш, – остров Уайт.

– Надо отдохнуть, – потребовала Акуна. – Дети устали, дальше идти не могут.

– Не время еще, – возразил Ххыл.

Вапа, не открывая глаз, плелась за родителями. Малыш спотыкался и падал без сил. Ххыл посадил его к себе на плечи и снова пообещал:

– Мы скоро придем.

Он повернулся лицом к заходящему солнцу и повел семейство прочь от берега.

На следующий день они вышли к озеру.

В пяти милях от побережья Ххыл приметил невысокий пологий холм и решил устроить ночную стоянку на вершине. Вдобавок оттуда наверняка открывался прекрасный вид на окрестности. У подножия холма разлилось неглубокое озеро с полмили шириной; с севера и запада в озеро впадали две речушки, еще одна убегала из восточной оконечности к морю. На северном берегу раскинулась болотистая низина.

Озеро лежало на подветренной стороне холма. В теплом воздухе сладко пахло папоротниками, илом и осокой. Над неподвижной гладью озера пролетела цапля, с громкими криками кружили чайки. Ххыл ловко соорудил плот и переправил семью на противоположный берег.

С вершины холма охотник поглядел вдаль: невысокие, заросшие лесом кряжи ровными волнами уходили к горизонту.

– Вот куда надо идти, – сказал он Акуне.

До конца летнего сезона оставалось два месяца. Здесь, у озера, можно было отдохнуть и набраться сил.

– Дней на десять здесь задержимся, а потом уйдем подальше от берега, – решил Ххыл.

Обрадованная Акуна вместе с детьми спустилась к озеру.

Место оказалось чудесным. У озера, под защитой холма, собирались всевозможные звери и невиданные прежде птицы. Ххыл с изумлением разглядывал лебедей, цапель и стайку пеликанов. В низине табуны диких лошадей проносились по торфяникам, поросшим вереском, к дальним лесистым горам на севере. В речушках водилась форель и семга. Однажды Ххыл переплыл Те-Солент на плоту и в отлив набрал на морском берегу крабов и мидий. Акуна испекла их на углях, и вся семья наелась до отвала.

К детям возвращались силы. Ххыл с улыбкой смотрел, как малыш играл с Вапой на берегу озера.

– Давай здесь перезимуем? – предложила Акуна. – Еды хватает.

С подветренной стороны холма можно было устроиться на зиму, но Ххыл решительно помотал головой:

– Нет, надо уходить на возвышенность.

Его до сих пор терзал страх перед неумолимым морем.

– Ты нас погубишь, – сердито буркнула Акуна, но стала собираться в дорогу.

Ххыл не подозревал, что его необычайное путешествие подходит к концу и что завершит он его не в одиночку.

Перед уходом с озера охотник решил разведать местность к северу от холма и отправился вверх по реке, к первому кряжу. Берега поросли редким лесом, сама речка была узкой, шагов тридцать в ширину, и текла неторопливо. В камышах сновали утки, на дне лениво колыхались длинные пучки зеленых водорослей, а в глубине скользили крупные рыбы. Охотник прошел пять миль вдоль реки и неожиданно наткнулся на человеческое жильё.

На опушке виднелись два камышовых шалаша, обмазанные глиной и прикрытые дерном; у берега покачивался выдолбленный из ствола челн.

Ххыл замер. Костра у шалашей он не заметил, но в воздухе чуть тянуло дымком, будто огонь недавно потушили. Охотник осторожно подкрался к одному из шалашей и тут в зарослях осоки увидел невысокого горбуна с луком в руках. Наконечник стрелы был направлен прямо в сердце Ххыла.

Теп давно уже следил за приближением Ххыла и на всякий случай велел своей семье уйти подальше в чащу, но не стал убивать незваного гостя, решив сперва к нему присмотреться.

Как выяснилось впоследствии, Теп был прекрасным охотником и отличался невероятной осторожностью, но во всем остальном его нрав оставлял желать лучшего. Новый знако-

мец походил на крысу: остроносый и острозубый, с близко посаженными глазами-бусинами, узким торчащим подбородком и копной необычных огненно-рыжих волос. Двигался он легко, ходил размашисто и длинными гибкими пальцами ног с легкостью поднимал с земли мелкие камешки и ветки. Одно время его семейство обитало в стойбище охотников милях в пятнадцати к северо-востоку от озера, но Теп прослыл среди них хитрецом, обманщиком и задирой, поэтому после очередной ссоры из-за дележки добычи – горбун всегда пытался урвать себе лишний кусок – соплеменники изгнали его из стойбища. Никто из окрестных обитателей не желал иметь с ним дела, и Теп стал изгнанником. Впрочем, Ххыл об этом не догадывался и жестом показал горбуну, что пришел с миром. Теп, не опуская лука, знаком попросил Ххыла объясниться.

Вскоре выяснилось, что друг друга они понимали без особого труда, хотя в говоре и были некоторые различия, с которыми помог справиться язык жестов. Ххыл надеялся заручиться помощью нового знакомого и рассказал ему о своем путешествии.

– А ты один? – подозрительно осведомился Теп.

– Со мной моя женщина и двое детей.

Теп медленно опустил лук и велел:

– Отведи меня к ним. Ступай вперед.

К концу дня Теп познакомился с семейством Ххыла и счел за благо подружиться с северными пришельцами, надеясь, что в недалеком будущем дочь охотника станет спутницей его сына. Как только выяснилось, что Ххыл хочет обосноваться на возвышенности, в глазах Тепа вспыхнул алчный огонек.

– Я знаю подходящее место, – объявил он. – Там в долинах много дичи, а посредине – возвышенность. Правда, туда идти далеко.

– А где это? – спросил Ххыл.

– Далеко, – повторил Теп. – Путь нелегкий, но я вас проведу. Только сначала пойдем со мной охотиться.

Ххыл особого доверия к новому знакомцу не испытывал, но от предложения поохотиться не отказывался ни один уважающий себя мужчина. Вдобавок Ххыла угнетало одиночество.

– На возвышенность надо добратся до зимы, – напомнил он.

– Доберемся, обещаю, – ответил Теп.

Так завязалась странная дружба между охотником из тундры и охотником из южных лесов. У Тепа было четверо детей. Когда его первая женщина умерла, из охотничьей общины на западе он украл девочку, которая родила ему еще двоих детей. Звали ее Улла – худенькая, круглолицая, с испуганными карими глазами. У всех детей, как у отца, были длинные гибкие пальцы ног, задиристый нрав и врожденная способность к охоте.

Теп решил во что бы то ни стало заполучить дочь Ххыла для одного из своих сыновей, однако его дружба, пусть и корыстная, пошла на пользу и северянам. Теп показал Ххылу самые рыбные места в реке, а однажды привел его к устричной отмели на морском берегу, научил нырять за раковинами и отковыривать их ножом со дна. Сын Ххыла стал таким ловким пловцом и нырятьщиком, что его прозвали Выдрой, в честь забавных зверьков, которые жили в прибрежных норах. В тот вечер на берегу озера семьи Ххыла и Тепа устроили настоящее пиршество, обедаясь свежей форелью, мидиями и устрицами. Северяне никогда прежде не пробовали таких лакомств. Ночью, при ярком свете звезд, отражавшихся в темных водах озера, Акуна попросила:

– Давай здесь останемся.

Ххыл упрямо помотал головой и утром напомнил Тепу о его обязанности отвести их на возвышенность.

– Отведу, – кивнул хитрец. – Сначала мы с тобой поохотимся на оленя, а потом пойдем.

Ххыл неохотно согласился – ему очень не хотелось откладывать путешествие.

- Надо до зимы до взгорья добраться.
- Доберемся, – пообещал Теп. – А на оленя пойдем в полнолуние.

Северянин решил задержаться еще по одной причине: он умел охотиться в тундре, но здесь, в южных лесах, Теп превосходил его в ловкости и сноровке.

На унылых просторах тундры дичи было мало; охотники собирались группами и следовали за добычей несколько дней, постепенно изматывая зверя и лишая его сил. В лесах на юге дичи было предостаточно, и Теп в одиночку охотился на косуль, диких лошадей, зайцев, серых куропаток, лебедей и гусей. Больше умение требовалось для охоты на вепрей и бурых медведей. С охотниками соперничали многочисленные хищники: лесные хори, лисы, волки, барсуки, горностаи и ласки. Вдобавок в чаще и на опушках можно было собирать великое множество съедобных грибов, клубней и злаков, терпкие ягоды можжевельника и сладкую ежевику. Хитрому горбуну все это было знакомо, и он делился с Ххылом своими познаниями.

Оружие для охоты в лесу весьма отличалось от привычного Ххылу копья и лука со стрелами. На севере кремнёвые отщепы бритвенной остроты приматывали к древку стрелы сплетенными из травы жгутами, а наконечники стрел лесного охотника были самой разнообразной формы, в зависимости от дичи, не заостренными, а долотообразными, и крепились в особый паз на древке. В наконечниках копья обычно делалось отверстие, куда прочно вставлялось древко. Для ловли рыбы предназначался зазубренный гарпун: острые зубцы не позволяли добыче ускользнуть. Ххыл с восхищением рассматривал тонкий иволистный наконечник – с такими Теп охотился на лис, чтобы не повредить драгоценного меха.

Впрочем, на этом различия между охотниками не оканчивались. Одежда Тепа – шкуры, сшитые нитками из оленьих кишок, – плотно прилегала к телу; летом он носил рубаху и набедренную повязку, а зимой надевал кожаные штаны; еще он рядился в звериные шкуры, изображая то лиса, то оленя, и закрывал лицо звериной маской. Улла плела великолепные корзинки из ивовых прутьев и искусно мастерила деревянные плоски.

Ххыл и не подозревал, что сам он – один из последних охотников палеолита. В Северном полушарии обширные открытые пространства тундры исчезали, уступая место лесам, где требовались иные, сложные приемы и методы охоты. Начинался мезолит.

В ожидании полнолуния Ххыл не терял времени даром: Теп учил его делать оружие и расставлять силки в лесу. Улла поделилась с Акуной секретами плетения корзин. Между двумя семействами установились дружеские отношения, и Ххылу пришлось признать, что встреча с новыми знакомыми пошла ему на пользу.

По вечерам мужчины спускались к реке или выходили на берег озера и глядели на богиню Луну, покровительницу охотников, сияющую в небесах. Оба они поклонялись серебристой богине, потому что именно она управляла жизнью диких зверей и своим светом помогала ночной охоте.

Ночь за ночью луна понемногу открывала свой сияющий лик. Наконец настало полнолуние, ночь священной охоты, однако, прежде чем отправиться в лес, надо было совершить особые обряды в честь богини Луны.

На берегу озера сложили костер. Восходящая луна отразилась в темных неподвижных водах озера.

– Она пришла на водопой, – прошептал Теп, следя за сияющим кругом на зеркально-гладкой поверхности.

Дети подожгли хворост, и охотники приступили к исполнению странного, но важного обряда. Теп, держа над головой рога оленя, убитого в прошлом году, медленной, осторожной поступью двинулся вокруг костра, то замирая, то испуганно оглядываясь. Дети зачарованно смотрели на горбуна, который перевоплотился в грациозного зверя. Ххыл крался за ним, будто на охоте. Охотники с необычайной достоверностью изображали мельчайшие подробности: Ххыл заметил след, бесшумно скользнул за оленем, подбираясь все ближе и ближе, – и

вот наконец подстреленный зверь забился в предсмертных судорогах. Женщины и дети внимательно следили за представлением. Обряд не только предназначался для обучения детей искусству охоты, но и служил колдовским заклинанием, обращенным к богине Луне в надежде, что она ниспошлет удачу охотникам.

Теп великолепно исполнил свою роль, словно бы и впрямь превратился в оленя, преследуемого охотником. Богиня Луна принимала в жертву дух зверя, убитого на охоте, а его плоть отдавала людям. Охотники, не желая полагаться на случай, свято верили в древние колдовские обряды и прилежно исполняли их. В ночной тишине потрескивал хворост в костре, а богиня Луна безмолвно плыла по темному небу.

Наутро, в прибрежной роще, Ххыл, Теп и десятилетний юркий сынишка Тепа выследили и убили оленя с тяжелыми раскидистыми рогами, а потом отволокли его в стойбище. Женщины ловко сняли шкуру, разделали тушу и собрали кровь в кожаную торбу, а мясо нарезали тонкими полосками и завялили на воздухе. В неглубокие плоские налили морскую воду, оставили выпариваться на солнце, потом соскребли соль и присыпали ею мясо – так оно не портилось несколько месяцев.

Вечером, перед ужином, мужчины провели еще один важный обряд. Женщины, разделав мясо, вручили охотникам шкуру и оленье сердце. Шкуру, наполненную камнями и зашитую костяной иглой, уложили в долбленную лодку, и с наступлением темноты охотники спустились вниз по реке, к озеру.

Луна взошла над гладью темных вод. Мужчины вывели долбленку на середину озера, опустили шкуру за борт, и она тут же погрузилась на глубину.

– Теперь у богини есть еда, – провозгласил Ххыл и направил лодку к стойбищу, где их ждал обильный ужин.

Люди ели оленину, но дух зверя принадлежал богине, пославшей охотникам добычу.

Над рекой струился аромат жареного мяса. Ххыл оглядел свою семью – жена с довольным видом сидела у костра, дети играли на лужайке. Из этого чудесного места уходить не хотелось, и все же ночью, лаская мягкое, податливое тело Акуны, охотник мысленно поклялся: «Я найду взгорье, там мы заживем еще лучше».

Наутро к Ххылу пришел Теп – настало время исполнить обещание. Впрочем, Ххыл почти не сомневался, что Теп снова придумает какую-нибудь отговорку.

– Отдай дочь моему сыну, – без обиняков заявил Теп. – Тогда я отведу вас на возвышенность.

Ххыл задумался. Теп не сдержал слова, но просьба его была не так уж и плоха. В конце концов, дочь придется кому-нибудь отдать, а сын Тепа – хороший охотник.

– Сначала отведи нас, а потом я отдам ему дочь, – решительно ответил Ххыл.

Поразмыслив, Теп неохотно согласился.

На следующий день оба семейства отправились вверх по реке.

Вокруг простиралась плодородная равнина – за миллионы лет здесь поверх галечника скопились наносы, оставленные отступающими ледниками. Теп шел неторопливо, часто останавливался и ловил в реке рыбу – форель, угрей, щук, нежных хариусов и окуньков, – пытаясь задобрить спутников лакомствами.

Ххыл недовольно морщился: за день удавалось пройти всего пять миль, а лето близилось к концу. Что, если они не успеют добраться на возвышенность до наступления холодов? Он неумоимо подгонял Тепа, но горбун только хитро улыбался и мотал головой. Вот уже четыре дня путники двигались медленнее улиток, а на пятый день пришли в долину у невысокого пологого холма.

– Вот здесь сливаются пять рек, – объявил Теп.

Ххыл удивленно огляделся: перед ним расстилалась широкая ложбина, четко очерченным кругом раскинувшаяся на много миль. С запада, севера и востока ее обступали кряжи –

высокие и неприступные, с обрывистыми склонами и крутыми откосами. Чуть правее к краю ложбины подступал поросший лесом холм, за которым открывался вход в долину – одну из нескольких, презавших кряжи.

– Здесь три долины, – пояснил Теп. – На западе, на севере и на северо-востоке. Холм стоит перед входом в северную долину, самую маленькую из трех. По каждой долине течет река, а в западной долине их целых две, а потом все четыре притока сливаются и широкой петлей огибают юго-запад ложбины.

Действительно, речная излучина огибала центр впадины, а потом река устремлялась навстречу путникам.

– Пятая река вливается с запада, чуть выше по течению, – сказал Теп. – Видишь, вот так... – Он вытянул левую руку ладонью вверх, растопырил пальцы и ткнул в запястье. – Мы вот здесь.

– А где же возвышенность? – озабоченно осведомился Ххыл.

– Перед тобой, – ответил Теп. – Взберешься на северный кряж, оттуда по возвышенности можно много дней идти.

Через два часа мужчины вскарабкались на вершину северного кряжа, в ста пятидесяти футах над долиной, откуда открывался величественный вид на все четыре стороны света. Больше всего Ххылу понравилось бескрайнее лесистое плато на севере, которое застывшими каменными волнами уходило к горизонту. На просторе с тихим свистом носился ветер. Охотник удовлетворенно улыбнулся: именно о таком месте он и мечтал. Даже если море разрушит утесы и затопит долины, с этой огромной возвышенностью ему не справиться. Здесь семейство северного охотника будет в безопасности. Ххыл обернулся и поглядел на пять рек, неторопливо текущих по болотистой луговине. На воде горделиво покачивались лебеди.

– Здесь мы и останемся, – сказал он.

Так возник Сарум.

Ххыл с семьей пришли на пустынную возвышенность, известную сегодня под названием Солсберийская равнина, где сходятся все естественные дороги Южной Англии. Отсюда, с холмистого взгорья, длинные меловые гряды отходят на юго-запад, на восток и на север – часть того самого юрского хребта, с которого Ххыл начал свое путешествие из тундры. Охотник побывал и на гряде, тянущейся на восток: именно на ее оконечности он стоял, глядя на бушующие воды Дуврского пролива, – море как ножом обрубило меловые скалы. Все эти и многие другие кряжи сходились в центре острова Британия, на Солсберийской равнине.

– На море похоже, – изумленно выдохнул Ххыл. – Земля застыла волнами.

Охотник, сам того не зная, сделал очень верное наблюдение. С точки зрения геологии Солсберийская равнина – несложное образование. Примерно шестьдесят пять миллионов лет назад и сама равнина, и вся южная оконечность Британии лежала под водой; море отступило только в так называемый меловый период, и кряжи, образованные древними юрскими известняками, покрыл слой меловых отложений в сотни футов толщиной. Меловые отложения сформировали грунт возвышенности, а сравнительно недавно – примерно в последние два миллиона лет – ветер и талые воды нескольких ледниковых периодов нанесли на мел тонкий слой плодородной почвы, на котором и разрослись леса. Так образовалась Солсберийская равнина.

Ххыл далеко не первым набрел на это пустынное место. Через возвышенность и прилегающие к ней долины вот уже четверть миллиона лет кочевали первобытные охотники – об этом свидетельствуют древние наконечники стрел и кости животных, которые до сих пор находят археологи. Люди издавна облюбовали окрестные места.

– Да, место хорошее, – сухо заметил Ххыл, сообразив, что хитроумный Теп его обманул: найти возвышенность было нетрудно, надо было лишь подняться вверх по реке – именно поэтому горбун и откладывал недолгое путешествие. Впрочем, охотник не стал с ним со-

риться, ведь других людей он не встречал с тех самых пор, как ушел из тундры. – Когда дочь подрастет, пришли за ней сына, – сказал он и отвернулся, разглядывая долину.

На следующий день он обошел окрестности. Больше всего охотника привлекал крутой холм у входа в долину на севере, который как будто сторожил возвышенность. С вершин холма открывался великолепный вид, а один склон полого уходил к реке.

– Хорошее место, – сказал Ххыл Акуне, и она согласно кивнула.

Жилье они соорудили в ложбинке на юго-западном склоне холма, обращенном к месту слияния пяти рек. Оттуда местность хорошо просматривалась до самого горизонта, а рощица защищала жилище от ветра.

Теп не стал возвращаться к своей стоянке у реки, потому что ему надоело жить изгоем. О его вздорном нраве Ххыл не знал.

– Я останусь поблизости, будем охотиться вместе, – сказал Теп, поднявшись на холм к Ххылу.

Новому знакомцу Ххыл не доверял, но, поразмыслив, согласился на такое соседство.

Теп с семьей разбили свои шалаши в месте слияния двух рек западной долины, в двух милях от холма Ххыла.

Два семейства начали обживать Сарум. В долинах и на возвышенности было много дичи, и Ххылу больше не грозила голодная смерть. Хотя ему и не удалось уйти на юг, он все-таки нашел свои теплые края.

Так в пятиречье сложилась новая община первобытных охотников. Впрочем, они были не одиноки: в семи милях к востоку, на лесистом склоне холма у реки, обитали еще два семейства, а в десяти милях к западу, у болота, поблизости от прошлой стоянки Тепа, в бревенчатых хижинах на сваях жили три семьи. Север возвышенности оставался необжитым.

Таким образом, в то время, когда население острова Британия насчитывало от силы пять тысяч человек, территория Сарума была густо заселена.

В долинах круглый год водилось множество дичи, поэтому охотникам больше не требовалось кочевать с места на место. Здесь были и косули, и дикие лошади, и лоси; на возвышенность забредали зубры и даже полярные олени, несколько раз в долины спускались косолапые бурые медведи. В окрестных лесах шныряли волки, но к людям хищники не приближались. На реке обосновались стаи лебедей, по заводям расхаживали аисты, пеликаны и цапли; впрочем, мясо цапель было невкусным, в отличие от мяса серых куропаток и чибисов. Хватало бобров, барсуков и лис. Иногда мужчины устраивали совместную охоту на вепрей – диких кабанов с грозными клыками и очень вкусным мясом. На склонах холмов Акуна собирала ягоды можжевельника, терна и боярышника, в реках водились форель, семга, щука, окунь, хариус и угри – их умело ловил Теп с сыновьями, так что обитатели Сарума питались разнообразно.

Однако здесь пока не было многих представителей животного мира: домашних мышей (впрочем, в лесах встречались полевые), крыс, овец, домашних свиней и коров, фазанов и кроликов, хотя зайцы водились во множестве. Только через шесть с половиной тысяч лет нормандцы завезли кроликов в Британию.

В лесах росли дубы, ясени, сосны, вязы и бузина; на берегах рек копали глину, а в меловых отложениях добывали кремни, из которых делали наконечники стрел. На склоне холма в нескольких милях к востоку от долины залежи кремня выходили на поверхность, а Ххыл с Тепом разрыли и углубили естественную выемку, обеспечив себе запас драгоценного материала.

Ххыл с Акуной по-прежнему придерживались уклада жизни обитателей суровой тундры. Душный шалаш, в котором круглый год жил Теп, им пришлось не по нраву, поэтому на зиму они вырыли в холме глубокую просторную землянку и для тепла завалили вход камышом

и валежником, а весной на склоне, согретом теплыми лучами солнца, установили обычное жилище из шкур и откидывали полог, наполняя дом ароматами клейкой листвы и трав.

Зимы были долгими и суровыми, как и в тундре; на возвышенности завывал холодный восточный ветер, мела метель, снег заносил все вокруг. Однако же долгие теплые весны были ничуть не похожи на короткое полярное лето: сугробы таяли, с холмов в низины бежали звонкие ручьи, тихие реки в долинах превращались в бурные потоки, длинные плети водорослей, которые обычно лениво колыхались на глубине, стелились по воде под напором струй, мутных от ила и меловой пыли.

Больше всего Ххылу нравилось бродить по пустынной возвышенности; она напоминала ему родную тундру. В ясный летний день казалось, что протяни руку – достанешь до самого неба; зимой, когда студеной восточный ветер срывал колючие снежные комья с деревьев, Ххыл будто бы переносился в необозримые морозные просторы полярного края.

Годом позже, в середине лета, Ххыл обнаружил на возвышенности место необычайной красоты. Однажды они с Акуной забрели на север плато и наткнулись на большую вырубку – лет за тридцать до того поляну расчистило племя охотников, которые из года в год устраивали здесь стоянку. На лужайке золотились цветы калужницы и подковника, но вся она почему-то отливала ярко-синим. Ххыл недоуменно остановился, но Акуна, смеясь и хлопая в ладоши, выбежала на поляну. Внезапно синева поднялась в воздух и дрожащим покровом повисла над землей – сотни тысяч бабочек-голубянок, трепеща синими крылышками, испуганно сорвались с мест. Акуна замерла, окруженная колышущимся голубым облаком, и у Ххыла радостно забило сердце. Он бросился к ней, пылко обнял и повалил на землю.

Три года семья Ххыла и семейство Тепа мирно жили бок о бок. Широкое обветренное лицо северного охотника пересекли глубокие морщины. Сын Ххыла, Выдра, смысленный паренек, часто уходил охотиться с сыновьями Тепа на мелкого зверя в долинах. Вапа унаследовала от Акуны красивые зеленовато-карие глаза и к восьми годам стала очень похожа на мать. Ххыл радовался, глядя на нее и, хотя жалел, что обещал отдать ее сыну Тепа – вздорным нравом и хитростью тот пошел в отца, – но слова своего нарушать не собирался. На второй год жизни на возвышенности Акуна родила Ххылу еще одного сына, крепкого и здорового мальчика. Охотник решил, что богиня Луна благосклонно принимает ежегодные жертвы и покровительствует его семье.

Теп с Ххылом часто охотились вместе. Горбун уплывал в долбленке к озеру и возвращался с тушками пеликанов и прочими лакомствами; привозил он и птиц с ярким оперением – Улла вплетала перья в свои корзинки. Со своей женщиной Теп обращался грубо, иногда она появлялась с подбитым глазом и синяками, но не жаловалась на тяжелую участь.

А на четвертый год случилось ужасное происшествие.

Зима выдалась долгой и студеной. Улла заболела и едва не умерла – ей было всего двадцать лет, но ее подкосили холода и тяготы существования. Поначалу дети и Теп по мере сил ухаживали за ней, а потом, видя, что она не идет на поправку, оставили ее одну. Акуна пришла в крохотный шалаш, развела огонь и несколько дней отпаивала Уллу теплым питьем и жидкой похлебкой – другой пищи бедняжка не принимала. Акуна укутывала истощенную дрожащую женщину в шкуры и сокрушенно качала головой. Посреди зимы три дня мела метель, от пещеры на холме до шалаша у реки добраться было невозможно, и Акуна решила, что Улла умерла в одиночестве. Как ни странно, женщина Тепа выжила.

Теп, растроганный заботой Акуны, начал оказывать ей всевозможные знаки внимания. Однажды весной горбун принес в пещеру на холме огромную рыбину и торжественно протянул Акуне.

– Это тебе, – заявил он. – Ты за Уллой ухаживала.

Акуна благодарно улыбнулась, по обычаю предложила Тепу место у огня и угощение. Спустя несколько дней горбун снова принес дары – рыбу и заячью тушку. Акуне было неловко, однако, не желая обидеть Тепа, она с улыбкой поблагодарила его.

Теп стал частенько приходить то в пещеру на холме, то в долину у подножия. Улле нравилось общество Акуны, и избежать встреч с горбуном было невозможно. Акуна обращалась с ним приветливо, а он продолжал приносить ей еду в подарок. Несколько раз Акуна говорила об этом Ххылу, но тот лишь пожимал плечами:

– Теп со мной охотится, он наш друг.

Вскоре Акуна перестала об этом тревожиться.

Однажды летним утром, когда Ххыл с Выдрой ушли выслеживать оленя, Акуна оставила малыша в пещере под присмотром Вапы и спустилась в долину собрать спелые ягоды в рощице на востоке. По пути ей показалось, что за ней следят; она огляделась, но никого не заметила. Опушка рощи густо заросла ежевикой. Акуна быстро набрала лукошко ягод и внезапно увидела Тепа. Горбун неслышно подкрался среди деревьев и теперь стоял совсем рядом с ней. Он искупался в реке, смыл застарелую грязь с тела и из куцей бороденки, так что от него воняло меньше. Огненно-рыжие космы торчали во все стороны.

Акуна, напуганная его неожиданным появлением, сдержанно поздоровалась с ним и продолжила обрывать ягоды с куста. Теп молчал, неотступно следуя за ней. Не зная, что делать, она потянулась к грозди ягод высоко на ветке. Горбун сделал шаг вперед и неожиданно облапил ей грудь.

Акуна замерла – низенький жилистый Теп был очень силен. Она поняла, что ей грозит опасность, и лихорадочно размышляла. Вряд ли Теп решится украсть чужую женщину: Ххыл будет драться за нее насмерть. Наверное, горбун подумал, что она благосклонно отнесется к его ухаживаниям, ведь она улыбалась ему, брала принесенную им еду, приглашала его к очагу и в присутствии Уллы держалась с ним приветливо. Дружелюбное поведение он воспринял как заигрывание и теперь сделал решительный шаг. Нет, ему надо объяснить его ошибку.

Женщина повернулась к Тепу, невозмутимо посмотрела ему в глаза и осторожно отвела его руку в сторону, сурово качая головой. Говорить Акуна ничего не стала, боясь задеть его неверным словом, – может быть, он все поймет.

Увы, Теп уже давно мечтал о привлекательной женщине с холма; болезнь Уллы только усилила его желание. Хитроумный горбун убедил себя, что нравится Акуне, и отказа не потерпел. Он удивленно посмотрел на нее, потом злобно прищурился и снова протянул руку.

Не выдержав, Акуна с отвращением оттолкнула горбуна и плюнула в его сторону, но тут же осознала свою ошибку. Лицо Тепа исказила обиженная гримаса. Он злобно сверкнул глазами, бросился к Акуне, повалил на землю и разодрал ей ворот мягкой кожаной рубахи, обнажив тяжелые, крепкие груди. Горбун похотливо ослабился.

Стремясь вырваться из цепких рук Тепа, Акуна изо всех сил ткнула кулаком ему в лицо, попала в висок и стряхнула горбуна на землю. Он откатился в сторону, взвизгнул, выхватил из-за пояса костяной охотничий нож и кинулся на женщину. Сильной, жилистой рукой он до боли сжал ей запястье и приставил нож к горлу.

Акуна поняла, что ей не вырваться, притворно обмякла и, преодолевая отвращение, погладила горбуна по плечу, а потом призывно согнула ногу в колене. Он чуть ослабил хватку и подозрительно уставился на женщину. Она растянула губы в улыбке. Теп поддался на обман, с торжествующим криком раздвинул ей ноги, отшвырнул оружие и бросился на нее. Акуна стремительно подхватила костяной нож и полоснула сверху вниз по лицу горбуна. Он заверещал от боли и закрыл лицо ладонями: Акуна пропорола ему правый глаз.

Она вскочила и со всех ног помчалась через рощу, сжимая нож в кулаке. В спину ей неслись крики Тепа, который беспомощно корчился на лужайке. У пещеры на холме Акуна

перевела дух, вооружилась луком и стрелами Ххыла – на случай, если горбун бросится за ней в погоню, – и встала у входа, дожидаясь возвращения охотника с сыном.

Ххыл вернулся к вечеру. Акуна, дрожа от возмущения, рассказала ему о нападении Тепа. – Убей его, иначе он убьет нас всех, – предупредила она.

Ххыл побагровел от гнева. Поначалу ему и впрямь захотелось убить горбуна, но, поразмыслив, он решил поступить иначе.

Распрей и раздоров между племенами избегали любой ценой: людей было мало, человеческая жизнь считалась священной, для продолжения рода следовало жить в мире и согласии. Если Ххыл убьет Тепа, то сыновья горбуна захотят отомстить за отца, и через несколько лет обе семьи будут уничтожены. Ххыл сокрушенно покачал головой:

– Надо подумать.

Всю ночь он просидел у входа в жилище, размышляя над трудной задачей, а на рассвете понял, что делать. Взяв копье и лук, он кружным путем направился к стоянке Тепа у реки: наверняка горбун, опасаясь возмездия, скрывается где-то в лесу и, может быть, решит исподтишка напасть на Ххыла.

В шалашах у реки никого не оказалось, но долбленка лежала на берегу. Ххыл огляделся, нашел открытое место, чтобы никто не подкрался незаметно, сел на землю и замер, уложив лук на колени. Судя по всему, Теп прятался неподалеку и наблюдал за Ххылом из укрытия. Наступил полдень, потом солнце начало медленно клониться к закату, но горбун не появлялся. Тихо шелестела листва под легким ветерком, в лесу щебетали птицы, над рекой пролетали лебеди. Ххыл терпеливо ждал.

Ближе к вечеру из леса осторожно вышел Теп и, пошатываясь, направился к охотнику. Опухшую правую глазницу покрывала корка запекшейся крови. Мужчины молча посмотрели друг на друга, опасаясь внезапного нападения.

– Уходи отсюда, – произнес Ххыл. – Возвращайся на старую стоянку.

Оба понимали, что другого выхода у Тепа нет.

– Ты обещал отдать дочь моему сыну... – начал горбун.

– Не отдам! – Ххыл решительно помотал головой.

Теперь он не стыдился, что не сдержит слова. Вапу лучше отдать молодому охотнику из соседнего поселения – недавно его отец позвал Ххыла охотиться на вепря.

Теп промолчал – возразить Ххылу он не мог. Вдобавок горбуна уже во второй раз изгнали из общины, и он понимал, что женщину для сына не найдет. И все же он хотел обратиться к Ххылу еще с одной просьбой.

– Когда придут зубры... – нерешительно произнес он.

Каждый год в начале лета по северо-восточной оконечности возвышенности проходили стада зубров. Охота на исполинских быков была опасным занятием, для нее требовалось много людей. Окрестные охотники собирались вместе и несколько дней следовали за стадом. Такой род охоты был хорошо знаком Ххылу еще по жизни в тундре. Теп с сыновьями тоже с этим справлялись, но в одиночку зубра не одолеешь.

Ххыл задумался. Изгнание стало для горбуна тяжелым ударом, однако прощать Тепа охотник не собирался и не хотел, чтобы он оставался по соседству.

– Можешь приходить сюда на один месяц в году, – наконец сказал Ххыл. – Я возьму твоих сыновей на охоту. А если ты подойдешь к нашему жилищу или к Акуне, я все расскажу соседям, и мы тебя убьем.

Теп понурился, понимая, что так оно и будет: окрестные охотники уважали Ххыла и верили его словам.

– Нам больше не о чем говорить, – объявил Ххыл. – Через два года приходи охотиться на зубра. Я дам тебе знать когда.

Так Ххыл сохранил мир и покой в долине. Акуна поначалу огорчилась, что Теп остался в живых, но в конце концов осознала мудрость решения Ххыла.

В жизни первобытного охотника и его семьи начался новый период. Ххыл с сыновьями в одиночку охотились в долинах, присоединялись к семьям по соседству для охоты на вепрей и зубров. Изгнанник Теп продолжал жить на дальней стоянке у реки. Время от времени Акуна предупреждала Ххыла:

– Теп будет красть женщин для сыновей. Он кого-нибудь убьет.

– Нет, его сыновья местных женщин не заберут, испугаются, – возразил охотник. – Украдут из дальнего племени, как Уллу.

Спустя два года Теп с семьей вернулись на прежнюю стоянку в долине. Ххыл позвал сыновей горбуна охотиться на зубров и отдал им положенную долю добычи. Теп со стоянки не выходил и держался в стороне. В конце месяца семья откочевала на дальнейшее стойбище.

Еще через два года все разрешилось весьма неожиданным образом.

Теп привел семью в долину ранней весной, прежде чем собрались остальные охотники. Зубры еще не пришли, но Ххыл уже бродил по возвышенности, пристально всматриваясь в следы. Однажды ранним утром они с Выдрой и старшим сыном Тепа отправились на север через поросшие лесом холмы. К полудню охотники, не обнаружив следов дичи, решили свернуть на запад и спустились в долину к реке.

– Вернемся вниз по течению, может быть, по пути встретим добычу, – решил Ххыл.

Охотники медленно шли по лесистому берегу, обходя болотистые участки поймы. К реке часто приходили олени на водопой, щипали густую траву на опушках. Река еще не успокоилась после весеннего половодья. Как охотники ни вглядывались в густой подлесок, никаких следов дичи они не обнаружили. Судя по всему, стада бизонов еще не появлялись.

Солнце клонилось к закату. Внезапно Ххыл остановился, затаив дыхание.

– Тур! – еле слышно прошептал он.

В те времена эти исполинские быки чрезвычайно редко встречались на острове и были самой желанной добычей охотников. Даже случайная встреча с туром считалась хорошей приметой. Прежде Ххыл видел быка только однажды – в тундре, еще подростком, – а теперь великан стоял в двухстах шагах от него, у рожицы на речном берегу.

Тур был настоящим царем зверей: с виду он походил на громадного черного быка выше человеческого роста в холке. От носа до хвоста в нем было десять футов, и весил он несколько тонн. Туры бродили небольшими стадами, до десяти особей, и остальные звери обходили их стороной. Рядом с туром даже могучий зубр казался крошечным. Больше всего поражали его огромные рога.

Охоту на тура Ххыл запомнил на всю жизнь; однажды его отец с отрядом охотников выследили зверя и шли за ним полдня, осыпая великана копьями. Наконец израненный зверь упал на колени, и один из отважных охотников перерезал ему горло. Ххыл восторженно подбежал к исполину, раскинул руки, попытался ухватить кончики рогов – и не смог дотянуться. При одном воспоминании о величественном туре охотника пробирала восторженная дрожь.

Туры давным-давно вымерли. В доисторические времена на территории Европы еще встречались немногочисленные стада. Гигантские быки не поддавались одомашниванию и были слишком неуклюжи, а потому стали сравнительно легкой добычей охотников. В Средневековье их всех истребили, однако в XVII веке последнего тура обнаружили в глухом уголке Польши – об этом свидетельствуют записанные рассказы очевидцев.

Ххыл предупредительно поднял руку, и молодые охотники замерли на месте. Ххыл осторожно двинулся вперед. Исполинская самка тура не учуяла запаха человека и продолжала щипать траву, потом подняла голову, увенчанную огромными рогами, и уставилась на Ххыла. Охотник оцепенел, а самка опять потянулась к сочной траве. Похоже, животное отбилась от стада.

Ххыл хорошо знал, что тур – опасный зверь, который легко может растоптать охотников. «О богиня Луна, я принес тебе много жертв, – взмолился он про себя. – Позволь мне убить могучего тура!»

Смеркалось, но зверь и не думал уходить: скорее всего, проведет ночь на берегу реки, а наутро последует за стадом. Ххыл бесшумно вернулся к своим спутникам и увел их в чащу. Ему очень хотелось завалить великолепного зверя. Такого редкого случая нельзя упускать. И все же в одиночку на тура не охотятся – это верная смерть. Охотники ушли слишком далеко на север от родной стоянки, а до ближайшего племени двенадцать миль лесом.

– Нужна помощь, – вздохнул Ххыл. – Где взять людей?

– Я могу отца позвать, – предложил сын Тепа. – Он целится верно, рука у него не дрогнет.

Ххыл задумался. Его терзали противоречивые чувства. Что делать? Взять Тепа на охоту или отказаться от тура? Вчетвером охотники наверняка справятся, но будет ли толк от одноглазого горбуна? Вдруг он не сможет попасть в цель?

– Пусть на рассвете приходит к реке, – наконец сказал Ххыл. – Пойдем охотиться на тура.

В жилище на холме Ххыл вернулся поздней ночью, присел у костра и, возбужденно жестикулируя, рассказал Акуне о туре.

– Теп и его старший сын пойдут с нами, – добавил он. – Мы выходим на заре.

Акуна испуганно поглядела на Ххыла. Четыре человека: один охотник, один калека и двое подростков. Что станет с Акуной и младенцем, если тур растопчет Ххыла?

– Позови охотников из соседних племен, – предложила она.

Ххыл упрямо помотал головой:

– Нет времени. Утром тур уйдет.

– Так нельзя, – вздохнула Акуна.

– Тур большой, но неуклюжий. Если перебить ногу, зверь охромеет, и мы его загоним.

Пойдем по его следу, пока тур не упадет от усталости, – объяснил Ххыл.

Этот способ был хорошо известен полярным охотникам, однако любая ошибка стоила смерти. Акуна хмуро посмотрела на Ххыла и удрученно склонила голову. Спорить было бесполезно: упрямство охотника привело их из тундры в Сарум, и теперь он не отступится от своего решения.

– Мой сын всем расскажет, что его отец убил могучего тура, – гордо заявил Ххыл.

В предрассветных сумерках охотники вышли в путь. Теп с сыном и Выдра вооружились копьями и луками. Ххыл взял с собой копьё и тяжелый каменный топор – лезвием служил широкий обломок кремня, добытый из меловой ямы, а рукоятью – прочный дубовый сук. Стрелы ранят зверя, длинные кремнёвые наконечники пронзят толстую шкуру и вопьются в плоть. Тур ослабеет. Первое копьё нужно глубоко вонзить под лопатку тура, ближе к сердцу. После этого охотники станут неутомимо преследовать израненного зверя, осыпая его градом стрел и копий до тех пор, пока он не упадет без сил, тогда Ххыл сможет перерезать ему горло кремнёвым ножом. Главное – успешно нанести первую рану, иначе тур уйдет от преследователей или разъярится и растопчет охотников. Все четверо осознавали грозящую им опасность.

Охотники, сдерживая радостное возбуждение, шли по берегу реки. Лесные птицы встречали зарю громким щебетом.

– Только бы зверь не ушел, – шептал Ххыл, напряженно вглядываясь в сумрак.

Когда вдали заалела первая полоска зари, охотники добрались до места. На излучине у воды чернела громада тура.

– Не ушел, – с облегчением выдохнул охотник, сжав рукоять топора.

С юга дул легкий ветерок. Четверо охотников, держась против ветра, бесшумно двинулись к зверю. Они прятались за деревьями и кустами, пригибались в высокой траве. Над краем взошло солнце; лучи разогнали серые облака. Тур, не замечая охотников, невозмутимо щипал траву.

В тридцати шагах от зверя охотники одновременно выступили из укрытий и с трех сторон метнули копья. Тур резко мотнул головой и грозно заревел. Стало ясно, что нападение не удалось. Копье Ххыла попало быку под лопатку, но вонзилось неглубоко. Копье Выдры оцарапало шею тура, а Теп с сыном промазали. Ранения оказались легкими, и боль только разъярила зверя.

Несчастье разразилось мгновенно.

Тур, топоча громадными копытами, повернулся к преследователям и заметил Тепа, который вышел на опушку из своего укрытия в камышах. Зверь угрожающе наклонил тяжелую голову, увенчанную ужасающими рогами, и ринулся на горбуна. Хитрец понял, что ему не уцелеть, однако спокойно взглянул в лицо смерти. В самый последний миг он попытался отскокить, но тур подцепил его рогом, пронзил жилистое тело насквозь и отбросил в сторону, а потом скрылся в чаще, ломая торчащие из боков копья о стволы. Охотники не решились преследовать добычу.

Теп погиб под копытами тура. Охотники принесли обезображенный труп к стоянке и вечером похоронили горбуна на возвышенности, завалив могилу горкой камней. Улла и ее дети остались без защитника и кормильца. Выжить в одиночестве они не могли, а заботиться о них было некому. Ххыл и Акуна понимали, что придется сделать.

Через два дня после смерти Тепа Акуна спустилась на стоянку у реки и привела Уллу с детьми на холм. В сорока шагах от летнего жилища Ххыла построили еще один шалаш, разделенный пополам: в одной половине жили дети, в другой – Улла.

Улла молчала, ничем не выказывая горя или радости. Все было понятно без слов: Ххыл взял ее и детей под свою защиту. Акуна внимательно оглядела Уллу и решила, что худенькая и слабая женщина, натерпевшаяся грубого обращения Тепа, сможет оправиться и продолжить род.

– Теперь Ххыл – твой мужчина, – просто сказала Акуна. – Мы обе – его женщины, но я главная. Ты будешь мне повиноваться.

Улла согласно закивала – за долгие годы с Тепом она привыкла к повиновению.

Больше всего перемены расстроили Ххыла. Акуна много лет была его женщиной, и о других он не думал. Теперь ему было неловко. Пока Акуна с Уллой сооружали новое жилище, Ххыл ушел на возвышенность и вернулся только через несколько дней. На лице его застыло странное, мечтательное выражение.

Ххыл забрел в долину на западе и там, в обрывистом речном берегу, обнаружил выход на поверхность странной породы – не мел, а мягкий камень, который словно бы светился под лучами солнца. Такого Ххыл прежде не видел – до сих пор его интересовали только кремни для наконечников стрел и копий. Камень ему понравился. Он долго перебирал осколки и, отыскав подходящий булыжник размером с кулак, гладкий и приятный на ощупь, присел на корточки под раскидистым дубом и начал обтесывать камень кремнёвым рубилом.

Всю ночь Ххыл провел у обрыва, а наутро снова отправился бродить по возвышенности, неустанно обрабатывая булыжник. Несколько раз он ополоснул камень речной водой и к концу второго дня начал его полировать. На третий день он закончил работу, спрятал камень в торбу на поясе и вернулся в жилище на холме.

Вырезанная им фигурка изображала женщину – приземистую, крепкого телосложения. Черты лица были едва намечены: бугорок на месте носа, три дырочки – глаза и рот. Однако же эта примитивная скульптура изображала Акуну: тяжелые груди, толстый живот, широкие чресла и мощные ягодицы свидетельствовали о том, что охотнику удалось передать женское естество.

Ххыл нежно погладил каменную фигурку. Он и сам не знал, почему решил вырезать ее из камня, – наверное, ему просто понравилась гладкость и необычность материала. Как бы то

ни было, фигуркой он был доволен. Она изображала Акуну, его спутницу, мать его сыновей. Для него она была лучшей женщиной в мире, и он решил, что фигурка принесет ему удачу.

На следующий день он взял с собой резной камешек и пришел в хижину к Улле, где провел семь дней, после чего вернулся к Акуне. Так продолжалось всю зиму и весну, а осенью Улла родила крепкого и здорового малыша – у младенца пальцы ног были обычными, а не длинными и гибкими, как у всех детей Тепа.

Прошло семь лет. У Ххыла появилось еще трое детей, но всякий раз, когда он приходил к Улле, он приносил с собой каменную фигурку.

Акуна, которая с неохотой отправилась из тундры в неведомые края, теперь пользовалась безмерным уважением соплеменников. Каждое утро она выходила из своего жилища на вершине холма и направлялась к рощице. Девушки из долины тут же прибегали к ней и выполняли ее поручения. Она учила их свежевать добычу и выделывать шкуры различных зверей, готовить еду и вялить мясо. Иногда она уводила женщин в лес и показывала им съедобные травы, корни и клубни, выковыривая их из земли палкой.

Однажды в присутствии Ххыла Улла велела своей дочери сделать что-то вразрез с приказанием Акуны. Старшая женщина презрительно посмотрела на нее и влепила оплеуху с такой силой, что Улла упала и покатила вниз по склону, заросшему колючим кустарником. На ее защиту никто не встал. Улла с беспомощной яростью посмотрела на Акуну и больше никогда ей не перечила. В семье воцарились мир и согласие.

Жизнь в долинах у пяти рек шла своим чередом. В племени, образованном семьями Ххыла и Тепа, подрастали новые ловкие охотники и рыболовы. Сыновья Тепа нашли себе женщин в соседних поселениях, и в один прекрасный день Выдра, сын Ххыла, возглавил охоту.

Ххыл был почти всем доволен, однако что-то не давало ему покоя. Они с Акуной достигли преклонных лет – им обоим было под сорок. Ххыл по праву мог гордиться своими подвигами: он увел семью из тундры в теплые края, он прослыл великим охотником и породил много детей, его уважали соплеменники и люди из окрестных родов. В общем, жизнь удалась.

И все же старого охотника не отпускало ощущение незавершенности, как будто он упустил что-то очень важное. Даже любимая Акуна не могла его утешить. Он уходил на возвышенность, бродил там целыми днями, приносил жертвы богине Луне и, вспоминая просторы тундры, задумчиво глядел на лесистые кряжи, на переменчивое небо – то высокое и прозрачно-голубое, то пасмурное и серое, – на волны холмов, бесконечной чередой убегающие вдаль, и вслушивался в завывания ветров или в полное безмолвие. Величие природы и пугало, и успокаивало одновременно.

Когда-то отец Ххыла рассказывал сыну о могущественных богах, которым подчинялись все силы природы, и о жарких краях, где много дичи. Пусть Ххыл и не дошел до тех самых земель, но все-таки проделал нелегкий путь на юг и теперь вспоминал буйство грозной стихии, пытаясь понять, что произошло. Эти размышления потрясли его до глубины души.

– Что мне делать дальше? – день за днем взывал Ххыл к богам и однажды услышал их ответ в шорохе листвы и в дуновении ветра: «Расскажи о своем путешествии, о своих предках и о древних богах – так, чтобы твой рассказ передавали из поколения в поколение».

Старый охотник четко разобрал каждое слово и все же не находил покоя.

– Как мне обо всем этом рассказать?! – в отчаянии воскликнул он.

«Слушай!» – прошептали боги.

Вечером Ххыл вернулся домой. На широком морщинистом лице охотника застыло восторженное выражение, глаза лучились радостью.

Однако еще не настало время поведать остальным слова богов. Через несколько дней после возвращения Ххыла на возвышенность пришла суровая зима. Она выдалась холодной и затяжной, похожей на полярные зимы. Реки замерзли, рыболовам приходилось чуть ли не весь

день пробивать полыньи в толстой ледяной корке. В заснеженных долинах стояла мертвенная тишина. От мороза погибали птицы. На взгорье царил безмолвие, только день за днем выл студеный северо-восточный ветер и тяжелый мокрый снег валил стеной, заноса деревья до самых макушек.

Впрочем, Акуна и остальные женщины запаслись на зиму ягодами и кореньями, так что еды хватало, и Ххыл утешал себя, что голод им не грозит, – в заснеженных лесах водилась дичь, в реках ловилась рыба, а с приходом весны начнется настоящая охота.

Удручала Ххыла только Акуна.

Она уже давно подозревала, что эта зима станет для нее последней. Поначалу старость давала о себе знать только ломотой в суставах, но с недавних пор у Акуны стали выпадать зубы, и она прикрывала щербинку комочком травы, надеясь, что Ххыл не заметит.

А этой зимой дело было совсем худо.

Ломота в костях, вызванная стужей и сыростью, обычно проходила под теплыми лучами весеннего солнца, но сейчас с Акуной творилось что-то необъяснимое. По телу разливался странный холод. Он не отступал, даже когда она сидела у огня, завернувшись в шкуры, или лежала рядом со старым охотником. Акуна исхудала, пышные груди обвисли и сморщились, глаза непроизвольно слезились. Ххыл уходил бродить по возвышенности, а Акуна, оставшись в одиночестве, сидела в холодном жилище и думала, что зима никогда не кончится.

Однажды студеным зимним утром она проснулась и поняла, что ей все равно, – эта зима станет для нее последней.

Припозднившаяся весна решительно вступила в свои права. Жаркие лучи солнца растопили сугробы и лед на реках, вешние воды с ревом неслись по речным руслам, разливались по низинам. В долинах кипела жизнь. Старый охотник, поседевший и жилистый, но по-прежнему бодрый, каждое утро выводил Акуну к ее излюбленному месту на холме, но радости ей это больше не доставляло. Как только он уходил на охоту, она возвращалась в хижину и проводила там весь день. Даже летом выходить ей не хотелось.

Ххыл ничего не говорил и с глубокой печалью ждал неизбежного.

Однажды летним вечером вся семья собралась у костра на холме. После сытного ужина – свежей оленины и сладких ягод – Ххыл потребовал, чтобы все умолкли, и начал свой рассказ. Он поведал соплеменникам слова ветра, в которых заключались бесценные знания, накопленные предыдущими поколениями.

Изо дня в день Ххыл рассказывал обо всем, что знал, – бесхитростными, простыми словами, которые легко было запомнить и передать из уст в уста потомкам. Ххыл говорил о тундре и о стене льда на далеком севере, о бескрайних морях на западе и на юге, о лесах и горах на востоке. Он рассказывал о богах, создавших сухопутный мост через море, и о том, как море его разрушило.

– В начале были два великих божества: бог Солнце и богиня Луна, его женщина, покровительница охотников, – говорил старый охотник. – У них было двое детей: бог леса и бог воды. Бог леса жил в заповедном бору на востоке, где водилось много дичи, а бог воды жил на севере, близ стены льда. Солнце и Луна любили лесного бога и даровали ему много земель, но ему все было мало, и он просил больше. Бог воды обиделся, потому что у него земли не было. Из года в год лесной бог просил все больше и больше земли, а бог воды рассердился. И вот однажды лесной бог снова попросил земли. «Мать-Луна хочет, чтобы люди охотились. Дайте мне землю, я выращу на ней лес, и люди будут охотиться». Бог воды пошел к отцу-Солнцу и сказал ему: «Отец, накажи моего брата за жадность». Бог Солнце превратился в белого лебедя и стал летать над северными ледниками. Летал он, летал, и от жара лед растаял. На месте растаявшего льда возникло море. Воды хлынули великой волной, накрыли всю землю и поглотили лес на востоке. – Ххыл умолк, вспоминая лес, исчезнувший под бурными волнами. – И под водой остался лес, и звери, и птицы, и они до сих пор живут там, в темной глубине, – нараспев

продолжил он. – В шуме волн до сих пор слышны их крики. Сухопутный мост на восток разрушен, мы живем на острове, дороги в дальние края больше нет. Каждый год вода поднимается все выше и выше. Когда-нибудь бурные воды поглотят берег, поглотят озеро и долину, но до возвышенности не доберутся. Здесь, дети мои, мы будем жить в безопасности до скончания веков и приносить жертвы богам. Салах.

Ххыл окончил свой рассказ. Все почтительно молчали, понимая, что услышали слова богов.

Старый охотник умер через три года после смерти Акуны. Соплеменники похоронили его на холме, рядом с любимой женщиной, а вместе с ним похоронили и каменную фигурку.

Менялись поколения, и в Саруме продолжалась эпоха охотников.

Могильник

Прошло три с половиной тысячи лет, но на далеком северном острове Британия почти ничего не изменилось. Ледовый щит на севере отступил к своим современным границам, уровень моря продолжал подниматься, вода поглощала все новые и новые земли, изменяя береговую линию. Озеро у холма превратилось в гавань, а между меловыми утесами и холмом раскинулся пролив. Климат потеплел, тундра отступила, на ее месте выросли леса. Постепенно исчезли северные олени, зубры и лоси.

Потомки Тепа и Ххыла по-прежнему охотились в пятиречье. К ним присоединились редкие отчаянные смельчаки, которым удавалось переправиться на остров через Ла-Манш, но и они были охотниками.

Тем временем, за пять тысяч лет до нашей эры, в Передней Азии началась так называемая неолитическая революция: возникли земледелие и скотоводство, которые распространились по всей территории Европы, ознаменовав новую эпоху в истории человечества.

Даже в богатых дичью областях, как, например, в Саруме, первобытным охотникам приходилось кочевать на дальние расстояния в поисках пищи, а вот земледельцам и скотоводам хватало нескольких десятков акров, причем производимое зерно и мясо можно было запасти. Эти накопления и стали первоначальным источником богатства. До сих пор человек был частью окружающей природы, а теперь, возделывая землю, властвовал на ней и приспособлял ее к своим нуждам.

За четыре тысячи лет до нашей эры эти перемены привели к невероятным результатам.

В жарком климате Междуречья, на плодородных землях между Тигром и Евфратом, там, где располагается современный Иран, древние шумеры возводили на холмах первые города из глиняных кирпичей и строили первые храмы на вершинах. Повсюду на Ближнем Востоке возникали разнообразные ремесла: в Египте ткали лен, в Месопотамии создавали великолепные украшения из меди и стекла и изготавливали яркие фаянсовые плитки для украшения жилищ. На берегах Саудовской Аравии процветала добыча жемчуга, а в Леванте торговцы снаряжали в опасные морские путешествия корабли под квадратными кожаными парусами, с грузом меди, слоновой кости и расписных глиняных сосудов.

В Европе городов пока не существовало, но от Дуная до Балтийского моря повсюду возделывали землю, разводили стада и выжигали леса и пустоши, расчищая место для пашни, – зола пожарищ служила естественным удобрением. На западе Европы, в Бретани, на северном побережье Франции, люди украшали каменные постройки и гончарные изделия замысловатыми узорами – спиралями, дугами и кругами.

Неолитическая эпоха, время земледельцев и строителей каменных сооружений, была в полном разгаре. Кое-где уже появились первые признаки новой эпохи – культуры бронзового века.

Однако в Британии, отрезанной от континентальной Европы, продолжалась эпоха охотников.

Однажды летним утром, за четыре тысячи лет до нашей эры, в залив у холма вошли шесть лодок и двинулись вверх по реке, к Саруму.

Легкие весельные лодки – деревянные каркасы пятнадцати футов длиной, обтянутые ярко раскрашенными шкурами, – были широкими суденышками с небольшой осадкой. Обычно в них сплавлялись по рекам, но в этот раз гребцы с риском для жизни переправились через Ла-Манш с бретонского побережья. По счастью, с погодой им повезло, и воды пролива были необычно тихими.

В лодках сидели двадцать воинов, женщины и дети. Все были одеты в простые кожаные безрукавки или рубахи, сотканые из грубой шерсти. И мужчины, и женщины умело орудовали веслами. В лодках везли четырех собак, восемь бурых ягнят, двенадцать телят, десять поросят и мешки с едой, а также глиняные горшки с зерном для посева.

Среди людей в лодках выделялись двое. На корме неподвижно, будто истукан, сидел бритоголовый светлоглазый толстяк. Огромное тело, обильно умащенное жиром, лоснилось и блестело. Он шумно сопел и беспрестанно оглядывал окружающих. Спутники обращались с ним почтительно, ведь от знахаря, жреца великого бога Солнца, зависело благополучие племени.

На носу первой лодки стоял чернобородый великан с грозно сверкающими темными глазами и крупным торчащим носом – предводитель переселенцев. У ног его лежала огромная черная дубина. Он настороженно вглядывался в прибрежные заросли, пытаясь отыскать следы присутствия человека, но берега были пустынные.

Однако на северном берегу залива, в зарослях камышей, прятался охотник, который заметил лодки, как только они вошли в устье реки. Узкое лицо охотника походило на мордочку хорька, сам он был жилистым и худощавым, с копной жестких черных волос и длинными, гибкими пальцами ног, как у многих окрестных обитателей. Он сидел в долбленке – примитивный челн хорошо подходил для плавания по тихим водам залива, но казался неуклюжим в сравнении с длинными лодками незнакомцев. Как только незваные гости проплыли мимо, охотник стремглав помчался через лес по едва приметной тропке.

Предводителя переселенцев звали Крун-воитель. В его родных краях это имя стало легендой. В молодости он был земледельцем и, как многие его соплеменники, обзавелся семьей. Он славился добрым нравом и жил бы долго и счастливо, в полной безвестности, однако страшное несчастье направило его жизнь в совершенно иное русло.

На селение Круна неожиданно напали воинственные кочевники. Никто не знал, откуда именно они пришли на побережье. В последующие тысячелетия подобные набеги с востока совершались с пугающей регулярностью: на Западную Европу нападали то отдельные племена, то целые народы – из Скандинавии, с германских равнин, из далеких степей Средней Азии; иногда захватчики селились на отвоеванных землях, иногда просто грабили и убивали жителей и возвращались в родные края.

В этот раз набег совершило племя жестоких воинов, высоких и смуглых. Они жили в огромных шатрах из шкур, а из всех занятий признавали только охоту, грабежи и разрушение. Стоянку они устроили на севере, милях в ста от поселка Круна, и каждую весну приходили на побережье, жгли дома и убивали жителей, которые не могли сопротивляться неожиданным нападениям. Однажды, когда Крун был в отлучке на побережье, на поселок напала банда грабителей. Всех жителей убили, в том числе жену и четверых детей Круна, а скот увели.

– Я отомщу, – поклялся Крун.

На следующий год грабителей встретил отряд селян, собравшихся из окрестных поселков. Тридцать хорошо вооруженных мужчин поджидали разбойников и не только прогнали их с побережья, но и пустились за ними в погоню. Крун горел жадной мщенья.

То же самое повторилось спустя год, только теперь Крун собрал не тридцать, а шестьдесят человек, а поскольку они защищали свои семьи и имущество, то сражались, не щадя себя. Селяне вымазывали лица синей глиной, прятались в укрытие и дожидались приближения врагов, а потом осыпали их градом стрел с кремнёвыми наконечниками. Но хуже всего разбойникам пришлось в рукопашном бою: селяне, вооруженные тяжелыми каменными топорами, яростно расправлялись с противником.

Сам Крун признавал только одно оружие: громадную дубину, почерневшую от времени, сделанную из тяжелого узловатого сука. В рукоять был вставлен длинный заточенный осколок кремня. Разбойники боялись Круна пуще остальных противников: в битве он или одним ударом сваливал врага с ног, или ловко пропарывал ему живот острым концом дубины.

Впрочем, когда не требовалось защищать свои владения, Крун превращался из храброго воина в мирного земледельца. В окрестных поселках сложилась поговорка: «Не бойся Круна, бойся его дубины».

Лет через десять разбойники отчаялись и ушли на юг, и на побережье вновь воцарился мир, однако покоя не прибавилось: грабители могли и вернуться. Вдобавок почва в окрестностях была скудной, обрабатывать ее было тяжело, но под защиту Круна стремились земледельцы со всей округи. На побережье скопилось слишком много людей. Мужчины помоложе, из тех, кто сражался под началом Круна, хотели испытать свои силы, найти и освоить новые земли.

– Остров за морем богат и плодороден, людей мало, они охотой промышляют, – заявил один из юношей. – Там можно обосноваться, земли на всех хватит.

– Охотники убьют незваных гостей, – заметил другой.

– Пусть нас Крун поведет, – предложил третий.

К этому времени Крун устал от бесконечных битв. Жизнь его клонилась к закату, ему было почти сорок лет. Он защитил родные края, отомстил за убитых родственников, взял в жены молодую бойкую девушку, которая родила ему двоих сыновей, и отправился на остров, чтобы основать там новое поселение.

На острове Крун огляделся и решил, что места ему нравятся: укромная, тихая заводь, пустынные лесистые берега, плодородная земля в низинах. Впрочем, оборонять эти места трудно, поэтому Крун велел спутникам подняться выше по течению. Лодки проплыли еще миль десять вглубь острова, и поселенцы разбились стоянку на ночь.

На следующий день к полудню путники достигли места слияния пяти рек. Крун окинул взглядом ложбину в окружении пологих гор и удовлетворенно вздохнул. Лодки подошли к входу в северную долину и остановились у холма.

– Здесь и обоснуемся, – заявил Крун.

Надо было решить, как вести себя при встрече с местными охотниками. Крун был не только отважным воином, но и мудрым главой племени.

– С охотниками надо подружиться, – объяснил он своим спутникам. – Они хорошо знают здешние места. Если с ними повздорить, то нас убьют исподтишка.

Как только шесть лодок пристали к берегу, на опушку леса бесшумно вышли мужчины, вооруженные луками и стрелами. Таку, охотник с длинными пальцами ног, еще вчера предупредил соплеменников о прибытии незнакомцев. Местные жители настороженно уставились на незваных гостей.

Крун медленно вышел на берег, в знак мирных намерений положил дубинку на песок и двинулся к охотникам. Объясняться пришлось языком жестов.

КРУН. Мы пришли с миром.

ОХОТНИКИ. Откуда?

КРУН. Из-за моря.

Охотники недоверчиво зашептались.

КРУН. Мы привезли подарки.

По знаку Круна его жена Лиама вынесла на берег глиняный горшок, формой похожий на кожаную котомку, и рубаху из домо тканой шерсти, богато расшитую бисером. Охотники с восторгом разглядывали необычные дары: глубокую округлую посудину с блестками кремня, обожженную до темно-коричневого цвета, и одежду, украшенную яркими бусинами, осколками янтаря и даже жемчужинами, которые выменивали у торговцев с юга.

ОХОТНИКИ. Что вам здесь нужно?

КРУН. Мы хотим жить в долине.

ОХОТНИКИ. Эта наша долина. На всех дичи не хватит.

КРУН. Мы не будем охотиться.

Охотники недоуменно переглянулись: если не охотиться, умрешь с голоду.

КРУН. У нас есть скот.

Он показал охотникам овец и коров в лодках, но охотники все равно ничего не поняли.

КРУН. Если вы разрешите нам жить в долине, мы не тронем ваши охотничьи угодья и щедро вас наградим. Отдайте нам долину, ловите дичь в горах и холмах. Мы будем жить в мире.

В подтверждение его слов женщины принесли на берег еще шесть горшков и три рубахи. Охотники, никогда прежде не видевшие такого великолепия, стали оживленно переговариваться между собой. Таку уговаривал соплеменников убить пришельцев:

– Они все врут, будут охотиться в наших лесах, истребят всю дичь. Лучше их убить, а вещи отобрать.

Поначалу охотники согласились, но старик по имени Магри возразил:

– Может быть, Таку прав, но сейчас незнакомцы ожидают нападения, они сильны и хорошо вооружены. Пусть поживут в долине. Если сдержат слово, все будет хорошо, а если обманут, то мы подкрадемся и всех убьем.

После долгих размышлений охотники согласились с этим мудрым предложением.

Так Крун стал владельцем долины и холма в Саруме. Охотники, довольные подарками, вернулись на свои стоянки у реки.

На следующее утро Крун обошел долину, размечая границы земельных участков. Каждая семья получила надел земли на склоне у реки – участок надо было расчистить от леса и возделывать под пашню и пастбища для скота. В реках водилась рыба; в зарослях камыша на противоположном берегу гнездились лебеди. Обветренное лицо Круна, прорезанное глубокими морщинами, расплылось в счастливой улыбке: здесь племя будет жить долго и счастливо.

Потом знахарь привел все племя на вершину холма и велел расчистить круг диаметром тридцать шагов. В этой священной работе на благо бога Солнца принимали участие все: и мужчины, и женщины, и дети. За несколько часов на вершине холма образовалась широкая поляна, откуда открывался великолепный вид: на севере простирались волнистые складки взгорья, на юге к горизонту убегала лесистая долина и прибрежные болота. Пришельцы восторженно зашептались.

Знахарь приказал сложить поленницу в центре поляны и начал готовиться к важному ритуалу: сначала вымазал лицо мелом, а потом надрезал палец и обвел глаза кровавыми кругами.

Крун торжественно вывел на поляну ягненка: к богу Солнцу относились с невероятным благоговением и в жертву ему приносили самое ценное.

– О бог Солнце! – воскликнул знахарь высоким, пронзительным голосом. – Ты приносишь щедрый урожай, ты ведаешь сменой времен года, ты приумножаешь наши стада! Яви свое благоволение и прими нашу жертву. Эта долина – твои владения, и мы – твои верные слуги.

Он ловко перерезал горло ягненку, уложил тушу на поленницу, потом долго тер две сухие деревяшки, раздул уголек, подкладывая для растопки сухую траву и мох, и запалил костер. В пасмурное небо над долиной поднялся столб дыма. Знахарь отрезал у каждого из присут-

ствующих клок волос и швырял его в огонь, чтобы бог Солнце знал, кто причастен к жертвоприношению. Внезапно из-за туч выглянуло солнце и на несколько мгновений ярко осветило вершину холма.

Поселение было заложено.

Охотники с удивлением наблюдали за жизнью новых обитателей долины: лес на склонах вырубали, стволы сжигали, а золу рассеивали по взрыхленной земле, куда женщины потом зарывали драгоценные семена. Рядом с делянками мужчины строили крепкие бревенчатые хижины и обносили участки плетнями. Выше по склонам дети пасли овец, не позволяя стаду травить посевы. На ночь животных приводили на делянку Круна – в окрестных лесах водились волки, и овец приходилось охранять. Охотники не понимали смысла всех этих занятий, но прониклись их важностью для новых соседей. Поселенцы строго следовали приказаниям Круна, не покидали пределов долины и не искали встреч с охотниками.

Круну пришлось по нраву жизнь на новом месте. Молодая жена держала себя с достоинством, двигалась легко и быстро, сыновья бегали за ней по пятам. Лиама гордилась мужем: здесь, на новом месте, он почти забыл боль утраты.

Спустя несколько месяцев произошло два события, которые определили дальнейшие отношения между охотниками и поселенцами.

В конце осени Таку, невысокий жилистый охотник с длинными пальцами ног, гнал оленя. Зверь промчался по долине и скрылся, а Таку, расстроенный тем, что упустил добычу, прирезал теленка и потащил его вверх по склону в лес. Охотника заметили женщины, подняли тревогу, и разъяренные поселенцы быстро его поймали и привели в хижину Круна. На холме у хижины собралась толпа.

Крун смотрел на разгневанных соплеменников и лихорадочно размышлял: преступника надо наказать, за убийство животного полагалась смерть. Однако это разрушит непрочный союз между охотниками и поселенцами. Крун неторопливо оглядел Таку с головы до ног.

КРУН. Ты убил нашего теленка. Это преступление карается смертью, понятно?

Таку промолчал.

КРУН. Мы тебя не уьем, а накажем. Передай своим соплеменникам, что мы пришли с миром, но наши стада трогать нельзя.

Крун повернулся к поселенцам:

– У него слишком длинные пальцы на ногах!

Он кивнул знахарю. Толстяк выступил вперед и острым кремнёвым ножом отсек Таку большие пальцы ног. Охотник взвыл от боли.

КРУН. Больше по нашей долине ты бегать не будешь!

Поселенцы расхохотались. Таку заковылял прочь. С тех пор охотники сторонились долины и не трогали стада.

Зима выдалась суровой, реку покрыл толстый слой льда. Поселенцы едва не умерли с голода: запасы подходили к концу, а животные предназначались для разведения, забивать их было нельзя. Однажды старый охотник Магри с сыном принесли в долину тушу оленя, оставили ее у хижины Круна и молча удалились.

После этого между охотниками и поселенцами установился мир.

Многое в жизни и обычаях поселенцев удивляло охотников. Таку, который не затаил обиды за свое увечье и подружился с несколькими семьями, с восторгом рассматривал длинные, ярко раскрашенные лодки.

– Прочные и легкие, – говорил он, ковыляя вокруг.

Лодки – деревянные каркасы, обтянутые кожей, – и впрямь были больше и удобнее долбленок.

Женщин привлекали домотканые материи, а прочные бревенчатые жилища нравились всем, хотя смысла в возделывании земли и разведении скота охотники не видели. К тому же на зиму поселенцы заводили скотину в дома, чтобы защитить животных от холода, и для охотников было странно, что люди спят рядом с овцами и коровами.

На исходе второго года, когда собрали первый урожай, а в стадах появился приплод, охотники признали, что поселенцы сдержали свое обещание: они жили в долине и не вторгались в лесные охотничьи угодья.

– У них много еды, – завистливо вздыхали женщины.

– Они живут как дряхлые старики, – возразил старый Магри. – Такая жизнь не для мужчин.

Остальные охотники с ним соглашались: выслеживая добычу, настоящий мужчина мерится хитростью со зверем, кочует по горам и долинам под открытым небом, а поселенцы ведут оседлый образ жизни, ковыряются в земле и держат животных взаперти.

Прошло еще два года, и долина совершенно преобразилась.

На холме у реки высилось жилище Круна – крепкое бревенчатое сооружение тридцати футов длиной, с покатой камышовой крышей и широкой дверью. Вокруг стояли хижинки поменьше – в них держали скотину. На склонах холма разбили делянки, выложили их границы камнями и, взрыхлив вдоль и поперек ралом – кремнёвой мотыгой на деревянной рукояти, – засеяли борозды пшеницей, ячменем и льном. Зерно хранили в ямах шести футов глубиной и четырех футов шириной, устланных соломенными циновками, и во вместительных глиняных горшках. Свиньи и коровы паслись на заливных лугах у реки, а по склонам, чуть выше засеянных делянок, бродили овцы, щипали жесткую траву на расчищенных полянах. Точно таким же был уклад во всех семьях, населявших северную долину.

Охотники взирали на все это с неимоверным удивлением.

Вырубки на склонах небольшой долины положили начало – скромное, почти незаметное – постепенному уничтожению заповедных лесов, некогда покрывавших остров Британия, что впоследствии привело к значительному изменению ландшафта.

Вырубка леса на возвышенности привела к необратимым изменениям состава почвы. За прошедшие века плодородная почва тонким, всего в несколько дюймов, слоем покрыла мелкие холмы Британии. На холмах выросли леса, но когда их стали вырубать, то дожди и ветры смыли тонкую прослойку, обнажив известняковый грунт с вкраплениями кремня. Иногда на этом скудном грунте вновь вырастали деревья, но люди и скот их уничтожали. На известняковых почвах можно было выращивать некоторые зерновые культуры, а если известняки зарастали жесткой травой, то и пасти овец. На пастбищах хорошо росли калужницы и лютики; цветы привлекали бабочек, но леса здесь больше не возникали.

Вырубка лесов и разрушение почвы стремительно набирали силу. Возделывание зерновых культур быстро истощало известняковый грунт, на заброшенных полях возникали пастбища, стада удобряли их навозом, а для новых полей приходилось рубить лес. Отары овец множилось, население острова увеличивалось, поэтому ускорилась и расчистка новых земель. Земледельцы безжалостно рубили леса – впоследствии выяснилось, что за три часа трое мужчин с кремнёвыми топорами могут повалить шестьсот квадратных ярдов березовой рощи. Земледельцы неолита за несколько веков уничтожили лесные массивы почти на всей территории Южной Англии.

Таким образом, пустынные меловые холмы Южной Англии – не естественное образование, а результат деятельности первобытного человека.

Охотников поразила и еще одна характерная черта нового поселения.

На третий год, когда стада принесли приплод, Крун собрал всех поселенцев на холме, неподалеку от священного круга знахаря, и велел вырубить деревья, установить бревенчатый частокол в сорок шагов длиной и двадцать шириной и окружить его рвом и земляной насыпью. Так был построен первый загон для скота – животных приводили сюда на ночь для защиты от волков. Когда работа завершилась, Крун с удовлетворением оглядел долину, и его суровое лицо осветилось улыбкой: наконец-то место стало по-настоящему обжитым.

Между общинами охотников и поселенцев установились дружеские отношения. Размолвок не возникало, и вскоре жилище Круна на холме стало местом встреч. Охотники с удовольствием обменивали шкуры, кремни и олени туши на ткани и глиняные горшки. За это время обе общины выучились прежде незнакомым говорам и прекрасно объяснялись друг с другом.

О преступлении Таку быстро забыли. Искалеченные ступни не позволяли охотнику преследовать дичь. Он стал превосходным рыболовом и охотно показывал поселенцам лучшие рыбные места на пяти реках.

Шесть лет спустя после образования поселения в долине между охотниками и поселенцами вспыхнула вражда, едва не уничтожившая обе общины. Случилось это по вине знахаря.

Дважды в год, перед наступлением зимы и в начале сбора урожая, знахарь раскрашивал лицо мелом и, пытаясь, взбирался на холм Круна, где совершал жертвоприношение богу Солнцу. Зимой толстяк просил божество вознаградить племя приплодом, а в конце лета поселенцы благодарили бога за щедрость. В жертву обычно приносили ягненка.

Охотники побаивались и недолюбливали знахаря, потому что он поклонялся только богу Солнцу и обделял вниманием богиню Луну, покровительницу лесных жителей. Вдобавок лысый толстяк с бегающими глазами выглядел подозрительно. Круну охотники доверяли, но от встреч со знахарем уклонялись.

И все же в долине к знахарю относились с почтением: его звали к больным, он благословлял каждую новую делянку, ему полагались самые лакомые куски забитого животного. Он ни в чем не знал нужды, обладал почти такой же властью, как Крун, а недостаток смелости восполнял изворотливостью, хитростью и жестокостью.

Итак, на шестой год после теплой весны полил дождь, который не прекращался двадцать дней и погубил посевы. Поселенцам хватило бы запасов зерна на зиму, но неурожай был настоящим бедствием. Это означало, что жители долины чем-то прогневили бога Солнце. Знахарь, чтобы умилостивить божество, решил принести в жертву четырех ягнят в начале зимы и повторить великое жертвоприношение весной.

Поселенцы с тревогой ждали наступления лета. Беспокоился и знахарь: сила его колдовства требовала немедленного подтверждения. Весна выдалась погожей, поэтому толстяк важно расхаживал по долине, благословлял делянки и предсказывал хороший урожай. В середине лета снова начались затяжные дожди, и посевы сгнили на корню. Поселенцам грозила голодная зима. Сам знахарь встревожился не на шутку. Все вокруг считали, что жертвоприношения не умилостивили разгневанного бога Солнце.

– Бог Солнце от нас отвернулся, не слушает знахаря, отказывается от его подношений, – шептались люди.

По селению поползли недовольные разговоры. Знахаря почитали все меньше и меньше; мужчины его сторонились, больные и хворые к нему больше не приходили, а однажды у загона для скота знахарь увидел, как охотник принес местной женщине целебные травы для ее сына, который забрел в заросли ядовитого плюща. Толстяк заковылял к женщине, но она отвела взгляд и торопливо ушла.

В конце концов поселенцы обратились к Круну с жалобой на знахаря:

– Он наколдовал два дождливых лета, разгневал богов. Его надо прогнать.

Крун выслушал их и обещал подумать. После того как просители ушли, Лиама напомнила ему:

– Он не умиловил бога, доверять ему нельзя.

Старый вождь хорошо понимал чувства поселенцев и знал, что его молодая жена неприязненно относится к знахарю, однако прогонять толстяка опасался.

– Нет, нельзя поступать опрометчиво, – возразил он. – И незачем об этом говорить.

Знахарь испугался еще больше: теперь и Крун смотрел на него сурово и сердито. Вдобавок поселенцы помоложе осмелели настолько, что стали делать опасные предположения:

– Здесь, на острове, бог Солнце не властен. Остров принадлежит богине Луне, покровительнице охотников, а мы ей жертв не приносим.

Толстяк сообразил, что дни его сочтены.

Однако теперь, когда под угрозой оказалось само существование поселения, случилось событие, которое позволило знахарю укрепить свою пошатнувшуюся власть.

Однажды утром, ближе к концу лета, из леса на востоке вышел дряхлый старик, опираясь на посох, и медленно побрел к пятиречью. На острове не было человека старше. Охотники обрадовались его неожиданному появлению: в последний раз он приходил к ним двенадцать лет назад. В его честь устроят пир, а потом будут обсуждать важные дела, рассказывать о поселенцах и просить совета. Приход старика был событием необычайной важности – встреча с ним выпадала охотникам всего несколько раз в жизни.

Старик был прорицателем.

В те времена на острове было несколько прорицателей. Они вели уединенный, замкнутый образ жизни, бродили по лесам от одного племени к другому, и всякий раз охотники встречали их с почестями. Мудрые отшельники постигли все тайны леса, умели предсказывать погоду и приближение дичи, им были ведомы привычки зверей и целебные травы.

– Ему покровительствует лесной бог, – объяснил Магри поселенцам. – А в полнолуние богиня Луна раскрывает ему все тайны леса. Мы зовем его стариком-лесовиком.

Старику давно минуло шестьдесят лет – невероятно древний возраст в те времена, когда люди редко доживали до пятидесяти. Он не только обладал обширными познаниями об устройстве окружающего мира, но и берег в памяти истории всех племен на юге острова, был сказителем и хранителем устных традиций охотников.

– Он принесет жертву богине Луне, чтобы она послала нам хорошую охоту и много дичи, – сказал Магри.

Когда вести о приходе старика дошли до знахаря, он понял, что следует предпринять.

Через несколько дней в пятиречье, у речной излучины на юго-западе, разожгли два огромных костра: на одном запекли тушу дикой лошади, на другом – косули. Между кострами широким кругом расселись пятнадцать охотничьих семейств, собравшихся со всей округи послушать старика. Пламя костров весело потрескивало, синеватый дымок поднимался к вечернему небу. Охотники оживленно переговаривались: они давно не собирались вместе и теперь обменивались новостями. Еды было вдоволь – дичь, рыба, вкусные корни и сладкие ягоды. Казалось, в долине у реки не произошло никаких перемен.

На самом почетном месте сидел прорицатель. Охотники глядели на него с удивлением; никогда прежде они не видели такого древнего старика. В молодости он был человеком среднего роста, но от старости усох и сморщился. Тело его напоминало чахлое деревце, узловатые суставы торчали, как сучки и наплывы на стволе. Длинные седые волосы и борода, отливающая серебром, спускались до пояса. Тонкую, полупрозрачную от старости кожу покрывала сеть мельчайших морщинок. Он сидел неподвижно, как изваяние, скрестив ноги и положив перед собой посох, и пристально оглядывал охотников выцветшими голубыми глазами. Ему наперебой предлагали лакомые кусочки, но ел он мало.

Он внимательно выслушал рассказы о поселенцах, однако ничего говорить не стал, отложив обсуждение на следующий день. Сейчас он всего лишь хотел напомнить людям о прошлом и терпеливо дожидался, пока утихнут разговоры.

Наконец воцарилось молчание, и прорицатель заговорил – негромко, почти шепотом. Старческий голос прорезал благоговейную тишину, будто луч света, и постепенно окреп, зазвучал напевно, обволакивая слушателей своим волшебством.

Старик начал рассказ о давних временах, поведал, как предки обитателей Сарума охотились на тура, зубра и вепря, описал остров и населяющих его людей, не забыл и древние предания о богах. Охотники зачарованно слушали прорицателя. Дым костров разносил над рекой аромат жареного мяса. Старик говорил о том, как люди пришли в Сарум, перечислял имена предков и их героические деяния, и слушатели преисполнялись восторга, узнавая о своем прошлом.

Затем он начал обстоятельный рассказ о том, как образовался остров – о том, как солнце растопило великий ледяной щит на далеком севере и как море поглотило заповедный лес на востоке. Об этом рассказывал охотник Ххыл три тысячи лет назад, и за прошедшие века его история обошла весь остров и ничуть не изменилась. Старик говорил нараспев, как сказители древности, и охотники, затаив дыхание, внимали каждому слову. Голосу прорицателя вторило журчание реки и треск поленьев в кострах. Перед взором слушателей возникла огромная толща льда, пустынная тундра, разгневанный бог Солнце, белым лебедем кружащий надо льдом, грозные потоки воды, стремящиеся на юг, к заповедному лесу.

Море все поглотило,
Вода все залила:
И птиц, и зверей,
И лис, и оленей,
И дубы, и вязы.
Пути на восток больше нет,
А вода все поднимается...
Заповедный лес живет в шуме бурных волн.
Выйди на берег моря и услышишь:
Там, в темной глубине, на дне морском
Поют птицы, рычат звери... —

напевно произнес старик и умолк.

Внезапно откуда-то из темноты раздался крик. Охотники удивленно обернулись и обнаружили, что их окружили вооруженные поселенцы. К кострам вперевалку направился знахарь; лицо его было покрыто мелом, глаза обведены кровавыми кругами.

Безоружные охотники ошеломленно уставились на него.

Знахарь не терял времени даром. Он хорошо понимал, что Круну не понравится его затея, поэтому днем украдкой обошел поселенцев на севере долины, объясняя им, почему дожди погубили урожай. В конце концов толстяк уговорил четырнадцать молодых воинов отправиться с ним, и с наступлением сумерек они, тайком от Круна, спустились в лодках к пятиречью.

«Если удастся выполнить задуманное, то моя власть укрепится», – решил знахарь.

Разговор знахаря и Магри, старейшины охотников, передавался из поколения в поколение.

ЗНАХАРЬ. Мы пришли с миром.

МАГРИ. Что вам нужно?

ЗНАХАРЬ (*указывая на прорицателя*). Кто это?

МАГРИ. Прорицатель.

ЗНАХАРЬ. Он дурной человек. Мы пришли его наказать.

МАГРИ. Он хороший человек. Он дурного не делает.

ЗНАХАРЬ (*возбужденно*). Нет, он дурной. От него все зло. Он живет в лесу, один. Он вас обманывает. Он тайком встречается с богиней Луной и подговаривает вас не поклоняться богу Солнцу.

МАГРИ (*рассудительно*). Богиня Луна покровительствует охотникам.

ЗНАХАРЬ. Бог Солнце сильнее. Он повелевает временами года и посылает нам хороший урожай. Другие боги ему подчиняются. А сейчас он на нас гневается. Он дважды погубил наши посевы.

МАГРИ. Дождь погубил ваши посевы.

ЗНАХАРЬ (*тыча пальцем в прорицателя*). Нет, это он виноват. Он научил охотников колдовать. Он запрещает вам поклоняться богу Солнцу. Не слушайте его! Бог Солнце желает его смерти!

Охотники изумленно ахнули. Прорицатель не сдвинулся с места.

– Дурной человек! Колдун! – заверещал знахарь.

Два воина выбежали в круг у костров, схватили старика и поволокли в темноту, к лодкам на берегу. Охотники кинулись ему на помощь, но знахарь все предусмотрел. Он выскочил из круга, а поселенцы наставили на охотников острые копья.

– Тот, кто не поклоняется богу Солнцу, должен умереть! – торжествующе воскликнул знахарь. – Помните об этом!

Поселенцы прыгнули в лодки и отправились в северную оконечность долины. Там, на вершине холма, в присутствии четырнадцати воинов, знахарь убил прорицателя, сжег его голову и сердце на костре и уверенно провозгласил:

– На следующий год у нас будет хороший урожай.

Преступление свершилось, и пути назад не было. На рассвете торжествующие воины пришли к дому Круна и объявили о своем злодеянии. Лицо вождя исказилось от гнева.

– Глупцы! – воскликнул он. – Охотники нам этого не простят!

Однако воины не вняли его словам, и Крун про себя проклял знахаря.

– Знахаря надо убить, – настаивала Лиама. – Я же говорила, ему нельзя доверять. Из-за него все наши беды.

Крун удрученно покачал головой, понимая, что охотники будут мстить за смерть прорицателя. Он велел укрепить жилища и смирился с неизбежным.

Наутро охотники напали на поселенцев. Битва продолжалась три дня. Одну хижину сожгли, но охотники несли большие потери: поселенцы сражались умело, хорошо оборонялись и к вечеру третьего дня убили шестерых охотников. Знахарь радовался кровопролитию. Бессмысленные убийства укрепили его власть, и теперь ему ничего не угрожало. Он подстрекал воинов продолжать бойню.

К вечеру третьего дня Крун решил положить конец сражению. Он медленно спустился с холма к реке, на то самое место, где шесть лет назад высадились поселенцы, положил дубину на землю и уселся рядом, дожидаясь, пока охотники его заметят.

Его намерения были очевидны.

В сумерках пришел Магри и опустился рядом с Круном.

КРУН. Надо прекратить резню.

МАГРИ. Почему твои люди убили прорицателя?

Крун понимал, чем вызван жестокий поступок знахаря, но выхода у него не было. Если обвинить знахаря в безрассудстве, охотники сочтут это признаком слабости и не прекратят нападений, а сами поселенцы решат, что их вождь встал на защиту охотников, и пойдут на поводу у знахаря, который подговорит их на большее безумство. Крун мысленно проклял хитроумие знахаря.

КРУН. Ваш колдун прогневил бога Солнце. Из-за него бог нас наказал.

МАГРИ. Это вы так решили.

КРУН. Так знахарю сказал сам бог Солнце. Колдун прогневил бога, и бог велел его убить.

Понимаешь?

МАГРИ. Это вы так решили.

КРУН. Нет, так и было. Это правда.

Магри задумался. Он с самого начала понимал, что поселенцы сильнее охотников, поэтому и убедил соплеменников отдать долину незванным гостям, хотя Таку и остальные хотели их убить. Неужели он просчитался? Похоже, он совершил непростительную ошибку и теперь, впервые за долгое время, разрозненным племенам охотников грозит полное уничтожение или изгнание. Надо найти способ их спасти.

МАГРИ. Знахарь заставляет нас поклоняться богу Солнцу, но мы охотники, мы поклоняемся богине Луне. Она нам покровительствует, посылает хорошую охоту.

КРУН. Если вы будете поклоняться обоим божествам, то мы станем жить в мире.

МАГРИ. Охотники не согласятся.

КРУН. Мои воины убьют всех охотников. Лучше заключить мир и снова обменяться дарами.

МАГРИ. А если знахарь еще кого-нибудь обвинит в колдовстве и убьет?

КРУН. Нет, бог Солнце сменил гнев на милость. Одной смерти хватит.

Охотники больше не нападали, и Крун с трудом уговорил своих воинов прекратить резню. Через четыре дня соседи заключили перемирие.

Всю зиму поселенцы и охотники занимались своими делами и избегали встреч. Охотники больше не приносили добычу к жилищу Круна. Вождь счел это за благо, не желая лишних столкновений.

Лето выдалось урожайным, и знахарь торжествовал. Его власть возросла стократ. Он гордо обходил долину и принимал дары, напоминая поселенцам о своем могуществе.

– Бог Солнце внимлет его словам, – почтительно шептались поселенцы.

Охотники боязливо сторонились толстяка.

Знахарь выбрал себе помощника помоложе и на вершине холма соорудил святилище: десяток толстых стволов, установленных в круг диаметром пятнадцать шагов. Он разводил костер в центре круга и приносил там жертвы богу Солнцу. Дважды в год у святилища собирались поселенцы, а охотники приносили в дар оленью тушу.

– Он устроил святилище на твоём холме, – жаловалась Лиама, не понимая, почему Крун терпит выходки знахаря. – Он выставляет себя вождем.

Над холмом в долине все чаще и чаще поднимался столб дыма, напоминая охотникам о могуществе знахаря. И все же охотники не прекращали поклоняться богине Луне: в полнолуние они украдкой собирались на лесных полянах, приносили жертвы и исполняли священные пляски предков.

Крун не обращал внимания на заносчивое поведение знахаря и ничего не предпринимал.

За несколько лет отношения между соседями постепенно наладились и, хотя недоверие охотников полностью не исчезло, торговый обмен возобновился. Основная заслуга в этом принадлежала Круну и Магри.

Вождь поселенцев всеми силами старался поддерживать мир. Он привел свое племя на остров именно потому, что море создавало естественную преграду, защищало поселенцев от воинственных разбойников и грабителей. Разумеется, Круну совершенно не хотелось враждовать с охотниками. Он молча возмущался гнусным поступком знахаря и терпеливо выжидал.

– Безумие когда-нибудь закончится, – вздохнул он и предоставил толстяку заниматься всем тем, что было связано с поклонением богу Солнцу.

Сам он жил тихо, но по-прежнему оставался самым влиятельным человеком в общине поселенцев. По вечерам он усаживался перед домом на мешке с шерстью, опираясь ногой на дубину – символ своей власти. Поселенцы приходили к нему разрешать споры, а знахарь взирая на него с опасливым уважением. И все же больше всего Крун любил сидеть в одиночестве, глядя на лебедей, кружащих над извилинами реки в долине.

Часто его навещал Магри. Старый охотник тоже отличался терпением. Мужчины часами сидели рядом, изредка перебрасывались несколькими словами, но относились друг к другу с безмерным уважением. В этих неспешных беседах разрешались мелкие споры и недоразумения, время от времени возникавшие между двумя общинами.

После одной из таких встреч у Магри появилась великолепная мысль, которая определила дальнейшее развитие поселения.

Старый охотник с любопытством слушал рассказы Круна о жизни за морем, о сотнях общин земледельцев и скотоводов на противоположном берегу прилива.

– Если там живет столько людей, – однажды заметил Магри, – то настанет день, когда они, как и вы, переправятся на остров и займут наши долины.

– Может быть, переправятся, – сказал Крун. – А может, и не переправятся. Море бурное.

– Переправятся. Так и будет, – печально вздохнул старый охотник. – Новых поселенцев будет много, мы с ними не совладаем, и они нас уничтожат.

Магри, наблюдая за жизнью поселенцев, хорошо понимал их силу. Юноши строили новые жилища, выкорчевывали леса в долинах. Стада коров множились, отары овец бродили по окрестным холмам.

– Вы подчинили себе землю, – сказал Магри. – Велика сила бога Солнца.

– Когда придут новые поселенцы, охотникам придется считаться с ними и с их богами, – честно ответил Крун.

Старый охотник много месяцев раздумывал над этими словами и наконец объявил соплеменникам о своем невероятном решении.

Охотники ошеломленно уставились на Магри.

– Нет, не дело соглашаться на такое, – возражали они.

Магри продолжал настаивать на своем, утверждая, что иначе все племя обречено на смерть.

– Власть бога Солнца велика, он благоволит поселенцам, – объяснял старый охотник. – Нам с ними не совладать, поэтому лучше сделать так, как я сказал.

Магри уговаривал охотников целых два года, но поселенцы об этом не подозревали. Наконец ему удалось убедить соплеменников.

Однажды летом Магри привел на холм к Круну хромающего Та ку, двух мужчин постарше и двух девушек. Крун почтительно поздоровался с охотниками. Мужчины уселись на землю перед бревенчатым домом, девушки остановились поодаль. Крун недоумевал, зачем они пришли.

– Вот уже три года наши общины живут в мире, – неторопливо начал Магри. – Мы приносим жертвы богу Солнцу и не охотимся в долине.

– И мы не вторгаемся в ваши лесные угодья, – напомнил Крун.
– Верно, – согласился старый охотник. – Но год за годом поселенцы вырубают все больше и больше лесов, и наступит день, когда земли в долине им будет мало.

– Нам земли хватает, – заверил его Крун.

– Сейчас хватает, – ответил Магри. – И сейчас мы живем в мире. Но когда-нибудь твоим людям здесь станет тесно, потому что ваши стада множатся. Скоро леса в долине не останется. Да, так и будет, – кивнул он. – А наши юноши не забыли вражды, говорят, что вас надо изгнать из долины. Они готовы сражаться.

– Мы с тобой их остановим, – сказал Крун.

– Мы стареем, – вздохнул Магри. – Мы скоро умрем, и наши советы забудут.

Крун задумался. Больше всего он опасался возобновления вражды. В словах старого охотника крылась горькая правда.

– Что ты предлагаешь? – наконец спросил он.

– Чтобы наши потомки жили в мире, нашим племенам надо объединиться, – заявил Магри.

– Как? – удивился Крун.

– Если ты станешь нашим вождем, то защитишь нас от любой опасности. Ты согласен?

Крун растерянно молчал.

– Но у наших племен разные обычаи, – возразил он.

– Мы будем жить, как вы, – ответил Магри.

– Но у вас другие боги... – начал Крун.

– Мы поклоняемся богине Луне, покровительнице охотников, – сказал Магри. – Но власть бога Солнца велика, – признал он. – Поэтому мы будем чествовать обоих богов.

– А твои соплеменники на это согласны?

– Да. Если ты защитишь наши охотничьи угодья, мы признаем тебя вождем и принесем дары.

Даже самые отчаянные юноши из охотничьих семейств уважали Круна и прислушивались к его словам.

– Хорошо, я согласен, – поразмыслив, ответил Крун. – С сегодняшнего дня я, Крун, буду защищать лесные угодья.

Магри встал и подвел к Круну двух девушек – сильных, гибких смуглянок.

– Двое мужчин в поселении остались без женщин, – объяснил старый охотник. – Вот, возьми этих.

Крун внимательно оглядел девушек и осознал мудрое решение Магри.

– Ты научишь их жить по-вашему, – напомнил старый охотник.

– Мы принимаем твой дар, – торжественно произнес Крун.

Охотники собрались уходить. В Саруме начиналась новая эпоха.

В последующие годы охотники и поселенцы приходили на холм к Круну, просили совета, а ссоры и размолвки он всегда судил беспристрастно и справедливо. Два раза в год Магри и Таку приводили охотников в святилище на холме, где их ждали Крун и знахарь. Поселенцы выстраивались с одной стороны поляны, охотники – с другой, и знахарь, весьма довольный упрочением своей власти, приносил жертвы богу Солнцу, величайшему из всех богов. После священных ритуалов начинался пир, а затем Крун собирал старейшин обеих общин и держал с ними совет.

Спустя три года на одном из таких советов было принято важное решение. Уже много лет овцы давали поселенцам вкусное мясо и шерсть, которую женщины пряли, а из ниток ткали прочную материю. Но в последнее время качество шерсти ухудшилось – пришла пора улучшать породу.

– Надо отыскать тонкошерстных овец, пусть даже не самых крупных, – заключил один из поселенцев. – И скрестить их с нашими.

– На острове таких нет, – вздохнул другой. – Придется возвращаться на материк.

Никому не хотелось отправляться в опасное путешествие через бурный пролив.

– Мы вернемся в родные края, привезем оттуда коров и овец, – решительно объявил Крун. – Выменяем скотину в селениях на побережье. Только отправляться туда надо скорее, пока лето не кончилось.

– А что в обмен предложим? – спросил поселенец. – Горшки и корзины?

Крун покачал головой:

– Нет, у нас есть товар гораздо лучше. – Он обернулся к Магри и Таку. – Нам нужны меха и шкуры, на побережье мы их выгодно обменяем.

И действительно, обитатели северного побережья высоко ценили меха и шкуры с острова, где водилось много пушных зверей.

– Таку этим займется, – решил Крун.

Хромой охотник превратился в ловкого торговца, умело выменивающего ценный товар; с его помощью лодки поселенцев исходили все пять рек в округе и даже плавали вдоль побережья. За несколько дней Таку доверху нагрузил два больших челна пушиной: оленьими и бизоньими шкурами, лисьими и барсучьими мехами. Охотник, неведомо для себя положивший начало торговле островитян, гордо расхаживал от одной груды мехов к другой, расхваливая товар.

– Хорошо, – сказал Крун, осмотрев груз.

Однако хромой охотник, не довольствуясь похвалой, обратился к вождю с дерзкой просьбой:

– Позволь и нам с сыном поехать. Мы умеем грести, лишние руки всегда пригодятся.

Старший сын Таку как две капли воды походил на отца.

К этому времени и сам Таку, и все его сыновья прослыли отличными гребцами. Крун опасался, что поселенцы не захотят, чтобы охотник к ним присоединился, однако предложение Таку всех обрадовало: обитатели долины полюбили бывшего преступника, ставшего удачливым торговцем – он всегда приносил поселенцам необычные подарки.

– Что ж, поезжайте, – согласился Крун.

Вечером Таку собрал сыновей и заявил:

– Мы отправляемся в опасное путешествие за море. Может быть, мы не вернемся, зато вернутся другие. Вы должны во всем следовать моему примеру – плавать на лодках, обменивать товар и торговать. Это лучшее занятие для нашего рода.

Крун, обрубив Таку большие пальцы ног, неведомо для себя оказал охотнику великую услугу. Таку больше не мог охотиться, но, чтобы выжить, нашел себе новое, прибыльное занятие. Поселение росло, и Таку сообразил, что большой общине выгодно торговать. Все поселенцы были заняты: корчевали лес, возделывали поля, поэтому хромой охотник начал возить по округе меха и дичь, став своего рода торговцем-посредником для обитателей долины пятиречья. Он понял, какую прекрасную возможность представляет путешествие на материк, и твердо решил, что своего не упустит. Таку еще не сталкивался с развитой торговлей, которая уже существовала на территории Европы, но чутье у него было верное.

Путешествие завершилось успешно: поселенцы обзавелись новыми породами скота и расширили загоны. Таку привез несколько овец – мелких, но с тончайшим руном. Вдобавок он познакомился с обитателями крупных поселений и своими глазами увидел, как бойко развернулась торговля на материке.

– Ты был прав: с поселенцами нужно жить в мире. Мы и не подозревали, как велика их власть, – сказал Таку Магри, а потом посоветовал сыну: – Надо строить лодки, вместительные и прочные. Будем торговать с людьми на противоположном берегу пролива.

Поселение в Саруме процветало и благоденствовало. Крун понимал, что его годы клонятся к закату – вождю исполнилось пятьдесят лет, – и его все больше волновало то, кому передать власть над двумя общинами.

– Вождем должен стать наш сын, – уговаривала его Лиама. – Твой выбор все будут уважать.

Старшему сыну Круна исполнилось тринадцать. Лиама, с гордостью глядя на стареющего вождя, решила, что будет за ним ухаживать до тех пор, пока сын не подрастет.

Однако Крун рассуждал иначе:

– Наш сын обязательно станет вождем, но сейчас ему рано об этом думать.

Круну предстоял сложный выбор: хотя обитатели долины жили в мире и согласии, но охотники по-прежнему вели кочевой образ жизни, поклонялись богине Луне и не предпринимали попыток заняться земледелием или скотоводством. Вождем должен стать человек, который будет пользоваться уважением и поселенцев, и охотников.

Решение пришло неожиданно.

Когда старый Магри привел Круну двух девушек, вождь решил отдать одну своему дальнему родичу по имени Гвиллох – двадцатидвухлетнему юноше, высокому, смуглому и темно-волосому, с угольно-черными глазами. Говорил он мало, но к его словам прислушивались с уважением. Гвиллох согласился взять девушку в жены и вскоре обзавелся тремя сыновьями – такими же смуглыми красавцами, как и отец. Дети находили общий язык и с поселенцами, и с охотниками. Крун с удовлетворением отметил, что Магри поступил очень мудро: через несколько поколений две общины объединятся, несмотря на разницу в образе жизни.

Пока Таку готовился к путешествию через пролив, Гвиллох удивил Круна неожиданной просьбой.

– Выдели мне новую делянку, – сказал молодой человек. – Прежнюю мы делим с братом, у него трое сыновей. Так что пришла пора мне свою завести.

Крун признал разумность просьбы и согласился. Как ни странно, для новой делянки Гвиллох выбрал место у леса, за пределами долины.

– Все наши делянки в долине, – напомнил ему вождь. – Здесь земля плодородная.

– А на юго-западе она еще лучше, – ответил Гвиллох. – И женщина моя будет довольна: ее соплеменники нашими соседями станут.

– Мы дали слово, что не выйдем за пределы долины, – обеспокоенно вздохнул Крун, опасаясь, что поступок юноши вызовет недовольство охотников. – Я обещал охранять охотничьи угодья. Слово нарушать глупо.

– А если охотники согласятся, чтобы моя семья там жила? – рассудительно спросил Гвиллох.

Крун пожал плечами:

– Тогда я не буду возражать. Только они не согласятся.

Спустя десять дней к Круну пришел старый Магри с соплеменником с просьбой разрешить Гвиллоху переселиться из долины к лесу.

– Но ведь это охотничьи угодья! – удивился Крун.

Магри кивнул:

– Да, но делянка будет у входа в западную долину, там дичи меньше, чем на востоке. Новые наделы лучше разбить на западе.

Второй охотник согласно закивал.

– Мы обещали вам держаться северной долины, – напомнил Крун. – И слово свое не нарушим. Здесь земли хватает.

Второй охотник с улыбкой заметил:

– А скоро не будет хватать. Придет время, когда вы захотите больше земли. У Гвиллоха женщина из наших, мы ее знаем. Пусть они рядом с нами живут, мы не против.

– Сыновья Гвиллоха уже охотятся с нами, – добавил Магри. – А как подрастут, тоже будут защищать лесные угодья. И все будут довольны.

Так Крун понял, кто станет следующим вождем.

Пять лет поселенцы жили в мире. Старый Магри умер на третий год, суровой зимой. По обычаю, его место занял старейший охотник – Таку. Весной знахарь тяжело заболел и тоже умер. Новым знахарем стал молодой помощник толстяка, человек рассудительный; к Круну он относился с почтением и старался ничем не оскорбить охотников.

С тех самых пор, как Гвиллох переселился на делянку у леса, Крун присматривался к нему, приглашал на совет старейшин, обсуждал с ним важные дела и часто просил его разобраться в незначительных спорах жителей долины. Гвиллох был чуток к нуждам и поселенцев, и охотников; к его словам прислушивались. Свою новую делянку он выбрал с умом и заботливо возделывал, так что семья его жила в достатке.

Поселенцы, заметив, что Крун благоволит Гвиллоху, сочли такой выбор разумным – молодой человек пользовался всеобщим уважением.

От года к году старый воин все больше чувствовал ломоту в суставах, на шее обвисли складки, мощные плечи поникли. Он любил смотреть на лебедей в камышах у реки и часто подремывал на пригорке у дома, под теплыми лучами солнца.

Однажды ясным весенним днем там он и умер, как уснул, в почтенном возрасте пятидесяти четырех лет.

На следующий день старейшины общин созвали совет и объявили Гвиллоха новым вождем. Первое повеление Гвиллоха положило начало традиции, которая просуществовала почти четыре тысячи лет и навсегда изменила ландшафт Сарума.

– В пятиречье нас привел великий вождь Крун, – заявил Гвиллох, – и мы должны похоронить его с почестями, чтобы память об основателе нашего поселения сохранилась навечно.

Поселенцы и охотники с готовностью согласились, однако не знали, как это лучше сделать.

– Над могилой Круна надо насыпать курган, – предложил один из поселенцев.

Остальные решили, что этого недостаточно.

Гвиллох, поразмыслив, сказал:

– Мы построим ему дом, чтобы упокоить его душу.

В нескольких милях к северу от долины, на высоком холме, откуда открывался великолепный вид на окрестности, охотники и поселенцы расчистили широкую поляну. На поляне построили бревенчатую погребальную хижину, в которую с почестями внесли тело Круна. Рядом с вождем уложили его тяжелую дубину, мешок шерсти и подстрелили лебедя, чтобы любимая птица сопровождала Круна в смерти.

После этого поселенцы плотно законопатили гробницу и оленьими рогами прорыли в холме два параллельных рва, в сотню шагов длиной, на расстоянии десяти шагов друг от друга. Очерченную площадку и хижину в ее юго-восточной оконечности начали засыпать дробленным мелом.

Спустя два месяца тяжелая работа была закончена: на вершине холма возник курган выше человеческого роста и длиной сто футов, похожий на громадную перевернутую лодку. Гвиллох велел плотно утрамбовать меловую насыпь; при свете солнца могильник сиял белизной, а лунные лучи окружали его призрачным, дрожащим маревом.

– В этом доме Крун будет жить вечно, – сказал Гвиллох.

Охотники и поселенцы с восхищением рассматривали творение своих рук. Поляна на вершине холма стала священным местом.

По велению Гвиллоха и из уважения к желанию Круна о мире между общинами знахарь совершил жертвоприношения: богу Солнцу принесли в жертву ягненка, а богине Луне – косялю.

Всякий раз, когда Гвиллоху требовалось принять трудное решение, он приходил на холм и безмолвно сидел у длинного могильника.

«Как мне поступить?» – мысленно взывал Гвиллох к старому вождю, и дух Круна всегда давал ему мудрый совет.

Впрочем, поселенцы и охотники тоже ощущали незримое присутствие Круна; когда над Сарумской долиной гремели летние грозы, люди переглядывались и говорили:

– Это Крун кряхтит, ворочаясь в своем жилище.

Прошли годы. Старый Гвиллох, не желая, чтобы его дух покидал долину пятиречья, подыскал в округе место для своего могильника, а перед смертью объявил вождем одного из сыновей Круна.

Так в Саруме возникла традиция создания огромных курганов, получивших название длинных могильников – примечательная черта неолитической Британии на протяжении пяти тысяч лет. Поколение за поколением возводили могильники в окрестностях Сарумской долины; иногда они служили местом погребения целых семей, но чаще воздвигались в честь племенных вождей. Вскоре длинные могильники появились на территории всей Британии. С течением времени и в разных частях острова форма захоронения менялась – над могилами насыпали круглые курганы или расчищали площадки с небольшими холмиками в центре, – но только Сарумская возвышенность до сих пор хранит память о древних предках: сотни длинных могильников, заросших травой.

Как и предсказывал Магри, вскоре земледельцы вышли за границы северной долины и заняли охотничьи угодья. А с материка приплывали все новые и новые поселенцы – вслед за Круном хрупкие челны добирались через пролив на остров Британия и даже пересекали холодные северо-западные моря на пути к острову Ирландия. Как и в Саруме, поселенцы строили бревенчатые дома, выращивали пшеницу и разводили стада; скот держали в загонах, окруженных земляными валами, и там же устраивали своеобразные торжища, встречи с соседскими общинами и, возможно, использовали их как оборонительные сооружения. Лес на окрестных холмах расчищали под пастбища для овечьих отар. Вскоре на острове сложилась культура британского неолита.

Ее формирование заняло две тысячи лет.

Последующие два тысячелетия истории Британии хорошо изучены. Огромное количество могильников, поселений и орудий труда, найденных археологами, позволяет разделить их на несколько типов культур. К северу от Сарума, в Уиндмилл-Хилле, обнаружены городища, обитатели которых добывали кремьен в открытых карьерах и создавали так называемые лагеря с вымостками – вершину холма окружали рядами плоскодонных рвов с внутренними валами. Еще дальше к северу, на территории современного Йоркшира, делали бусы и украшения из блестящего черного гагата, а обитатели Корнуолла, Уэльса и Озерного края научились добывать вулканические породы и изготавливать из них невероятно прочные каменные топоры. На острове Британия, отрезанном от материка, складывалась своя богатая неолитическая культура.

Сейчас не представляется возможным доказать, что племена кочевых охотников, изначально заселивших Британию, постепенно смешались с неолитическими земледельцами, пришедшими из Европы. Земледельческие и скотоводческие общины процветали, но население острова по-прежнему оставалось небольшим. За две тысячи лет до нашей эры в поселениях на территории Британии обитало не больше сорока тысяч человек. Вполне вероятно, что в лесах и на равнинах существовали и кочевые племена охотников.

Однако в самом центре Уэссекса, на Сарумской возвышенности, плодородная почва легко поддавалась сохе, и поселенцы приходили в окрестности долины пяти рек по древним тропам, которыми когда-то шел Ххыл.

К 2500 году до нашей эры в Британии произошли значительные перемены: здесь, как и в Европе, появилась чудесная глиняная посуда с плоским дном, так называемые кубки-бикеры в виде перевернутого колокола. Эта культура возникла на территории Южной и Центральной Европы, на Пиренейском полуострове и в долине Рейна. Примерно в это же время в Британию попала первая медь, а чуть позже и бронза, сплав олова и меди, из которого делали оружие, украшения и всевозможные орудия труда. Металл с легкостью поддавался обработке, но из-за своей мягкости не оказал особого влияния на дальнейшее развитие сельского хозяйства и военного дела.

В это время остров Британия, и особенно Сарум, прославился не металлом, а камнем.

На возвышенностях появились каменные круги-святилища, называемые хенджами, которые сохранились до наших дней. Многотонные каменные глыбы с невероятной точностью устанавливали по окружности на вершинах холмов – это требовало значительных усилий и мастерства неизвестных зодчих. Рядом с их величием меркнут даже меловые могильники.

В Северной Европе преобладают кромлехи – каменные кольца вокруг могильников и курганов, – а сооружения, подобные хенджам, практически неизвестны, хотя в Британии встречаются повсюду, от Корнуолла до северной оконечности Шотландии. Свою характерную форму они приобретали постепенно, на протяжении многих веков. Поначалу их возводили из насыпного грунта, потом – из дерева, а позже при их строительстве стали использовать камень. Они имеют форму правильного круга, вход в который указывает на восходящее солнце в день летнего солнцестояния. Впрочем, о точном предназначении хенджей ничего не известно, и ученые до сих пор пытаются разобраться в устройстве этих загадочных святилищ. Чаще всего хенджи встречаются в окрестностях Сарума. В тридцати милях к северо-западу от долины раскинулся огромный хендж Эйвбери, а рядом с ним – несколько кругов поменьше, в том числе и с деревянными, а не с каменными столбами. Однако величайшим из хенджей по праву считают Стоунхендж, на возвышенности к северу от Сарума.

Строительство Стоунхенджа началось примерно за три тысячи лет до нашей эры. Поначалу сооружение представляло собой площадку, окруженную сплошным земляным валом с входом, ориентированным на восходящее солнце в день летнего солнцестояния. На площадке установили внутренний круг из пятидесяти шести столбов на равном расстоянии друг от друга. Вход на площадку обрамляли огромные валуны. Примерно в 2100 году до нашей эры в центре площадки стали возводить круг из вулканической горной породы – долерита. Неолитические зодчие, не знавшие колеса, ухитрились доставить громадные камни – каждый высотой более шести футов и весом не меньше четырех тонн – из каменоломен в дальних Презелийских горах на юге Уэльса, в двухстах сорока милях от Сарума. На постройку круга требовалось шестьдесят камней. Однако в 2000 году до нашей эры по неизвестной причине долеритовые глыбы заменили огромными камнями из серого песчаника, а к самому кругу проложили особую дорогу длиной шестьсот футов, с обеих сторон окаймленную рвами и насыпями. Своим величием святилище превосходило все постройки острова.

Хендж

2000 год до н. э.

До рассвета оставалось несколько часов.

В центре святилища стояли шестеро жрецов в длинных одеяниях из некрашеной шерсти, почтительно склонив бритые головы с узким треугольником волос, спускавшимся на лоб. Высокие кожаные сапоги защищали ноги от холода. Каждый жрец держал несколько заостренных деревянных кольшков.

У входа в круг лежал преступник, связанный прочными веревками из сыромятной кожи, – на рассвете его принесут в жертву богу Солнцу.

Длук, верховный жрец, стоял неподвижно, будто изваяние, сжимая в правой руке церемониальный посох с позолоченным бронзовым набалдашником в форме лебедя, символа бога Солнца. На левой ладони жреца покоился клубок льняной бечевы. Длук – чисто выбритый, длиннолицый, высокий и сухопарый – задумчиво смотрел вдаль.

Причин для беспокойства хватало. Священным землям Сарума угрожала страшная беда. Если боги не смилостивятся, уничтожения не избежать. Чем же задобрить богов? И сколько времени осталось до неминуемой катастрофы?

– Если Крун захворает... – еле слышно пробормотал Длук, чуть сильнее сжал посох и поспешно отогнал ужасную мысль – забот и без того хватало. Он указал посохом на четыре точки круга и отрывисто приказал: – Установите метки.

Жрецы торопливо направились к указанным местам и воткнули кольшки в землю: ночью, как обычно, служители Стоунхенджа проводили астрономические измерения.

В осеннем небе, усыпанном звездами, холодно сиял месяц. Под его светом призрачно поблескивали величественные пустынные холмы, покрытые утренней росой. На холмах мертвенно светились меловые могильники – продолговатые и округлые, будто лодки на неподвижных волнах моря. Обитатели Сарума чтити древних предков, которые неустанно охраняли покой живых.

Священные земли простирались на много миль. Здесь были не только курганы, но и небольшие святилища – круги из деревянных столбов, окаймленные земляными валами. Возвышенность считалась священной уже много веков; сюда со всех концов острова приходили паломники.

В самом центре возвышенности, на пологом склоне холма, стоял хендж – огромная меловая площадка диаметром триста двадцать футов, окруженная, в отличие от других святилищ, земляным валом и глубоким рвом. Жрецы Стоунхенджа гордо утверждали, что сила их святилища больше. К входу на северо-западной стороне вела прямая церемониальная дорога длиной шестьсот ярдов. У входа высились два огромных серых валуна, образуя ворота, куда пропускали только жрецов и пленников, обреченных на жертвенную смерть. В меловом круге находились два насыпных кургана (их использовали для астрономических наблюдений), внешнее кольцо из пятидесяти шести деревянных столбов (нынешний верховный жрец установил их на месте сгнивших) и внутреннее, еще не достроенное двойное кольцо стоячих камней – священных долеритов.

Сооружение, возведенное восемь веков назад, считалось местом колдовским. Здесь жрецы совершали ритуальные жертвоприношения богу Солнцу и богине Луне и проводили важные астрономические вычисления, на основании которых великий вождь Крун управлял своими обширными владениями.

Кроме Стоунхенджа, в округе были и другие хенджи, например святилище в Эйвбери, где обитало соседское племя, однако Длук постоянно напоминал своим жрецам, что в звездах они разбираются лучше, потому что Стоунхендж построен точнее.

И в самом деле, в день летнего солнцестояния светило появлялось над горизонтом точно напротив входа в святилище; первый алый луч освещал дорогу, проходил между валунами и падал в центр мелового круга. В день зимнего солнцестояния последние лучи заходящего солнца освещали синеватые глыбы с противоположной стороны. В хендже жрецы с помощью деревянных кольев вычисляли время солнцестояний и равноденствий, определяя, когда начинать сев зерна, сбор урожая и прочие важные дела, упомянутые в священных сказаниях. Хендж, будто гигантские солнечные часы, отсчитывал дни и времена года.

Над хенджем и над всем Сарумом властвовал бог Солнце, озаряя своим сиянием возвышенность и долины. Все жители окрестностей знали, что он с рассвета до заката следит за ними, заливая ярким светом пустынные холмы и ложбину пятиречья. Мел сверкал под его жгучими лучами. Бог Солнце дал людям день и ночь, зиму и лето, время сева и время урожая, мог облагодетельствовать, а мог и покарать. Власть его была безмерна.

Длук медленно переходил от одного деревянного колышка к другому, разматывая льняную бечеву. Торжественное безмолвие святилища успокаивало верховного жреца, способствовало его размышлениям и позволяло забыть о бедах, постигших племя. Он всецело отдался сложным измерениям и вычислениям, пытаясь разобраться в загадках мироздания.

Внезапно два босоногих гонца с пустыми носилками подбежали по росистой траве к святилищу. У самого входа они опустили носилки на землю и распростерлись перед жрецами. Длук сурово свел брови:

– Как вы смеете прерывать священнодействие?

– Нас Крун послал, – ответили гонцы, не поднимая глаз: простым смертным запрещалось смотреть на верховного жреца. – Он хочет с тобой увидеться.

– Среди ночи? Он захворал? – встревоженно спросил Длук.

– Не знаю, – с заминкой ответил гонец постарше. – Он гневается.

Его спутник согласно закивал.

– Я приду, – вздохнул Длук, велел жрецам с первым лучом солнца принести в жертву связанного преступника и уселся на носилки.

Носильщики быстро пробежали семь миль, отделявшие возвышенность от пятиречья, где в самом центре Сарума стояло жилище великого вождя Круна.

Сарумом с незапамятных времен правил род Круна, прямые потомки легендарного Круна-воителя, чьему могильнику на холме поклонялись до сих пор, а на церемонии назначения нового вождя жрецы перечисляли восемьдесят поколений его предков. Чтобы подчеркнуть преемственность власти, каждому вождю давали имя Крун, а верховным жрецом избирали одного из родственников. Длук был сводным братом нынешнего вождя.

Еще не рассвело; месяц заливал долину призрачным светом. С взгорья открывался прекрасный вид на долину. Лес на холмах вырубил, а долину обнесли частоколом, охраняемым воинами Круна. Для путников, приплывающих в Сарум по реке, этот вид служил грозным напоминанием о власти вождя. У самого входа в долину на холме виднелось просторное сооружение с выбеленными мелом бревенчатыми стенами, окруженное земляным валом, обмазанным красной глиной. За валом начинался двор с хозяйственными постройками.

В долине на берегу находилось небольшое торжище; через него проходили все товары, которые развозили по пяти рекам или отправляли на юг, в гавань на побережье. Торговлей, как и прочей деятельностью жителей Сарума, заправлял вождь.

На хмуром лице Длука мелькнула улыбка.

– Благословенный Сарум, – прошептал верховный жрец, вспоминая счастливое время.

Пятиречье и прежде было средоточием власти Сарума, но теперь владения Круна простирались далеко за пределы ложбины: вниз по реке на юг, до естественной гавани на берегу моря; священные земли на северном взгорье, а на востоке и западе – по двадцать миль в обе стороны. На острове не было мест плодороднее и богаче. Торговцы с севера приносили на

обмен великолепные каменные топоры, с востока – красивую посуду из обожженной глины, с запада – золотые украшения, созданные искусными ирландскими мастерами, а из неведомых краев – янтарь, гагат, жемчуг и прочие чудесные изделия. Люди жили богато: на холмах в округе паслись отары бурых овец, на склонах зеленели поля, засеянные пшеницей, ячменем и льном, в низинах бродили тучные стада коров и свиней. В лесах охотники промышляли пуш-ниной, которую потом продавали за море, а сам Крун любил охотиться на оленей и вепрей.

В окрестностях Сарума жило около трех тысяч человек; сюда не вторгались банды захват-чиков. «Крун – великий вождь, – говорили жители острова. – Славен род владыки благосло-венного Сарума».

Благословенный Сарум... Отчего же боги сейчас обошли его милостью? Почему гнева-ются? Эти вопросы больше всего занимали Длуха на пути к дому вождя.

Перед жилищем Круна горели факелы на треножниках. Стены, камышовую крышу и вход украшали многочисленные олени рога и клыкастые головы вепрей – охотничьи трофеи. До недавнего времени вождь славился своим гостеприимством и любил устраивать охоту.

Верховный жрец решительно вошел в дом. Внутри горели восковые свечи. Прислужник у входа задрожал при виде Длуха и поспешно распростерся у порога, не поднимая головы.

– Где Крун? – осведомился верховный жрец.

– В своем покое.

Длух прошел в глубину жилища и отодвинул тяжелый занавес, отгораживающий неболь-шое помещение – спальню Круна.

В комнате царил полумрак. Длух помедлил, давая глазам привыкнуть к неверному свету единственной свечи.

У входа на полу в страхе скорчилась пятнадцатилетняя девушка – одна из нескольких новых жен, которых Длух присылал Круну в последние месяцы. Вождю понравилась крепкая и складная девушка с пухлыми губами, пышной грудью и широкими бедрами, поэтому сейчас верховный жрец недоуменно поморщился и перевел взгляд на Круна.

Беда, грозящая благополучию Сарума, подкосила вождя: глаза ввалились, плечи поникли, сам он исхудал, в черной бороде серебрились седые пряди, хотя он держался с преж-ним достоинством.

Крун стоял в дальнем углу спальни, у широкого помоста, накрытого шкурами. Рядом с ним на полу сидела Айна, его старшая жена. Она с юных лет жила с вождем, который даже сейчас, когда она постарела, относился к ней с любовью и уважением. Глаза Длуха привыкли к сумрачному освещению; он заметил, что Крун пал духом. Лицо вождя потемнело от гнева, орлиный нос походил на громадный клюв, а взор сверкал от ярости. Сейчас Крун напоминал зловещую хищную птицу.

– Я пришел, – негромко произнес Длух.

Помолчав, Крун хрипло прошептал:

– Она украла мою силу. – (Длух поглядел на девушку.) – Забери ее и принеси в жертву богу Солнцу, верховный жрец! – велел Крун. – Верни мне мою силу.

Длух задумался. Человеческие жертвоприношения совершались редко – на жертвенный алтарь святилища приводили только преступников и тех, на кого выпадал священный жребий. Верховный жрец не собирался приносить девушку в жертву только потому, что этого хотел вождь. Длух помотал головой.

– Ты что, не понимаешь?! – злобно прошипел Крун. – Она украла мою силу. Я ни на что не способен.

– Я могу тебя вылечить, дам тебе целебный отвар, – невозмутимо ответил Длух.

Крун гневно посмотрел на верховного жреца и медленно уселся на помост.

– Не надо мне отваров, – устало сказал вождь.

Айна осторожно приблизилась к нему. Заботливая и верная женщина всегда терпеливо обучала младших жен убаживать Круна и сейчас пыталась успокоить мужа, ласково поглаживая его по ноге, потом взяла его лицо в ладони и нежно поцеловала в губы.

Любовь и преданность Айны растрогала Длуха. Женщина робко улыбнулась и, продолжая ласкать Круна, с надеждой поглядела ему в глаза, но затем печально вздохнула, уселась у его ног и расстроено покачала головой.

– Не надо мне отваров, – повторил вождь. – Отдай девчонку богам, иначе род Круна прервется.

Длух сокрушенно вздохнул, вспоминая, как пришла беда, грозившая разрушить благополучие Сарума.

Все началось с того, что однажды Крун со свитой отправился на побережье встречать торговцев из дальних краев. Длух обрадовался путешествию; он любил гавань среди невысоких холмов, где в заводях на побережье вили гнезда цапли и пеликаны. Ему нравилось расспрашивать путешественников о неведомых землях.

Десять челнов, обтянутых ярко раскрашенными шкурами, спустились вниз по реке. Крун, облаченный в роскошное алое одеяние, сидел в первой лодке вместе с двумя сыновьями. В летнюю жару берега реки обнажились, повсюду витали ароматы свежих трав, ряски и тины. К полудню путники выбрались к устью реки и сразу же заметили судно чужеземных торговцев, пришвартованное у торжища на южной стороне гавани.

Чудесный корабль заметно отличался от широких челнов-куррахов, сплетенных из ивняка и обтянутых шкурами. Обитатели острова пользовались этими челнами с глубокой осадкой для путешествий по рекам и для перевозки грузов; если дул попутный ветер, ставили мачту с крохотным парусом, в помощь гребцам. Чужеземный корабль из досок, плотно пригнанных друг к другу и законопаченных смолой, был в два раза больше самого большого курраха; посередине его высилась прочно закрепленная мачта, на поперечной перекладине которой висел квадратный кожаный парус. Позади удивительного судна виднелся огромный руль для управления лодкой, так что с помощью руля и паруса искусные мореплаватели могли выдерживать заданный курс даже без попутного ветра. Островитяне не умели строить такие корабли.

Чужеземные торговцы оказались невысокими широколицыми здоровяками, скуластыми и смуглыми, с курчавыми черными бородами, блестящими от благоуханных масел. Языка островитян они не знали, и им помогал объясняться торговец с материка. Они привезли с собой огромные кувшины вина (жители острова никогда прежде его не пробовали), отрезки льна, искусно расшитые бисером, куски янтаря, крупный жемчуг и великолепные украшения.

– Какие товары вам нужны? – спросил Крун.

– Пушнина, – ответили торговцы. – А еще нам нужны гончие. На материке говорят, ваши охотничьи собаки лучшие.

Вождю и его сыновьям понравились новые товары, хотя вино, пусть и слаще местного темного пива, не шло ни в какое сравнение с крепким хмельным медом, который варили жители Сарума. Начался оживленный обмен товарами. В подарок сыновьям Крун выбрал бронзовые кинжалы, искусно украшенные самоцветными камнями и золочеными узорами, – таких не создавали даже ирландские мастера. За каждый кинжал торговцы потребовали шесть пар гончих. Длуха возмутила невероятная цена, но Крун только рассмеялся во все горло.

– Самый подходящий подарок для сыновей великого вождя! – заявил он. – А гончих у меня хватает.

Верховный жрец до сих пор помнил тот ясный солнечный день. Крун увлеченно беседовал с торговцами и раскатисто хохотал, сверкая глазами. За ним неотступно следовали два сына, рожденные преданной Айной: старшему минуло шестнадцать, а младшему – четырнадцать. Оба унаследовали от родителей высокий рост, благородные черты лица и черные глаза.

Юноши были прекрасными охотниками, отважно ходили на вепря и даже на тура. В тот день за плечами у них развевались короткие зеленые накидки, у пояса поблескивали новые кинжалы. Сыновья с улыбкой глядели на отца.

– После моей смерти они станут великими вождями, – заявил Крун. – И наряд у них должен быть как у вождей.

Пока Крун с сыновьями вели торг, Длук расспрашивал мореплавателей:

– Откуда вы приплыли?

– С великого моря на юге. С востока на запад его можно переплыть за несколько месяцев, – ответили чужеземцы.

Длук удовлетворенно кивнул: об этом море рассказывали и другие торговцы. Обычно товары из Средиземноморья попадали в Британию с северного побережья Франции, куда их доставляли по крупным рекам Юго-Западной Европы. Редкие смельчаки отваживались на опасное путешествие вокруг европейского атлантического побережья. Жрецу-астроному интересно было беседовать с заморскими гостями еще и потому, что свой долгий путь они прокладывали по звездам.

Предводитель торговцев, лысый толстяк с круглой головой и умными глазами, скрытыми сетью глубоких морщин, тараторил так быстро, что толмач за ним еле поспевал:

– В наших краях очень жарко, а солнце стоит выше, чем у вас. Однажды я отправился в путешествие на юг, в дальние страны, туда, где в небе светят странные, незнакомые созвездия. Просто чудеса!

Длук и прежде слышал такие рассказы, поэтому решил, что чужеземец говорит правду. Наверняка на далеком юге есть звезды, которых просто не видно из-за северного горизонта, точно так же как пропадает из виду земля, если уплываешь далеко в море. К югу от Сарума солнце стояло выше, а значит, если уйти далеко на юг, то где-то там оно должно оказаться точно над головой. Похоже, торговец в своих путешествиях побывал именно в таких местах.

– А долго туда добираться? – с любопытством спросил Длук.

– Трудно сказать... – Толстяк задумчиво покачал головой. – Может быть, четыре месяца пути морем, а может быть, и все шесть.

– Скажи, в дальних краях на юге солнце стоит прямо над головой?

– Почти.

Шесть месяцев морского пути... Точное расстояние определить трудно, но Длук понимал, что это очень далеко. Он погрузился в размышления, и на его обычно суровом лице мелькнула улыбка: если определить расстояние от острова Британия до тех областей, где солнце стоит точно над головой, тогда, зная угол наклона солнца над островом, вполне возможно несложным методом, с помощью кольщиков и бечевки, вычислить примерное расстояние земли от Солнца, то есть получить сведения, дотоле неизвестные жрецам. В уме Длука возникли любопытные мысли: если угол наклона солнца меняется, то на дальнем севере наверняка существуют края, где солнце так низко восходит над горизонтом, что светила почти не видно. Или это возможно только за краем земли? А где именно находится край земли? Может быть, торговец там побывал?

– Нет, на краю земли я не бывал, – ответил толстяк. – Но встречал человека, который знает, где это.

– И где же?

– Он мне не сказал.

– Соврал, наверное, – грустно заметил Длук, однако решил, что боги благоволят Саруму.

И вождь Крун, и его сыновья остались довольны встречей с заморскими гостями и вечером устроили пиршество в их честь.

На следующее утро торговцы отплывали на запад, надеялись разжиться оловом на побережье, а потом добраться до Ирландии, где, по слухам, было много золота.

Этот день Длух запомнил на всю жизнь. На рассвете он принес в жертву овцу, прося богов даровать отважным путникам удачу. К полудню с юго-востока задул ветер, на горизонте собрались клубы облаков. Едва корабли медленно отплыли от берега, как раздались громкие голоса: юноши, весело переговариваясь, столкнули три кур раха на мелководье и поспешили за торговцами к выходу из залива. Среди молодых людей были и сыновья Круна.

– До свидания! – радостно выкрикивали они, торопливо гребя вслед за кораблями. – Мы тоже на юг поплывем!

Люди на берегу махали им руками, смеялись и одобрительно вос клицали. Крун, Длух и их спутники взобрались на холм, откуда было лучше видно, как челны выплывают из гавани в открытое море.

Небо затянуло тучами, но кое-где солнце выглядывало в просветы, заливая темную морскую гладь яркими лучами. Лодки добрались до восточной оконечности мыса и по узкому проливу вышли в море. Ветер усилился, на волнах появились барашки. Лодки обогнули мыс и, повернув на запад, все больше удалялись от берега. Грузный торговый корабль решительно рассекал волны, а за ним разноцветными поплавками устремились три ярко раскрашенные лодчонки. Наконец они поравнялись с холмом, где стоял Крун со спутниками.

– Слишком далеко отплыли, – пробормотал вождь.

Челны на две мили отделились от берега, и высокие волны то и дело скрывали хрупкие суденышки.

Внезапно Длух заметил, что надвигается шторм. Вначале над восточным горизонтом появилась сизая туча, которая росла и ширилась с необычайной быстротой. Клубы облаков, потемнев, угрожающе сомкнулись и нависли над морем. Через несколько мгновений с востока огромной черной птицей налетела буря.

Длух коснулся плеча Круна и махнул рукой вдаль. Вождь, помрачнев, встревоженно заметил:

– Пусть поворачивают к берегу!

Тяжелая туча ворочалась, напоминая уже не птицу, а гигантский темно-лиловый цветок, неумолимо раскрывающий лепестки. Длух с ужасом смотрел на небо. Челны плыли в открытое море за деревянным кораблем, не замечая, как надвигается шторм, – небо на западе оставалось ясным и светлым.

Люди на холме встревоженно закричали, но гребцы их не слышали. Только когда торговцы развернули парус и поплыли на запад, юноши решили повернуть к берегу и наконец увидели грозные тучи над мысом.

– Гребите к заводи, глупцы! – пробормотал вождь.

Волны и сами бы вынесли куррахи на песчаный берег заводи, но гребцы упрямо держали курс на мыс, хотя море штормило, а течение у скал было опасным.

– Безумцы! – воскликнул Крун.

Все вокруг погрузилось во мглу, море вздыбилось раненым зверем, на берег обрушились огромные волны. Соленые брызги и ключья пены долетали до самой вершины холма. Через несколько мгновений лодки исчезли из виду. Длух надеялся, что они удержатся на плаву.

Великий Крун, дрожа от страха за сыновей, умоляюще обратился к жрецу:

– Брат мой, попроси богов пощадить моих наследников!

Длух, громким голосом воззвав к морским божествам, отсыпал из кошелья на пояс пригоршню золотого песка и развеял над морем, но порыв ветра отбросил крупинки драгоценного металла, запорошив жрецу глаза.

Станным образом буря затронула только мыс: над морем завывал ветер, бушевали волны, дождь шел стеной, а неподалеку, в заливе за мысом, вода едва подернулась рябью.

Корабль торговцев уплыл на запад, а лодки так и не вернулись. Вождь Крун потерял обоих сыновей. Тела, вынесенные на берег много дней спустя, похоронили в Саруме.

Родных братьев у вождя не было. Длух, единственный оставшийся в живых родственник, как полагалось жрецам, дал обет никогда не знать женщины. Впервые за всю историю Сарума власть над поселением передавать было некому. Всем в округе было известно, что боги благоволят роду вождя, чьи предки основали поселение на священной земле, поэтому соседние племена боялись нападать на Сарум. Однако теперь, когда Крун остался без наследников, некогда великий род его угаснет, а в плодородную долину у пяти рек придут завоеватели.

По острову поползли слухи, что боги отвернулись от благословенного Сарума и даже сам бог Солнце не озаряет своей милостью хранителей Стоунхенджа.

И действительно, месяц спустя произошло солнечное затмение. Вождь окончательно пал духом и обреченно заявил жрецу:

– Мы пропали.

Трагические события изменили Круна даже внешне: черные как смоль волосы поседели, широкие плечи поникли, он сторбился и казался меньше ростом, некогда ясные глаза помутнели. Он целыми днями не выходил из дому, лишь изредка призывая к себе Длуха, и то лишь для того, чтобы спросить:

– Неужели боги наложили проклятие на весь наш род?

Увы, ответа у жреца не было.

– Да, судя по всему, боги нас наказали, – уклончиво сказал он. – Надо подумать, чем их умилостивить.

– Думай быстрее, – велел вождь. – Если род Круна пресечется, то...

Продолжать он не стал – все было и без того ясно.

День ото дня Длух приносил жертвы богам и молился в святилище, но безрезультатно. Вождю спешно следовало обзавестись наследниками. Много лет прошло с тех пор, как Айна родила Круну двух сыновей. Их смерть надломила жену вождя. Она всегда вела себя скромно, но с достоинством. Если Крун хвалил сыновей, Айна с затаенной гордостью улыбалась, однако не произносила ни слова, а если на них обрушивался отцовский гнев, то мудро держалась в стороне, охраняя мир и покой семьи. Крун ласково обращался к ней «мать моих сыновей» и часто призывал ее к себе, хотя больше и не делил с ней ложе.

Смерть сыновей Айна, по своему обыкновению, оплакивала скрытно. Привязанность вождя к жене объяснялась, в частности, тем, что она произвела на свет наследников, однако трагедия странным образом всколыхнула в Аине глубокие чувства к раздавленному горем мужу. Она изо всех сил пыталась ему помочь справиться с утратой, но безуспешно.

– Мне уже поздно детей зачинать, – объяснила она Длуху и обратилась к Круну: – Тебе нужны новые жены, молодые и сильные, которые смогут продолжить твой род. Пусть жрец выберет подходящих.

С приближением зимы Длух занялся поисками новых жен для вождя. С наступлением осеннего равноденствия жрец принес в жертву пятьдесят шесть волов, пятьдесят шесть баранов и пятьдесят шесть овец, а после этого привел Круну двух девушек из достойных семейств.

Прошла весна, наступило лето – холодное и дождливое. Урожай пропал, а новые жены не понесли, хотя вождь всю зиму делил с ними ложе.

– Боги не сменили гнев на милость, – встревоженно говорили обитатели Сарума. – Наши подношения их не устраивают.

В душе верховный жрец понимал, что они правы – жертвоприношения оказались бесполезны. Похоже, жители Сарума не на шутку прогневали богов.

Крун впал в уныние. Некогда грозный властелин и счастливый хозяин богатых угодий превратился в согбенного старика.

– Ты еще не стар, – напоминал ему Длух, скрывая сожаление. – Мы найдем тебе новых жен.

Вскоре после летнего солнцестояния жрец привел к вождю улыбчивую юную красавицу, крепкую и ладную, с пышными формами. Новая жена Круну понравилась. Жрец выбрал ее, потому что с делянки ее отца, несмотря на холод и дожди, собрали хороший урожай. Если боги благоволили семейству, то наверняка они милостиво посмотрят на то, что девушка стала женой вождя.

Увы, сейчас она испуганно сжалась в углу. Айна сокрушенно качала головой, а вождь злобно глядел на жреца.

– Что ж, будь по-твоему, – вздохнул Длух, понимая, что это богов не умилостивит.

На рассвете девушку принесли в жертву, а вечером Крун гордо объявил, что его силы восстановились, и потребовал новых жен.

Выполнить требование вождя Длух наотрез отказался, понимая, что боги не удовлетворятся ни принесенной в жертву девушкой, ни новыми женами. Причины несчастий, постигших Сарум, коренились в ином.

– Жертвоприношений богам недостаточно, – объяснил он Круну. – Они хотят большего.

– Чего им от нас надобно?

– Не знаю, – огорченно вздохнул Длух. – Следует прибегнуть к гаданию, может быть, что-то и прояснится.

Жрецы при помощи особых церемоний напрямую общались с богами – задавали вопросы и получали ответы. Длух редко пользовался этим методом, потому что истолковывать приметы и предзнаменования было делом долгим и сложным, а верховный жрец предпочитал логические объяснения. Однако же сейчас ничего другого ему не оставалось. Жрецы отправились в лес, за птицами. Пойманных птиц несколько дней держали в клетках и кормили зерном, смешанным со всевозможными травами, золотым песком, раскрошенным в пыль камнем и почвой – все это оставит в птичьих желудках следы, по которым и совершалось гадание.

Затем сотни клеток принесли к хенджу, где ранним утром Длух, в окружении младших жрецов, начал церемонию гадания. Острым бронзовым ножом он осторожно вскрывал птичью грудку, заостренной палочкой вытягивал внутренности и внимательно их осматривал, пытаясь истолковать желания богов. Перед тем как выпотрошить каждую птицу, жрец громким голосом задавал богам вопрос:

– Скажи, о великий бог Солнце, будет ли у Круна наследник?

Он тщательно осмотрел внутренности первого десятка птиц и с облегчением вздохнул – боги дали положительный ответ.

Однако ответы на последующие вопросы оказались менее ясными. Чего именно требовали боги? Во внутренностях четко просматривалось три странных знака. Жрецы изумленно ахнули и переглянулись, смутно догадываясь, что они означают.

– Принесите еще птиц, – велел Длух и, изучив внутренности еще тридцати трех птиц, обернулся к жрецам. – Вам все ясно?

Жрецы взволнованно закивали.

Верховный жрец задал последний вопрос:

– Кто станет новой женой вождя?

Чтобы получить ответ, жрецам пришлось вскрыть двадцать птичьих тушек, но загадка так и не разрешилась: во внутренностях каждой птицы обнаружили крохотные золотые песчинки. Подобное случалось чрезвычайно редко, и смысл божественного предсказания оставался неясным.

Вечером Длух рассказал Круну об ответе богов.

– У тебя будет наследник, – заверил жрец вождя. – Для этого необходимо соорудить новое святилище, из камня.

Жрецы пришли к такому выводу, обнаружив в птичьих внутренностях крошки дробленого камня и песчинки.

– Желание богов будет исполнено, – кивнул Крун.

– Вдобавок первенца нужно принести в жертву. Если ты повинуешься воле бога Солнца, то после этого твоя жена родит тебе сына-наследника.

Крун, ужаснувшись, горестно воскликнул:

– На склоне лет я не успею зачать двоих детей!

– Боги даруют тебе долгую жизнь, – пообещал ему Длук. – И твой сын станет великим вождем.

– А кто будет моей новой женой? – спросил Крун.

Длук помрачнел – точного ответа на этот вопрос жрецам получить не удалось.

– Девушка, увенчанная золотом, – сказал он.

– Как это? – недоуменно осведомился вождь.

– Не знаю, – вздохнул Длук. – Наверное, боги имели в виду девушку из богатого и знатного рода, дочь вождя.

– Отыщи ее поскорее, – приказал Крун.

Однако этим повеление богов не ограничивалось – святилищехендж следовало построить к определенному времени, к тому дню, когда солнце взойдет точно над церемониальной дорогой и взглянет в лицо полной луне.

Жрецы, хорошо знакомые с астрономией, прекрасно понимали смысл этого загадочного требования. Хендж был сложным, почти магическим сооружением, позволявшим отслеживать не только смену времени года и рассчитывать дни по теньям, которые отбрасывали столбы, вкопанные в лунки, но и многое другое.

– Иногда в день летнего солнцестояния, – объясняли жрецы ученикам, – бог Солнце восходит в одном конце церемониальной дороги, а богиня Луна садится напротив него, в другом конце. В день зимнего солнцестояния они меняются местами – солнце удаляется на юго-запад, а луна восходит над дорогой.

Солнце и Луна, мужское и женское начала, лето и зима – великий круг хенджа заключал в себе все эти противоположности. В движении солнца и луны по небосклону наблюдались определенные закономерности.

– В хенджах на севере такого не бывает, а значит, наш хендж пользуется особым благоволением богов, – с гордостью заявляли жрецы.

Как ни странно, они были правы, хотя их знаний и не хватало для того, чтобы определить истинную причину этого явления. Дело в том, что на разных широтах земного шара солнце и луна движутся по-разному. И все же Стоунхендж хранил в себе и другие тайны. Незадолго после постройки святилища первые жрецы-звездочеты заметили, что путь луны по небосводу колеблется и полный цикл его колебаний повторяется каждые девятнадцать лет.

Когда-то в незапамятные времена жрецы устанавливали у входа в хендж столбы, отмечающие место появления богини Луны в день зимнего солнцестояния, – оказывается, год за годом она немного меняет положение, сдвигается вдоль горизонта, и повторяет свои движения каждые девятнадцать лет. Эти движения получили названия священных колебаний.

– Для того чтобы их обнаружить, потребовалось сто лет, – говорили жрецы ученикам, подчеркивая необходимость тщательных и постоянных наблюдений.

Более того, солнечный год не делится без остатка на двадцать девять лунных месяцев, однако Длук путем сложных вычислений пришел к выводу, что солнечный и лунный календарь можно согласовать именно на основе девятнадцатилетнего цикла. Через две тысячи лет это открытие припишут греческому астроному Метону Афинскому.

– Священные знания таят в себе множество секретов, – говорили жрецы ученикам. – Вы достойны узнать один из них: изменчивая богиня Луна раз в девятнадцать лет, в один и тот же день, полностью обращает к нам свое лицо.

В этом и заключался смысл предсказания. Длуху и его жрецам было известно, что в конце очередного священного колебания богини Луны, сейчас достигшего середины, произойдет редкое и примечательное событие: в день летнего солнцестояния светило взойдет точно напротив луны, заходящей в противоположном конце; вдобавок будет полнолуние. Случится это через десять лет. Подобное астрономическое совпадение наблюдалось очень редко, его не видел никто из живущих.

– За такой короткий срок святилище не построить! – вскричал юный жрец.

– Успеем, раз такова воля богов, – холодно заметил Длух.

Много дней верховный жрец разрабатывал план строительства, вкладывая в него все свои знания священных таинств. Пользуясь магическими числами, известными жрецам из наблюдений за солнцем и луной, он произвел сложнейшие расчеты движения светил по небосклону, вычислил их пути и последовательность дней. Наконец он удовлетворенно вздохнул и прошептал:

– Мы создадим прекрасный памятник богам, чудо в камне.

Придуманый Длухом хендж и в самом деле стал самым большим святилищем на острове. Первоначально хендж состоял из незавершенного круга голубых камней от шести до восьми футов высотой, но верховный жрец решил заменить их величественными монолитными глыбами – сарсенами – втрое выше обычного. Сарсены придется добывать в двадцати милях от Сарума. Непосредственно в центре сооружения, за алтарем, полукругом-подковой установят пять гигантских трилитов – обособленные группы из двух вертикально поставленных камней, покрытых третьим, – так, чтобы концы подковы открывались на северо-восток, строго по оси хенджа. Неоконченный круг голубых камней заменят кольцом из тридцати гигантских сарсенов и накроют их сверху массивными плитами, образуя замкнутый круг. Длух тщательно продумал каждую деталь своего плана, делая пометки мелом на кусках коры. Завершив работу, он созвал жрецов и объявил:

– План святилища готов. Теперь надо найти человека, который займется строительством.

Посоветовавшись, жрецы приняли решение:

– Стоунхендж будет строить Нума.

Несколько дней спустя жрецы снисходительно разглядывали приближавшегося к хенджу Нуму-каменщика – приземистого и коренастого, в длинном кожаном переднике. Мастер, погруженный в задумчивость, неуклюже переваливался на ходу и размеренно кивал взлохмаченной тяжелой головой.

Мужчины в роду Нумы отличались высоким ростом, однако каменщика боги наградили куцым торсом и короткими кривыми ногами. Огромная нелепая голова сидела на широких плечах, как яйцо, а невозмутимое и безмятежное выражение лица делало Нуму похожим на истукана. Короткопалые широкие ладони казались обрубленными. Каменщик сторонился людей и разговорчивостью не отличался, однако, если дело касалось его любимой работы, он внезапно обретал удивительное красноречие и говорил громко, возбужденно размахивая руками. Впрочем, чаще всего он молча обращал к собеседнику по-детски доверчивый взгляд, что создавало у людей впечатление, будто каменщика легко обмануть.

Забавная внешность Нумы скрывала его острый ум и мастерство – в его семье все были прекрасными гончарами и плотниками. Короткие толстые пальцы творили чудеса. Каменщику было всего двадцать пять лет от роду, но он с ранней юности прославился на весь остров умением обрабатывать камень.

Нума очень обрадовался, что жрецы решили поручить ему постройку святилища, – от такой великой чести отказаться было немислимо, – и он с гордостью выпятил грудь, намереваясь на деле доказать свое мастерство. Однако, выслушав указания жрецов, каменщик изум-

ленно распахнул глаза, а на широком лбу выступила испарина. Завершить строительство святилища в невероятно короткий срок было немислимо.

– Огромные камни? За десять лет? – в отчаянии воскликнул он.

Жрецы не стали слушать его возражений, и коротышка-каменщик задрожал от страха: он не справится с поставленной задачей, ведь для этого потребуется целая армия помощников и каменотесов! Жрецы невозмутимо смотрели на Нуму, и он понял, что его ждет, если святилище не будет построено в срок.

«Меня принесут в жертву богу Солнцу!» – сокрушенно по думал каменщик.

Он внимательно изучил рисунки Длуха, и на круглом лице проступил ужас.

– Такого еще не бывало, – пробормотал он, разглядывая огромные арки, а потом ткнул пальцем в рисунок и спросил: – Как это построить?

Судя по рисункам верховного жреца, массивные каменные плиты, уложенные поверх кольца сарсенов, должны быть слегка изогнутыми, чтобы образовывать замкнутую окружность. Можно ли с такой точностью обтесать тридцать гигантских камней?

– Это уже твоя забота, – ответили жрецы.

Нума горестно свесил голову: «Ох, не миновать мне жертвенного алтаря!» И все же другого выхода не оставалось – повеление жрецов следовало исполнить во что бы то ни стало. Придется придумать, как построить огромное святилище.

– Мне нужно пятьдесят каменщиков и каменотесов, – заявил Нума. – И еще работников... – Он лихорадочно подсчитывал, сколько людей понадобится для того, чтобы протащить громадные камни – каждый весом в тридцать пять тонн, а то и больше – из каменоломен двадцать миль по холмистой местности. – Пятьсот работников и упряжки с волами.

Жрецы невозмутимо согласились на все требования:

– Получишь и людей, и тягловых волов.

Нума сообразил, что за людьми и скотом придется присматривать, а он не сможет одновременно заниматься и строительством святилища, и обустройством жилья, и поиском провизии для работников.

– Мне нужен помощник, – заявил он.

– Выбирай кого хочешь.

Коротышка-каменщик, поразмыслив, объявил:

– Я возьму в помощники Тарка, из речного племени.

В пятиречье не было человека умнее Тарка – его уважали все обитатели Сарума. Многочисленные семьи, живущие у реки, держались особняком от землепашцев и скотоводов, а род свой вели от охотников и рыболовов, населявших местность в незапамятные времена. У многих представителей речного племени были мелкие черты лица, острый нос и длинные гибкие пальцы ног, совсем как у первобытного охотника Тепа. Семейства, расселившись по берегам пяти рек, промышляли рыболовством, охотой и торговлей и на всю округу славились хитроумием, пронизательностью и смекалкой. В пятиречье их прозвали водяными крысами.

Как и большинство своих соплеменников, Тарк был смугл и темноволос, с длинными, необычайно гибкими пальцами ног. Высокий и стройный, он зачесывал назад густую шевелюру, а бороду коротко стриг и подпаливал. Черные глаза холодно поблескивали, когда Тарк вел торг или заключал сделки, но наполнялись нежным светом, когда он пел глубоким, мелодичным басом. Видный мужчина умел располагать к себе и нравился всем женщинам в округе. Он слыл преуспевающим торговцем, держал шесть лодок и артель под ручных и часто отправлялся в плавание на материк, откуда привозил рабов и особые товары, чтобы угодить Круну и жрецам, но в любых сделках прежде всего пекся о выгоде для себя. Он восхищался мастерством Нумы-каменщика, завел с ним дружбу и часто привозил ему подарки.

Нума понимал, что Тарк лучше всех справится с порученным ему делом.

– У тебя есть месяц на подготовку, – объявили жрецы каменщику. – Постройка святилища начнется в новолуние.

Жрецы, верные своему слову, призвали к работе сильных юношей из всех семейств округа – в строительстве хенджа приняла участие треть мужского населения пятиречья. По распоряжению Тарка у каменоломен соорудили амбары для зерна и начали валить лес – из стволов делали катки, на которых огромные камни перетаскивали к святилищу.

К концу месяца у Нумы забрезжила надежда. Все складывалось удачно. Тарк обрадовался возможности угодить жрецам, а каменщик с уверенностью смотрел в будущее и даже однажды заявил своему другу-торговцу:

– Похоже, мы успеем вовремя.

Подготовка к строительству шла полным ходом. Тем временем Нума размышлял о том, как лучше всего обтесать камни, чтобы они плотно прилегали друг к другу и образовывали правильное кольцо, в соответствии с замыслом Длуха. Раздумья привели его неожиданно к гениальному решению.

В конце месяца Нума пришел к жрецам доложить о ходе подготовительных работ и восторженно заявил:

– Камни надо обтесывать прямо в каменоломне и уже готовыми волочить к святилищу.

Жрецы удивленно уставились на коротышку-каменщика: предполагалось, что каменные глыбы будут оттаскивать к месту строительства и там обтесывать их до готовности.

– Нет, это глупо, – настойчиво повторил Нума. – Во-первых, обтесанные сарсены тащить легче, а во-вторых, если обрабатывать их в святилище, то придется избавляться от гор щебня.

– Значит, каждый камень сначала обтешут в каменоломне и только затем поволокут в святилище? – изумленно воскликнул один из жрецов. – Мало ли что случится за день пути!

– Ничего страшного, – невозмутимо ответил Нума и показал жрецам свои рисунки.

Каменщик предложил обтесывать плиты перекрытия по деревянному шаблону, чтобы добиться единообразия, а для закрепления плит придумал очень необычный способ.

– На верхушке каждого стоячего камня надо оставить небольшие выступы-шипы, а в нижней части каждой плиты следует выдолбить углубления-гнезда, – объяснил Нума жрецам. – Точно так же работают с бревнами плотники. А чтобы камни легче было устанавливать, вершину стоячих камней сделаем чуть вогнутой, а нижнюю поверхность плиты – чуть выпуклой, чтобы не соскальзывала.

– Такое соединение будет очень прочным, – заметил один из жрецов.

– Да, – радостно закивал Нума. – Наше святилище будет нерушимо, как брачные узы.

Жрецы удовлетворенно переглянулись – такой величественный хендж наверняка понравится богам.

Узнав о задумках каменщика, Длух возрадовался; впрочем, сейчас его больше всего занимали поиски новой жены для вождя – Круну срочно требовался наследник. Долгие месяцы верховный жрец обдумывал загадочное повеление богов, но ответа не находил. Лишь вера в могущество всеильного бога Солнца удерживала Длуха от отчаяния. Где найти девушку, увенчанную золотом? Что вообще означает это предсказание? Может быть, боги намекали, что новой женой Круна будет дочь племенного вождя? У некоторых племен существовал обычай украшать золотым обручем девушек знатного рода. Однако это объяснение Длуха не устраивало – он полагал, что боги имели в виду иное. Гонцы из Сарума обошли все соседние племена, но подходящей невесты не отыскали.

– Золотым краем называют Ирландию, – вспомнил один из жрецов постарше. – Там много золотых дел мастеров. Возможно, новая жена вождя будет оттуда родом?

Поразмыслив, Длух решил послать гонца в далекие земли на западе. Молодой жрец по имени Омних вызвался отправиться в опасное путешествие.

– О верховный жрец! – воскликнул юноша, возбужденно сверкнув глазами. – С твоего позволения и по воле бога Солнца я доберусь до Ирландии и привезу Круну новую жену.

Длук принес в жертву двух баранов. Три дня спустя куррах нагрузили щедрыми дарами и юный Омних с тремя спутниками отправился в дорогу.

Вернулись они только через два года.

За два года каменотесы Нумы обработали десять гигантских сарсенов. Крун воспрянул духом. Он несколько раз являлся в святилище, следил за ходом строительства, начал выезжать на охоту и снова делил ложе с верной Айной. Поначалу многострадальная жена вождя обрадовалась, тревога на ее лице сменилась удовлетворением, но шли месяцы, и Круна обуюло нетерпение. Он ждал новой жены, и у губ Айны залегли горькие складки, а плечи уныло поникли. Длук, обеспокоенный здоровьем вождя, однажды спросил у Айны, как Крун себя чувствует.

– Он здоров, – вздохнула она. – Только поскорее бы новую жену привезли!

Крун, измученный ожиданием, не раз нетерпеливо хватал верховного жреца за руку и просил:

– Принеси в жертву богу Солнцу еще одного барана, чтобы Омних вернулся с новой женой для меня.

Всякий раз Длук исполнял просьбу вождя и сурово напоминал ему:

– Не отчаивайся. Боги будут довольны новым святилищем и сдержат свое обещание.

– Поторопи строителей, – настаивал Крун. – Время идет, я старею.

Лишь изредка сумрачные годы ожидания освещал луч надежды, будто солнце выглядывало из-за туч, нависавших над возвышенностью поздней осенью и ранней весной.

Работа в каменоломнях продолжалась круглый год, лишь изредка прерываемая ненастьем. Впрочем, место, откуда брали камень для строительства, строго говоря, не было каменоломнями – громадные глыбы сарсенов не выкапывали из-под земли, а брали с поверхности. Огромные валуны лежали на пустынных склонах холмов и издали казались неподвижным стадом серых овец.

Там Нума проводил каждый день. С раннего утра и до темноты коротышка-каменщик в длинном кожаном переднике объяснял рабочим, как именно надо обтесывать камни. Несмотря на несуразный вид, он держался со спокойным достоинством, и все его приказания беспрекословно исполнялись.

Работники – и те, кто обрабатывал камень, и те, кто валил лес, – круглый год жили в шалашах. Четыре раза в год, в дни летнего и зимнего солнцестояния и осеннего и весеннего равноденствия, с разрешения жрецов Тарк приводил в поселок рабынь, и лучшим работникам давали два дня отдыха. Жрецы не позволяли строителям святилища общаться с женщинами, однако на второй год было объявлено, что Нуме-каменщику за его славные труды боги разрешили взять жену.

– Нет у меня времени жену искать, – раздраженно буркнул каменщик, хотя мысль о жене ему понравилась.

Однажды весенним утром он отправился за советом к своему приятелю Тарку.

– Мне нужна женщина, – сказал Нума.

Тарк понимающе усмехнулся – сам он был женолюбом, кроме жены, держал рабынь для постельных утех и не раз предлагал их приятелю, заверяя, что жрецы об этом не узнают. Каменщик объяснил Тарку, что ему нужна не просто женщина, а жена, и торговец, внимательно выслушав друга, серьезно ответил:

– Приходи через три дня, я что-нибудь узнаю.

Слово свое он сдержал – за три дня выяснилось, что многие достойные семейства в округе сочтут за честь породниться с искусным мастером-каменщиком, строителем священного хенджа. Перечислив достоинства и недостатки каждой девушки, Тарк заключил:

– Лучше всех – Катеш, дочь Пандеха-горшечника, с западной реки. Пандех рад услужить жрецам и отдаст дочь всего за пять шкур, хотя за нее уже предлагали двадцать.

– Что, так хороша собой? – изумился Нума.

– Да, я видел ее. Черноглазая, волосы густые, длинные, а фигура... – Тарк сделал непристойный жест и рассмеялся. – Завидую я тебе.

Через два дня, когда Пандех гордо вывел дочь из хижины, Нума удостоверился в правоте слов торговца. Тринадцатилетняя Катеш оказалась настоящей красавицей: сияющие черные глаза, молочно-белая кожа, черные волосы до пояса, ладная фигура. Девушка была чуть выше Нумы и стояла скромно потупившись, хотя в ее позе сквозило что-то вызывающее. Впрочем, это каменщику понравилось.

Нума поговорил с отцом Катеш, чувствуя, как красавица украдкой смотрит на него, и немедленно принял решение.

– Я возьму ее в жены, – сказал он горшечнику.

Спустя несколько дней Нума с Тарком отправились к Пандеху, вручили ему пять шкур, и каменщик забрал девушку. Они медленно спускались в лодке к месту слияния пяти рек, Тарк мелодично насвистывал, а каменщик сидел, глупо улыбаясь своей удаче.

Нума привел Катеш в северную долину, где стоял его дом. Девушка, как полагается жене, пожарила мясо и испекла пшеничные лепешки, а после ужина каменщик порывисто схватил ее в объятия. Она молча высвободилась, скинула с плеч бесформенное одеяние из домотканой шерсти – такие носили все женщины, – обнажила упругую пышную грудь и с вызовом посмотрела на своего мужа, словно оценивая, сможет ли он ее удовлетворить.

В последующие месяцы Нума не переставал восхищаться своей красавицей-женой, и даже строители святилища добродушно подшучивали над кривоногим коротышкой, глядя, как он каждый вечер торопится домой.

Катеш тяготилась выпавшей ей участью. Среди окрестных земледельцев было много желающих взять в жены бойкую и жизнерадостную красавицу, но ее отец, стремясь заручиться благоволением жрецов, отдал ее странному каменщику.

– Говорят, он ростом не вышел и видом невзрачен, – всхлипывала она.

– Он лучший каменщик острова, к нему даже жрецы с почтением относятся, – убеждал ее отец.

– А вдруг он мне не понравится?

– Хуже будет, если ты ему не понравишься, – строго сказал горшечник.

Встретившись с каменщиком, Катеш и вовсе отчаялась. Нума заметил, что она украдкой его разглядывает, но не подозревал, какое отвращение в ней вызывает.

«Ох, какой урод! – думала Катеш. – Ниже меня, ноги кривые, голова огромная, пальцы как обрубленные... Нет, притерпеться можно, но он весь какой-то... нелепый. Как же его полюбить?»

Всю ночь она рыдала, прощаясь с мечтами о прекрасном муже, а утром кинулась умолять родителей, но все напрасно.

– Отец тебе завидного мужа нашел, – сказала мать, грустно покачав головой.

Через несколько дней, когда каменщик принес назначенный выкуп – до смешного малый, – Катеш, обливаясь горькими слезами, спряталась в амбаре, так что родителям пришлось ее разыскивать и вести чуть ли не силой. На прощание мать дала дочери суровое напутствие:

– Тебе уже тринадцать. Ты взрослая женщина, сможешь убедить мужа, что ты его любишь. Вдобавок твой долг – во всем ему повиноваться. Если поступишь иначе, тебе худо придется.

В последующие годы Катеш выполняла материнский наказ, но в тот ясный, солнечный день, в лодке на пути к новому очагу, девушка глядела на высокие гряды холмов, окружавшие Сарум, и думала, что ей всю жизнь суждено промучиться с постылым мужем.

Однако же, памятуя о словах матери, каждую ночь Катеш покорно отдавалась каменщику. Нума гордился своей мужской силой, и ему не приходило в голову, что жене могут быть не по нраву его неуклюжие ласки. Впрочем, мысль о том, что ее красота приводит мужа в возбуждение, доставляла Катеш некоторое удовольствие, но больше всего ее устраивала возможность проводить дни в одиночестве. Ночи приходилось терпеть.

Несколько раз Нума приводил ее в святилище, где полным ходом шло строительство – древние священные камни заменяли громадными новыми сарсенами. Работники жадно разглядывали Катеш и ухмылялись, а она с отвращением представляла себе их сальные шутки и проклинала богов за то, что ей в мужа достался кривоногий коротышка, полюбить которого она не могла.

Примерно в это же время Нума-каменщик сделал поразительное открытие. Чтобы лучше понять замысел жрецов, он соорудил небольшую деревянную модель нового святилища с точным соблюдением всех пропорций. Жрецы подтвердили, что именно так они и представляют себе новый хендж, однако каменщику что-то в конструкции не нравилось, хотя он и не понимал, что именно. Он целыми днями разглядывал деревянный макет и наконец сообразил, в чем дело.

Последующее поведение Нумы весьма обеспокоило Катеш – она решила, что муж окончательно утратил рассудок, – и доставило немало радости соседским ребятишкам. Каждый вечер при свете лучины каменщик выстругивал крошечные деревянные арки и собирал из них маленькие хенджи. На закате и на рассвете он устанавливал странные сооружения на траву перед домом, сам ложился рядом и пристально рассматривал их на просвет.

– Эй, ты такой большой, а с игрушками возишься! – кричали дети, подбегали к Нуме и прыгали вокруг, опрокидывая деревяшки.

Каменщик добродушно ворчал, ласково отгонял ребятню и опять начинал составлять деревянные арки по кругу.

– Да они у тебя кривые! – заметила однажды Катеш.

Спустя месяц каменщик прекратил свои странные занятия и отнес жрецам первоначальную модель хенджа и свои арки.

– В замысле нового святилища есть изъяны, – без обиняков начал Нума, расставляя деревянные арки по кругу. – Смотрите, при свете солнца ровные столбы, накрытые поперечными плитами, кажутся неустойчивыми, верх словно бы перевешивает. Но если стоячие камни вверху чуть сузить, то они будут выглядеть ровными, прямыми сверху донизу, – объяснил он изумленным жрецам и в доказательство развернул кусок коры с изображением. – Надо строить вот так.

Впоследствии греки назовут этот выразительный архитектурный прием энтазисом – созданием оптической иллюзии, зрительного эффекта, придающего стройность вертикальным сооружениям, – такой высокий уровень строительного искусства не обнаружен ни в одном доисторическом монументе на территории Европы.

Следующей весной Катеш сказала Нуме, что ждет ребенка. Лицо каменщика озарила счастливая улыбка.

– Когда я стану отцом? – спросил он.

– По моим подсчетам, к Первозимью или чуть позже, – ответила Катеш, радуясь, что угодила мужу.

– Родится мальчик, – уверенно заявил Нума и гордо напыжился. – Будет каменщиком, как я.

Он отнес жрецам овцу, дабы принести ее в жертву и призвать на первенца благословение богов. На строительство святилища он приходил в хорошем настроении, а каждый вечер часами сидел в хижине, удовлетворенно рассматривая набухший живот жены.

Наступила осень, и Нума с нетерпеливой радостью ожидал приближения зимы. Тем временем обитатели Сарума отчаивались – юный жрец Омних до сих пор не объявился.

– Где моя новая жена? – гневно вопрошал Крун.

– Потерпи, боги обязательно сдержат свое обещание, – успокаивал его верховный жрец, хотя сам томился ожиданием.

– А вдруг Омних утонул? Сгинул в пути? Надо другого жреца послать, – мрачно настаивал вождь.

Длух внутренне признавал правоту слов Круна. В народе росло недовольство.

– Если Омних не вернется к Первозимью, то придется отправить на поиски еще жрецов, – кивнул он и пообещал: – К зимнему солнцестоянию у тебя будет новая жена.

Поздней осенью, чтобы подбодрить и своих жрецов, и строителей святилища, Длух посетил каменоломни, где работа шла полным ходом.

День выдался пасмурный и ветреный. Кое-где сквозь тяжелые, низкие тучи пробивались солнечные лучи, резко освещая сумрачную, пустынную равнину. Порывы студеного северо-западного ветра вздымали пыль над торфяными болотами и швыряли острую каменную крошку в лица жрецов и работников.

Нума, растрепанный и чумазый, повалился ниц к ногам верховного жреца, а потом, поднявшись, отряхнул длинный кожаный передник и отправился показывать гостям выполненную работу.

За прошедший год каменотесы совершили невероятное: три огромных сарсена уже подготовили к отправке в святилище, завершалась обработка еще нескольких камней. Жрецы направились к громадному валуну – шириной семь футов и длиной в десять человеческих ростов, – у которого суетились каменотесы.

– Это будет самый высокий стоячий камень, – гордо заявил Нума, похлопав серый бок валуна. – Сейчас ему будут придавать форму, откалывая лишнее, – объяснил он.

По всей длине валуна продолбили глубокий желоб и точно по этой линии разожгли костры, подбрасывая в них хворост длинными жердями. Когда камень раскалился едва ли не добела, а воздух вокруг задрожал от жара, Нума велел принести воды. Работники бы стро притащили кожаные бадьи с холодной водой и опорожнили их в желоб, над которым тут же взвились клубы пара.

– Быстрее, быстрее! – торопил сородичей каменщик.

Каменотесы выливали воду из ведер и поспешно отскакивали в сторону, чтобы не обваляться. Через несколько мгновений раздался резкий треск, и со всех сторон послышались восторженные возгласы: по всей длине огромного валуна, в точном соответствии с выдолбленным желобом, пробежала трещина. Этим трудоемким способом древние каменотесы успешно раскалывали камни любой величины.

Затем Нума показал жрецам и другие работы в каменоломне. Повсюду лежали валуны в разных стадиях готовности, и каменщик тщательно следил за ходом их обработки. Вначале сарсены вчерне обивали тяжелыми округлыми булыжниками из той же породы, понемногу стирая поверхность в пыль и придавая столбам желаемую форму, а затем начиналась более тонкая работа.

– Видите, точные удары наносят в одном и том же направлении, сверху вниз, начиная с вершины и по всей длине камня. Таким образом мы добиваемся единообразия поверхности сарсенов.

И действительно, обработанные камни были по всей длине покрыты тоненькими бороздками – когда сарсены установят на площадке святилища, то свет будет отражаться от ребристой поверхности, дополняя величественную картину.

Только теперь, любуясь массивными сарсенами, Длух в полной мере осознал, каким искусным мастером своего дела был Нума.

Внезапно к ним подбежал запыхавшийся мальчишка.

– О верховный жрец! – вскричал он. – Немедленно возвращайся в Сарум, Крун захворал!

Крун был при смерти. В тот же день, когда верховный жрец отправился в каменоломни, вождя сразила внезапная хворь – его знобило, хотя по телу разливался жар. Послали за жрецами, но Крун чувствовал себя все хуже и хуже, и никакие снадобья не помогали. Он лежал на соломенной подстилке, обливаясь по том; по измученному телу пробегала легкая дрожь, кожа приобрела землистый оттенок, ввалившиеся глаза потускнели, недвижный взор обратился к потолку.

Прихода Длуха вождь не заметил. Верховный жрец понял, что жить вождю осталось недолго. У края подстилки тенью сидела Айна. Верная жена Круна превратилась в согбенную старуху с дряблым телом и жидкими седыми космами. На впалых морщинистых щеках блестели дорожки слез.

Длух склонился к вождю, что-то тихонько зашептал, но Крун его не слышал.

– Он умирает, – сказала Айна, утирая пот со лба вождя.

– Боги не допустят его смерти, – уверенно возразил жрец.

Айна промолчала.

В словах Длуха особой уверенности не ощущалось, он произнес их лишь для того, чтобы утвердиться в вере, полагаясь на всемогущих богов. Ему были ведомы травы, изгоняющие хворь из плоти, но исцелить дух ни один знахарь не в силах. И все же Длух приготовил снадобье из пахучей вербены, самой действенной из трав, вознес молитву богам, обтер ароматной смесью чело вождя и смочил его пересохшие губы. Увы, за ночь хворь не отступила.

Двое суток Крун пребывал на грани смерти. Верховного жреца охватило отчаяние: неужели боги лишили Сарум своего благословения? Неужели новое святилище пришлось им не по нраву? Длух не знал, что и думать.

Слух о недомогании Круна разнесся по всем долинам пятиречья. Жители Сарума приуныли – никто не знал, что случится после смерти вождя. Повсюду царил мрачная, напряженная тишина. Над некогда благословенной местностью нависла страшная угроза.

Спасение пришло неожиданно: вернулся Омних с новой женой для вождя.

По реке медленно плыл большой белый куррах – в два раза больше лодки, в которой юный жрец отправился в опасное путешествие. Мудрый Омних, памятуя о пророчестве богов, увенчал девушку золотым обручем, с которого ниспадала кружевная сеть, спле тенная из золотых нитей. Девушка стояла на носу курраха, чтобы ее видели все обитатели окрестных деревень. Новая жена вождя была высокой и стройной, с пышной грудью и широкими бедрами, однако красотой не блистала – длинноногая, с невыразительными серыми глазами и изрытой оспинами кожей. И все же дочь ирландского вождя происходила из знатного рода, женщины которого отличались плодовитостью – и мать, и бабушка произвели на свет по двенадцать детей.

Омних хорошо подготовился к возвращению – он научил девушку языку, на котором говорили жители Сарума, и объяснил ей, чего от нее ожидают. Девушка покорно выслушала жреца и, судя по всему, поняла свою задачу.

О радостном событии заговорили все. Верховный жрец лично вышел встречать куррах и проводил девушку на холм, к дому Круна, удовлетворенно отметив, что новая жена вождя хорошо запомнила наставления Омниха и прекрасно сознает свое предназначение. Она со спо-

койным достоинством приблизилась к постели Круна и, не обращая внимания на Айну, решительно объявила:

– Меня зовут Раха, я твоя новая жена. Ты выздоровеешь, и я рожу тебе наследника.

С самого детства Крун больше всего любил древний праздник Первозимья – его отмечали с незапамятных времен. Жрецы, пользуясь солнечным календарем, вычислили, что начало зимы приходится на тридцать девятый день после осеннего равноденствия, но все знали, что ритуальное празднование священного дня зародилось в глубокой древности. Обряды совершались не в святилище, а в доме каждого земледельца – в конце осени забивали скотину, готовясь к зимним холодам, и в эту ночь богов просили благословить поля и даровать им плодородие. Поговаривали, что в день, когда бог Солнце погружается в сон, из могил выходят духи.

Присутствие жены, рожденной в неведомых землях на западе, странным образом вернуло вождю силы. Лицо его посвежело, взгляд прояснился, и теперь в нем сквозила надежда и уверенность в завтрашнем дне.

На третьи сутки после выздоровления Крун признался верховному жрецу:

– После гибели моих сыновей я утратил веру в богов... Мне жить не хотелось.

Длух задумчиво кивнул:

– Если Крун умрет, то и Саруму не выжить. Но теперь...

– А теперь хоть я и ослаб, но мне есть ради чего жить.

Выздоровление вождя казалось настоящим чудом. Раха и Айна не отходили от Круна ни на шаг. Новая жена была немногословной, но каждый день, пристально глядя вождю в глаза, настойчиво повторяла, будто заклинание:

– Ты поправишься.

Ее уверенность придавала Круну силы.

– Она знает, что я поправлюсь, – объяснил он верховному жрецу. – Ее мне боги послали.

На пятый день Длух объявил:

– Пора подумать о свадьбе.

– Свадьбу сыграем в ночь Первозимья, – ответил вождь. – Это богам по нраву придется.

Свадебный обряд состоялся в доме Круна на закате солнца. При свете лучин, свечей и факелов в просторном помещении собрались представители двадцати самых значительных родов Сарума.

– Подойдите, – велел верховный жрец вождю и его новой жене.

Крун с Рахой послушно выступили вперед. Длух с удовлетворением отметил, что к вождю будто вернулись силы и молодость.

Верховный жрец начал обряд с традиционного приглашения:

– Входи, Зерновица!

Старая Айна и ее прислужницы торжественно внесли в дом странный предмет в два локтя длиной – примитивный символ плодородия, сплетенную из пучков соломы женскую фигуру с тяжелыми грудями и широко раскинутыми ногами. Зерновицу осторожно уложили на скамью в центре.

– О бог Солнце, благослови Зерновицу и надели ее плодородием! – воскликнул Длух.

– Надели ее плодородием! – хором повторили гости.

После этого Айна с женщинами, пританцовывая, трижды обошли вокруг скамьи. Каждый круг завершался глубоким поклоном.

Следующая часть обряда напомнила верховному жрецу о том, что предстоит исполнить Круну. Длух взял тяжелую, потемневшую от времени дубинку и положил ее между раскинутых ног Зерновицы.

– Мы пахали, мы сеяли, а теперь урожай соберем! – дружно воскликнули мужчины.

Айна с женщинами снова трижды обошли вокруг скамьи, громко хлопая в ладоши.

На этом обряд закончился, а чучело оставили на скамье до следующего захода солнца. Длух подвел к скамье Круна и его новую жену.

– О бог Солнце, могущественнейший из богов, ты, что даруешь жизнь, свет и тепло! – воззвал верховный жрец. – Скрепи своим благословением союз этих людей и надели их многочисленным потомством!

Все громко захлопали в ладоши, а Длух увенчал Раху золотым обручем и провозгласил: – Ты избранница богов.

Вождь Крун посмотрел на соломенное чучело, ласково взглянул на верную Айну и обратил изумленный взор к новой жене. Ночь Первозимья, волшебная ночь, когда даже бог Солнце засыпал крепким сном, наполняла Круна почти забытым ощущением счастья. Восторженное возбуждение горячей волной разлилось по телу вождя, и он воспрянул духом.

На этот раз и сам Крун, и верховный жрец уверовали, что полоса несчастий в Саруме подошла к концу.

Несколько дней спустя в скромной хижине посреди северной долины случилось событие, обрадовавшее коротышку-каменщика больше, чем известие о новой жене вождя. У Нумы родился сын – круглоголовый крепыш, большеглазый и короткопалый, как отец. Каменщик поднес младенца к свету и внимательно осмотрел.

– Ха, руки-то отцовские! Прекрасным каменщиком станет, – удовлетворенно хмыкнул он, отдал ребенка Катеш и ласково потрепал ее по голове. – Ты мне еще много каменщиков родишь.

Катеш слабо улыбнулась.

В полнолуние, пока еще не грянули первые морозы, в хижине каменщика устроили пиршество. Нума расстелил перед входом камышовые циновки, и Катеш расставила на них знатное угощение – молочный поросенок, зажаренный на вертеле над углями, пшеничные лепешки, спелые ягоды, а еще кувшины темного эля и сладкого хмельного напитка, который делали из пчелиного меда, собранного в лесу. На пиршество Нума пригласил своих лучших каменотесов, родственников Катеш, своего приятеля Тарка и, разумеется, жреца, ведь только жрецам ведомо, каким именем назвать ребенка.

Перед заходом солнца младенца вынесли из хижины и показали жрецу, серьезному юноше в тяжелом одеянии из бурой некрашеной шерсти. По обыкновению служителей бога Солнца, голову он брил, оставляя над лбом узкий треугольник волос, острым углом спускающийся к переносице. Жрец молча осмотрел ребенка, потом перевел взгляд на взволнованное лицо коротышки-каменщика и, внезапно утратив суровость, улыбнулся:

– Сын похож на отца, а потому имя ему – Нумаги.

Имя означало одновременно и «подобный Нуме», и «человек камня». Гости, оценив шутку, разразились возгласами одобрения, и пиршество началось.

Наконец, когда от выпитого меда гости захмелели, Тарк-рыбак глубоким выразительным басом затянул песню. Все с радостью к нему присоединились, вразной выкрикивая то охотничьи песенки, то скабрзные частушки. На смуглых щеках Тарка вспыхнул яркий румянец.

– А теперь споем малютке колыбельную, – объявил рыбак и тихонько начал выводить медленную, ритмичную мелодию, которая виляла в прохладном воздухе, будто струйки дыма от угасающего костра.

В древнем чарующем напеве говорилось о заповедном лесе, полном птиц и зверей, что рос на дне моря. Тарк обвел затуманенным взором счастливые лица гостей и мечтательно уставился вдаль.

Поздним вечером Нума и Катеш распрощались с гостями.

– Твой приятель замечательно поет, – заметила Катеш.

Коротышка-каменщик согласно закивал нелепой головой, удовлетворенно вздохнул и погрузился в сон.

Три дня спустя Нума решил, что настало время перетаскивать обработанные сарсены из каменоломни в святилище: схваченный морозом грунт затвердел, и по нему легче было волочить массивные камни.

– До первого снега полпути успеем проделать, – сказал он. – А может, и по снегу получится проволочь.

Каждый обтесанный сарсен установили на деревянные салазки, а вдоль предполагаемого пути уложили штабеля ровных бревен – толстые стволы поваленных в лесу деревьев служили деревянными катками. В работе по перевозке камней принимали участие пятьсот крепких мужчин и сотня воловых упряжек.

Работники трудились не покладая рук, а вот волю упрямили, к вящему раздражению Нумы.

– Волю куда упрямее людей, – заметил один из жрецов, выслушав жалобы каменщика.

Нуме со вздохом пришлось признать, что жрец прав.

С парой волов в упряжке совладать легко, но, чтобы сдвинуть с места громадный сарсен, требовалось двадцать, а то и тридцать упряжек. Могучие животные справились бы с задачей, если бы действовали согласованно, но добиться этого не представлялось возможным. Каменщику пришлось отказаться от своего замысла и использовать волов лишь для того, чтобы помогать мужчинам, тянущим веревки из скрученных кожаных ремней, втаскивать сарсены на склоны холмов.

Вдобавок оказалось, что салазки под тяжестью сарсена намертво увязают в снегу, поэтому работу пришлось отложить до весны.

Вскоре после весеннего равноденствия Раха объявила, что ждет ребенка. Обитатели Сарума возрадовались.

Новую жену Круна все считали странной: она была неразговорчивой, ни на что не жаловалась, ничего не просила, не обзавелась ни друзьями, ни врагами, но от вождя не отходила ни на шаг. На остальных женщин в доме Круна Раха не обращала внимания, ничем их не обижала, а словно бы не замечала их присутствия. Некоторых это задевало, но верная Айна терпеливо сносила такое поведение. Теперь, когда Раха понесла, все надежды Сарума возлагали только на нее.

Длуж часто размышлял, счастлива ли она. Впрочем, это никого не волновало. Раху привезли сюда из неведомых краев, потому что так повелели боги, и она покорно исполняла свое предназначение.

Крун лучился счастьем. Казалось, он черпал силы в новой жене и всякий раз, глядя на ее разбухший живот, радостно восклицал:

– Тебя мне боги послали!

Лето выдалось на удивление благодатным; наступили ясные жаркие дни, на склонах холмов в пятиречье заколосились хлеба, обещая богатый урожай. Круна это обнадежило: похоже, Сарум вернул себе милость богов. За месяц до летнего солнцестояния Нума приступил к возведению первой гигантской арки-трилита в Стоунхендже.

Коротышка-каменщик был доволен жизнью: жена родила ему прекрасного сына, строительство нового святилища продвигалось быстро, да и вождь вскорости обзаведется наследником – воистину боги с улыбкой взирали на долины и холмы пятиречья.

После родов Катеш стала вспыльчивой и раздражительной, но Нума не придавал этому значения: она была хорошей женой, вкусно готовила, отлично шила одежду из кожи и мехов и во всем остальном заботилась о муже, хотя на его ласки отзывалась без особых восторгов. Впрочем, каменщика это не останавливало – его восхищало крепкое, ладное тело молодой

жены. Она любила сидеть у костра перед хижиной, дожидаясь возвращения Нумы, и всякий раз приветствовала мужа ласковой улыбкой, а он нетерпеливо хватал Катеш в охапку и уносил в дом.

Иногда каменщик проводил в каменоломнях целый месяц, а Катеш в одиночестве возделывала делянку на склоне холма, ухаживала за ребенком и изредка встречалась с соседками, мужья которых тоже трудились в каменоломнях. Строительство святилища шло полным ходом, и Катеш никогда не жаловалась на отлучки мужа.

Да, она была хорошей женой.

Иногда, после долгого отсутствия, Нума спрашивал Тарка-рыбака:

– Скажи, чем мне обрадовать Катеш?

Тарк отправлялся в гавань на берегу залива, где выменивал у заморских торговцев украшения или связки разноцветных бусин, а потом объяснял приятелю:

– Женщины любят такие вещи.

Нума вручал подарок жене, та заливалась довольным румянцем, а коротышка-каменщик счастливо улыбался.

Однажды в начале лета, возвращаясь из каменоломен, Нума споткнулся об узловатый корень боярышника, торчащий на тропе, и едва не упал. Рядом с корнем валялся серый камешек размером с кулак: на нем, к изумлению Нумы, были заметны следы грубой резьбы – когда-то камню придали форму коренастой женщины с широкими чреслами и тяжелой грудью. Нума с удовольствием обнял фигурку короткопалыми широкими ладонями – она словно бы символизировала изобилие и плодородие.

– Наверное, неизвестный резчик очень любил эту женщину, – пробормотал Нума, засовывая каменную фигурку в кожаный кошель на поясе.

В углу хижины каменщика уже набралась целая груда необычных предметов – кремнёвые наконечники стрел и копий, россыпи разноцветной гальки и камешки странной формы. Нума часто их разглядывал, пытаясь понять, какие силы их сформировали. К этим предметам теперь добавилась и каменная фигурка Акуны, созданная охотником Ххылом несколько тысяч лет назад.

Итак, Нума приступил к возведению первых арок-трилитов в Стоунхендже. Установка огромных сарсенов была весьма непростым делом. Сначала требовалось выкопать яму на глубину, равную длине той части камня, которую следовало закопать, потом подтащить к яме сарсен так, чтобы конец его свешивался с края, и обвязать другой конец веревками и канатами. Затем двести человек, разбившись на две группы, приводили гигантский сарсен в вертикальное положение – одна бригада тянула веревки, перекинутые через высокую бревенчатую перекладину, а вторая подкладывала под камень бревна, чтобы он не завалился назад. Когда камень наконец соскальзывал в яму, ее с отчаянной быстротой начинали заполнять щебенкой, которую затем утрамбовывали. Камни самого высокого трилита зарыты в землю на глубину восемь футов.

Громадные плиты перекладин, весившие несколько тонн, необходимо было поднять на высоту двадцать футов. Поначалу строители не знали, как это сделать, однако Нума подсказал им решение:

– Надо уложить плиту у подножия будущих опор, подсунуть под нее слой бревен, а потом рядом уложить бревна в два слоя, крест-накрест и перевалить плиту на них, затем добавить еще один слой бревен, обвязать для прочности веревками, и так постепенно наращивать помост, пока не поднимем перекладину на нужную высоту, вровень с верхом опоры. После этого останется только сдвинуть перекладину, чтобы ее гнезда легли на шипы вертикальных камней.

Нума взял пучок прутьев и плоскую гальку и наглядно показал, что имеется в виду. Под руководством каменщика перекладины установили на место, и к празднику солнцестояния в центре хенджа красовались две арки трилитов.

В день солнцестояния жители Сарума собрались в святилище, и со всех сторон послышались изумленные восклицания.

– Наш храм – великое чудо, – говорили люди.

Год выдался урожайным. Крун счастливо улыбался, а Раха гордо выпячивала тяжелый живот.

– Боги смилоствивились, – заметил вождь верховному жрецу, и тот согласно кивнул.

Прошло лето, наступила ранняя осень, и тут грянула беда.

До завершения постройки святилища оставалось шесть лет – Луна вступила в тринадцатый год своего цикла. Однажды теплым осенним вечером Длук пришел в гости к вождю, и они негромко беседовали у дома на холме. Внезапно из дома раздался жуткий крик, и мужчины вбежали внутрь.

Родовые схватки у Рахи наступили раньше времени. Длук посмотрел на роженицу и понял, что случилось несчастье. Та ночь навсегда осталась в памяти верховного жреца: разгневанный Крун сыпал проклятиями, Длук отчаянно зывал к богам, Айна молча обнимала несчастную Раху, стараясь облегчить ее мучения. Вождь побледнел и, шатаясь от горя, вышел из дому. Роженица истекала кровью; кровь покрывала постель, пол и даже стены, будто в доме вождя принесли кровавую жертву богам. Раха умерла, не выжил и ребенок, вышедший из ее утробы. Вместе с ними умерла и надежда на благосостояние Сарума.

Айна, сокрушенно качая головой, взяла на руки окровавленное безжизненное тельце, а служанки, рыдая над телом Рахи, осыпали его священными травами. Верховный жрец не смог сдержать подступивших слез.

Он навсегда запомнил кровь; запомнил он и лицо вождя.

Крун одиноко сидел в амбаре при свете двух свечей. Бледное, помертвевшее лицо вождя ничего не выражало – ни гнева, ни отчаяния. Невидящими глазами Крун уставился на верховного жреца. Длук понял, что вождь потерял рассудок от горя.

В то лето в долине у реки произошел еще ряд событий, впрочем не столь значительных.

Однажды ясным летним днем, когда Катеш играла с малышом на бере гу неподалеку от хижины, на реке показалась лодка Тарка – рыбак вез Нуму из святилища.

Медленное течение колыхало длинные ленты водорослей, поверхность реки рябила, отбрасывая солнечные блики. Катеш умиротворенно вздохнула и, закрыв глаза, подставила лицо теплым солнечным лучам. Упитанный младенец радостно гукал у ее ног.

Катеш, хорошо помня материнский наказ, старалась ублажать мужа. В общем, жаловаться ей было не на что: сына она обожала, а к нелепой внешности Нумы притерпелась... Соседки часто улыбались, глядя на коротышку, но всегда добавляли:

– Повезло тебе, Катеш, твой муж – прославленный мастер-каменщик.

Катеш издали заметила лодку Тарка. Нума сидел, повернувшись против течения, а рыбак греб, сильными размеренными взмахами весла толкая лодку вперед. Женщина невольно сравнила двух мужчин: своего мужа, коренастого большогоголового коротышку, и Тарка – высокого, стройного, с широкой грудью и мускулистыми руками. Внезапно Нума показался Катеш чужаком, а Тарк... Она и сама не понимала, что ей вдруг привиделось, и изумленно глядела на лодку.

Нума с радостным восклицанием спрыгнул на берег, обнял жену и схватил сына в охапку.

– Вот погляди, какой у меня каменщик растет! – гордо сказал он Тарку и повел всех в хижину.

Обычно Катеш видела Тарка только издали, когда он проплывал по реке к торжищу у гавани. Нума всегда с уважением отзывался о своем приятеле, а от соседок Катеш знала, что Тарк слывет женолюбом; впрочем, ее это не удивляло. Но сейчас, вблизи, его присутствие чем-то смущало женщину.

Нума торопливо ушел в хижину, а Катеш с Тарком остались стоять у входа. Хорошей жене следовало предложить гостю воды, накормить его пшеничными лепешками и скромно усесться чуть поодаль, не поднимая глаз, но Катеш растерянно молчала, заливаясь стыдливым румянцем под оценивающим взглядом рыбака.

Тарк, ласково улыбаясь, смотрел на юную жену каменщика, словно понимая, о чем она думает. Он хорошо помнил и жалел темноглазую белокожую красавицу. «Зря я Нуме про нее рассказал, – думал он. – Он и не представляет, что женщине нужно для счастья. Вот и сейчас бегаёт по хижине, камень какой-то ищет!» Что ж, жалеёй не жалеёй, ничего не поделаешь.

Нума вышел из дому, гордо неся на короткопалой широкой ладони каменную фигурку, найденную под корнями боярышника.

– Вот, погляди! Мастерски вырезано, правда?

Тарк внимательно осмотрел фигурку, длинными тонкими пальцами ощупал древнее изображение и признал правоту слов своего приятеля.

– Древний резчик любил свою женщину так же горячо, как я люблю свою жену, – заявил Нума, обнимая Катеш за талию.

Тарк неожиданно встретился взглядом с Катеш. Она поспешно отвела глаза и все оставшееся время не смотрела на мужчин. Что-то в Тарке смущало ее – то ли воспоминания о глубоком выразительном голосе и мечтательном взоре рыбака, то ли стройная фигура, широкие плечи и сильные руки, то ли само его присутствие. Катеш, понимая, что Тарк догадался о ее чувствах, с облегчением вздохнула, когда он ушел.

– Хороший у меня приятель, правда? – спросил Нума.

– Слишком высокий, – ответила Катеш.

– Ну и что, зато другим женщинам нравится, – рассмеялся каменщик.

– Мне больше мой муж по нраву, – вздохнула она и обняла его.

Катеш по-прежнему выходила к реке – не очень часто, но и не очень редко. Примерно месяц спустя Тарк причалил к берегу и заговорил с Катеш. Лодка его была полна товаров: рыбак вез их из гавани в хендж.

– Ты это все у чужеземных торговцев купил?

– Да, они из дальних краев товары привезли, – кивнул Тарк и принялся показывать ей свою добычу: яркие ткани с далекого юга, бронзовые ножи с севера, богато изукрашенные пояса – творения искусных восточных мастеров.

Катеш восхищенно выслушала его и, забыв о смущении, спросила:

– А ты тоже бывал в дальних краях?

– Не везде, – ответил Тарк.

Он переступил через борт лодки и, усевшись на берегу рядом с Катеш, начал рассказывать о своих путешествиях через пролив, о чужеземных торговцах и о неведомых странах. Катеш слушала Тарка словно зачарованная, а когда он уплыл, проводила лодку задумчивым взглядом.

После этого Тарк часто причаливал к берегу у хижины каменщика и подолгу беседовал с Катеш. Со временем она невольно стала сравнивать ловкого и обходительного рыбака со своим мужем: жизнь Тарка была полна приключений, а коротышка-каменщик только и знал, что сновал, как жук, от каменоломни к хенджу и обратно в каменоломню, а говорил лишь о своих сарсенах. Долгими летними днями Катеш сидела на берегу с Нумати и смотрела на белых лебедей в заводи – когда птицы легко взмывали в небо, то грациозные изгибы длинных шей и мощный размах крыльев чем-то напоминали ей о рыбаке, который без страха пересекал море.

Однажды летним днем Катеш взяла Нумати и вышла посидеть на берегу. Она наелась пшеничных лепешек, накормила сына, и он уснул на коленях матери. Катеш осторожно пере-

ложила малыша на траву, а сама улеглась рядом и задремала, убаюканная тихим плеском волн. Солнечные лучи согревали ей щеки.

Вздрыгнув, она проснулась. Солнце сдвинулось с прежнего места над верхушками деревьев, но все еще стояло высоко над головой. Ребенок исчез. Катеш испуганно огляделась: Нумати не мог отползти далеко. Неужели он упал в реку? Катеш побежала вдоль берега, пристально вглядываясь в воду и с холодеющим сердцем думая: «Он утонул, водоросли утащили его на глубину... Я его не найду!»

Оказалось, что Нумати заполз за куст, шагах в двадцати от места, где они уснули, и теперь сидел на берегу. Катеш бросилась к сыну, но он наклонился и, будто нарочно, соскользнул в воду. Его тут же подхватило течением и понесло вдаль.

С горестным воплем Катеш прыгнула в реку, изо всех сил стараясь удержаться на плаву, и длинные пряди речных водорослей тут же опутали ей руки и ноги мягкими, но прочными петлями. Малыш покачивался на воде совсем рядом, но Катеш не могла до него дотянуться. Она отчаянно завопила.

Лодка Тарка с невероятной скоростью обогнула излучину. Рыбак, услышав крики, налег на весла, и легонькое суденышко помчалось по реке. Он сразу понял, что случилось, подгреб к ребенку, стремительно выхватил его из воды и отвез на берег. Убедившись, что малыш не захлебнулся, Тарк бросился на помощь Катеш, которая не могла высвободиться из водорослей. Он торопливо подплыл к ней, обхватил ее сильными руками и выволок из воды. Катеш обессиленно поплелась к ребенку, заметив, впрочем, и влажный блеск смуглой кожи Тарка, и сверкающие капли в его черной бороде.

Добравшись до хижины, Катеш торопливо завернула малыша в шерстяное одеяло, а Тарк развел костер у входа и невозмутимо принялся сушить свою одежду. От кожаной куртки повалил пар. Катеш, запинаясь и дрожа от испуга, стала невнятно благодарить Тарка, но он лишь добродушно рассмеялся:

– Река опасна и непредсказуема, как женщина. Будь с ней поосторожнее.

Он откинул со лба мокрые черные пряди, пригладил бороду, задумчиво посмотрел на Катеш и встал. В порыве благодарности Катеш потянулась к нему. Он ласково сжал ее руку. По телу Катеш пробежала доселе неведомая дрожь возбуждения.

Тарк все понял и промолчал, лишь придвинулся ближе. Катеш, закинув голову и приоткрыв дрожащие губы, неотрывно смотрела на него. Внезапно он перевел взгляд ей за плечо и дружелюбным голосом воскликнул:

– Нума, как ты вовремя пришел! Твой сын учится плавать!

Коротышка-каменщик торопливо спускался из хижины к реке.

После того как Нума распрощался с приятелем, он повернулся к жене и сказал:

– Хоть ты Тарка и не привечаешь, он нашему сыну жизнь спас. Он верный друг и хороший человек.

Катеш, напуганная случившимся, старалась не думать ни о Тарке, ни о том впечатлении, которое он на нее произвел. На берег реки она больше не выходила, а Тарк, хотя и часто проплывал мимо хижины, встреч с Катеш не искал.

Прошло лето. Через два месяца после летнего солнцестояния жрецы объявили о начале сбора урожая. В северной долине урожай собрали быстро, и Катеш отправилась на соседскую полянку помочь вязать снопы – Нума в очередной раз ушел в каменоломни.

Работа в поле Катеш нравилась, а за детьми они с соседкой присматривали по очереди. Когда связали последний сноп, женщины ушли готовить праздничный ужин. На закате солнца к костру потянулись мужчины, а с берега раздался приветственный крик, и хозяин полянки привел к дому нового гостя:

– Поглядите, кто к нам приехал! Будет у нас настоящий праздник урожая, с песнями, как полагается.

Из-за его плеча выглянул ухмыляющийся Тарк.

Катеш, не сдержавшись, посмотрела на него. Хотя они уже давно не встречались, по телу женщины снова пробежала восторженная дрожь. К счастью, Катеш сидела в тени, а все остальные глядели на рыбака, и никто этого не заметил.

На темном небе высыпали звезды. Все собрались у костра, и Тарк начал петь. Мужчины с удовольствием ему подпевали – то скабрзные частушки, то хвалебные песни об охотничьей удаче.

– А теперь – колыбельная, – сказал Тарк и затянул свою любимую песню – напевную, грустную мелодию.

Слова колыбельной рассказывали о незапамятных временах, о заповедном лесе, полном птиц и зверей; а потом боги, устав от птичьего гомона и звериного рыка, накрыли лес глубокими водами, будто огромным одеялом, и теперь только изредка в шуме волн слышны голоса птиц и зверей.

Спи, малыш, спи, родной!
Спит дубрава под водой,
В глубине птицы спят,
Тихо ветви шелестят...

Звуки глубокого выразительного голоса всколыхнули в Катеш неведомые прежде чувства.

– Ах, как хорошо! – вздохнула она.

Спи, малыш, спи, родной!
Там, на дне, спит зверь лесной,
Птичий щебет на волнах
Слышен только в сладких снах...

Катеш тихонько раскачивалась в такт чарующей мелодии и пыталась разобраться в своих чувствах: ей нравилось сильное, гибкое тело Тарка, нежный голос и мечтательный взгляд. Она взяла на руки спящего Нумати, незаметно ушла в хижину и, уложив ребенка в колыбельку, села у порога, под небом, усеянным звездами. Ее преследовали неотвязные мысли о Тарке.

Чуть погодя с реки послышался тихий плеск весел. Катеш всмотрелась в темноту, но лодку не разглядела.

Тарк появился на тропе внезапно, ступая бесшумно, как дикий зверь. Катеш непроизвольно подалась ему навстречу, забыв о муже и сыне.

– Ты знала, что я приду? – прошептал он.

Катеш, ахнув, прильнула к нему.

– Я для тебя колыбельную пел, – признался он, обнимая ее и увлекая за собой в хижину.

Целый месяц Нума провел в каменоломнях и только в последний день лета решил вернуться в Сарум. Он собирался выйти сразу после полудня, чтобы засветло добраться домой, но припозднился. По дороге он дважды останавливался передохнуть. С наступлением сумерек в роще завывали волки, однако Нуму это не испугало.

До вершины холма, ведущего в долину, каменщик добрался глубокой ночью. Темное небо затянули облака, лишь кое-где сверкали звезды. Луна еще не взошла, и на траве поблескивала роса. С пастбища на взгорье тянуло овечьим навозом, над хижинами в долине вились

дымки костров. Каменщик, предвкушая встречу с женой, позабыл об усталости и закричал во весь голос:

– Катеш! Катеш! Нума вернулся!

По долине прокатилось эхо, залаяли собаки. Коротышка довольно усмехнулся и торопливо зашагал по тропе. У входа в хижину горел костер, освещая поляну, сама хижина и роща за ней оставались в тени. Где-то по соседству лениво гавкнул пес, и все стихло.

– Катеш! – радостно заорал каменщик – и тут увидел, как из хижины выскользнул какой-то человек, перебежал поляну и скрылся за деревьями.

Нума рассеянно заморгал и вгляделся в темноту: ему показалось, что он различил знакомую фигуру и характерную походку приятеля. Сердце Нумы отчаянно забилося, и он ворвался в хижину.

Едва Катеш с Тарком обнялись, как до них донесся голос Нумы.

Катеш отпрянула и испуганно прошептала:

– Уходи, скорее!

Она заставила себя успокоиться, но чувство стыда не отпускало. Катеш не могла понять, отчего поддалась преступной слабости. Нума ворвался в хижину и гневно уставился на жену:

– Кто к тебе приходил?

– Здесь никого не было, – пролепетала Катеш, мотая головой.

– Нет, здесь кто-то был, я сам видел! – заорал каменщик и выбежал из хижины в рощу.

Верховный жрец не сомневался, что Крун обезумел от горя, но успокоить его не мог – слишком свежи были воспоминания о потоках крови в доме вождя. Увы, оставалось лишь надеяться, что рассудок вернется к Круну.

После смерти Рахи вождь неожиданно спросил Длуха:

– Правда, что богиня Луна покровительствует охотникам?

Жрец ошарашенно уставился на Круна – даже малые дети знали, что бог Солнце покровительствует земледелию и скотоводству, а богиня Луна – охоте.

– Отвечай, жрец! – потребовал вождь.

– Да, покровительствует.

– А еще она охраняет мертвых, верно?

– Верно, – кивнул Длух.

Опять же, всем было известно, что богиня Луна охраняет могилы предков на взгорье.

Крун печально огляделся и вздохнул:

– Мой дом – жилище мертвых.

Жрец молчал – сказать ему было нечего.

– Вы, жрецы, начинаете каждое обращение к богам со слов: «Бог Солнце, ты, что даруешь жизнь...» – Вождь с размаху стукнул кулаком по стене и воскликнул: – А Круну бог Солнце даровал только смерть!

Длух бросился успокаивать вождя, но тот не умолкал, гневно сверкая налитыми кровью глазами:

– Раз Круну дарована смерть, он ее примет! Отныне мы будем молиться не богу Солнцу, а богине Луне. И Сарум назовем не благословенным поселением, а обителью смерти!

Жрец заикнулся было, что незачем хулить богов, но Крун его не слушал.

– И жертв богу Солнцу не смей приносить! – орал вождь. – Бог Солнце над Сарумом больше не властен. Только богиня Луна достойна наших жертв, и новое святилище мы строим для нее.

Длух решил, что от горя вождь помутился рассудком, но Крун, помолчав, хрипло спросил:

– Где Омних?

– В святилище, – ответил Длух.

– Он привез мне новую жену из Ирландии, обещал, что она родит мне наследника... – простонал вождь. – Омних меня обманул!

– Ты с ума сошел! – воскликнул верховный жрец.

– Омних заслуживает смерти.

О таком кощунстве невозможно было даже помыслить.

– Омних – жрец, – напомнил Длух. – Служители богов неприкосновенны.

Крун уставился вдаль невидящим взглядом. Верховный жрец вздохнул и вышел из дома вождя.

Длух не верил, что Крун осмелится нарушить священные заповеди богов, но на всякий случай отправил жреца в леса на западе Сарума, в сутках пути по реке. На следующий день слуги Круна явились в святилище за Омнихом и вернулись к вождю ни с чем. Крун взъярился и призвал к себе Длуха.

– Куда ты спрятал Омниха?! – заорал вождь.

Длух промолчал, видя, что Крун по-прежнему безумствует.

– Ты тоже решил меня предать? – пробормотал вождь.

– Нет, я не предаю ни тебя, ни богов, – печально ответил верховный жрец.

– Боги меня предали! – настойчиво повторил Крун. – Отдай мне Омниха.

– Нет! – решительно ответил Длух.

Вождь осыпал его проклятиями.

На следующий день Длух отправил Омниха к горам Уэльса, в дальнее святилище, надеясь, что там юноша будет в безопасности.

В последующие пять лет Длух не раз опасался, что Крун замышляет убийство всех жрецов. Безумие вождя темной пеленой накрыло пятиречье, и обитатели Сарума жили в постоянном страхе. Весть о случившемся разнеслась по всему острову и за его пределы; даже чужеземные торговцы опасались путешествовать вверх по реке.

– Сарум – обитель мертвых, – говорили они.

Так оно и было. Спустя месяц после смерти Рахи умерла и верная Айна. Крун помрачнел еще больше, перестал выходить из дому и сидел в одиночестве, не допуская к себе близких и родных. Он ожесточился, признавал только власть богини Луны, с подозрением относился к окружающим и каждый день заставлял слуг выведывать, о чем говорят не только обитатели пятиречья, но и жрецы в святилище.

– Ты язык-то придержи, Крун услышит, – опасливо наставляли жен мужа.

Вождь запретил любые чествования бога Солнца – ни дни солнцестояния, ни праздники равноденствия отмечать было нельзя. Вместо этого каждый месяц совершались обряды, посвященные богине Луне. Длух воспротивился было такому порядку, но Крун возмущенно заявил:

– Если не желаешь поклоняться богине Луне, новому святилищу не бывать!

Длух для виду смирился, однако продолжал наставлять жрецов:

– Терпите, и воздастся вам по заслугам. Пройдут лихие времена, мы построим святилище, и воля богов будет исполнена.

Вдобавок он приказал, чтобы обряды в честь бога Солнца совершались по-прежнему, хотя и втайне. Сам он часто взывал к божеству:

– О бог Солнце, дай мне силы перетерпеть темные времена, наставь руку мою!

Больше всего верховного жреца угнетали бесконечные жертвоприношения. Крун, наотрез отказавшись от помощи жрецов, утверждал, что повинуетя лишь воле богини Луны. Раз в три месяца слуги вождя приводили к нему какую-нибудь девушку из окрестных селений. Поначалу жители Сарума считали это за честь и надеялись, что вождь наградит семью счастли-

вицы. Увы, они не подозревали, чем обернется выбор Круна. В течение трех месяцев девушке приходилось под неустанным присмотром денно и ночью обхаживать и ублажать вождя. Из дому ее не выпускали, обращались хуже, чем со скотиной, а если запуганной бедняжке не удалось забеременеть, ее приносили в жертву богине Луне.

Поначалу Длук отказывался исполнить требование вождя.

– Богиня Луна мне благоволит, исполняет мои желания, не то что твой бог Солнце! – взъярился Крун. – Не хочешь, я сам убью девчонку, но тогда святилища тебе не видать!

Потом, чуть успокоившись, вождь потрепал Длук по плечу и напомнил:

– Саруму нужен наследник. Сам видишь, я старею, времени у нас не осталось.

Длук печально согласился, не зная, что на это возразить. Как бы то ни было, девушке лучше закончить жизнь на алтаре святилища, чем погибнуть от руки вождя, – боги сразу отправляли души жертв к умершим предкам, в священные земли.

Итак, каждые три месяца жрецы совершали жертвоприношение, строительство святилища продолжалось, а слуги Круна находили вождю новую жену. Обитатели Сарума пытались прятать дочерей, но вездесущие лазутчики Круна стали врываться в хижину по ночам, угрожающе размахивая каменными топорами, и уводить девушек.

Крун все больше и больше походил на хищную птицу. Голова его совершенно поседела, но мощи своей он не утратил, однако появилось в нем нечто жестокое и бесчеловечное: от неугодных ему наложниц он избавлялся так же легко, как от ненужной скотины.

Никто в Саруме не обрадовался восходу кроваво-красной луны, предвестницы нового урожая.

– Это Крун напоил Луну кровью, – шептались повсюду.

Ни одна из девятнадцати наложниц вождя не забеременела. Их всех принесли в жертву.

Лазутчики донесли Круну, что жрецы тайком совершают обряды в честь бога Солнца.

Вождь призвал к себе Длук и отчитал его:

– Ты прогневил богиню Луну! Из-за тебя мои наложницы остаются бесплодны.

Верховный жрец мысленно попросился с жизнью, однако даже в ярости Крун не осмелился поднять руку на верховного жреца. Длук неожиданно сообразил, что вождь наверняка опасается гнева бога Солнца.

Строительство Стоунхенджа продолжалось, но работники приуныли. Лазутчики Круна снова повсюду, над меловыми утесами больше не слышались хвалебные песнопения в честь бога Солнца, и даже каменотесы Нумы горестно бормотали:

– Боги прокляли Сарум. Напрасно мы строим святилище, от него толку не будет.

Все чаще и чаще жрецам приходилось пускать в ход плетки, чтобы заставить работников волочить громадные сарсены к хенджу. Однако же Нума невозмутимо продолжал свои труды и подбадривал каменотесов. Величие нового святилища понемногу становилось очевидным, но по ночам верховный жрец, оставшись в одиночестве, в отчаянии взывал к небесам:

– О бог Солнце и богиня Луна, пошлите мне знак, что вы благосклонны к нашим стараниям!

Вот уже пять лет Крун безумствовал. Алтарь святилища принял очередную, девятнадцатую жертву – юную девушку, почти ребенка, темноволосую и темноглазую, с пухлыми алыми губами. Длук помнил, как ее, напуганную до полусмерти, привели в дом вождя, где бедняжка изо всех сил старалась угодить Круну, который с бесстрастной холодностью принимал ее ласки. Считалось, что напуганная женщина легче беременеет, однако наложницам Кру на страх не помогал. Когда клинок священного бронзового ножа коснулся горла бедняжки, в наивном взгляде верховному жрецу почудился вопрос: «За что?!» Ответа у Длук не было.

Катеш не знала, когда именно в ней вспыхнуло запретное, мучительное чувство. Может быть, в тот самый день, когда Тарк отвез ее из родительского дома в хижину Нумы? Помнится, тогда рыбак всю дорогу тихонько напевал какую-то песенку. Смотрел ли он на Катеш?

Нет, вряд ли это случилось в тот день.

Может быть, это произошло, когда Катеш украдкой поглядывала на мужчин, занятых обсуждением строительства святилища? Рыбак, высокий и стройный, запрокидывал голову и заливисто смеялся, подставляя солнцу четко очерченные губы – смотреть на него было приятно, не то что на неуклюжего коротышку Нуму.

Нет, вряд ли это случилось в тот день.

Скорее всего, это произошло тем вечером, когда жрец дал имя малышу Нумати. Тарк мелодичным, выразительным голосом пел песни у костра, а Нума опустил тяжелую голову на плечо жены и захрапел... Вот тогда она и посмотрела прямо в глаза рыбака – такие ясные и понимающие.

Нет, это случилось не в тот день.

И не в тот день, когда Тарк вытащил Нумати и Катеш из реки.

А вот когда сбор урожая подошел к концу, она точно знала, что Тарк к ней придет, хотя весь день они даже не взглянули друг на друга. С тех самых пор муки тайной страсти стали для Катеш самым прекрасным чувством на свете.

В ту, первую ночь Нума что-то заподозрил, но не отыскал ни следа Тарка в роще, ни лодки на реке. В конце концов он решил, что ошибся, и успокоился.

После смерти Рахи в Саруме воцарилось уныние. Катеш избегала встреч с Тарком и старалась во всем угодить мужу. Несколько раз она даже побывала в святилище, где с изумлением взирала на установленные сарсены. Строители уже возвели четверть задуманного числа арок. Каменщик деловито сновал по святилищу, отдавая приказания.

– Мой муж – великий человек, – во всеуслышание объявляла Катеш, почтительно следуя за Нумой по хенджу.

Прошла зима, наступила весна. Катеш присматривала за младенцем, обходительно прислуживала мужу и даже поверила, что и думать забыла о Тарке.

Летом, когда Крун отправил на алтарь четвертую жертву, Нума отправился в каменоломни и провел там два месяца.

Завидев Тарка на тропе у хижины, Катеш сначала решила спрятаться, но потом набралась смелости, вышла на порог и вежливо поздоровалась.

– Я принес весточку от Нумы, – учтиво начал Тарк. – Он проведет в каменоломне еще месяц. Работы много.

Катеш кивнула: все знали, что Крун недоволен жрецами, и каменщик не хотел, чтобы его обвинили в недобросовестной работе.

– Спасибо, Тарк, – ответила она и, по обычаю, предложила гостю еды и питья.

Рыбак, словно услышав мысли Катеш, уселся поодаль и начал рассказывать о строительстве хенджа, о событиях в гавани и об участии наложниц вождя. Поначалу Катеш слушала его рассеянно, но затем ей стало любопытно, и она засыпала Тарка вопросами. Что говорят о Саруме торговцы? Довольны ли жрецы строительством святилища? Беседа затянулась почти до вечера. Тарк ушел, когда солнце начало клониться к закату.

Через два дня он пришел снова, и на этот раз Катеш держалась приветливее.

Еще через два дня, в сумерках, она услышала плеск весла на реке, и поняла, что это Тарк.

Они пылко поцеловались и вошли в хижину, но Катеш медлила – перед ее взглядом возник образ мужа. Если она поддастся своей страсти, то больно ранит Нуму, а боги наверняка пошлют ей ужасное наказание. Задрожав, Катеш отвернулась, боясь посмотреть на Тарка, но не устояла, торопливо сбросила одежду и, обнаженная, бросилась к нему в объятия с криком:

– Избавь меня от мук!

Пылкая тайная связь продолжалась все лето и осень, пока Нума занимался доставкой сарсенов из каменоломни в святилище. Катеш как одержимая наслаждалась ласками Тарка, запоминая каждую его черточку. Иногда она с дрожью вспоминала о неминуемой каре богов и гневном муже, но страх исчезал при мыслях о заливистом смехе рыбака, его нежном взгляде и ласковом голосе. Ей хотелось родить Тарку ребенка, сбежать с ним за дальние моря, но Катеш понимала, что это невозможно. В мрачные дни правления Круна ей оставалось только предаваться запретной страсти и страшиться неведомого будущего.

– Теперь повсюду лазутчики и соглядатаи, – говорила она Тарку. – Если нас увидят, то обязательно доложат жрецам...

– Не волнуйся, – успокаивал ее рыбак, – я очень осторожен, о нашей связи не узнают.

Если муж мог представить жрецам доказательства неверности жены, то, по обычаю Сарума, женщину приносили в жертву богам, а ее соблазнитель должен был заплатить дань оскорбленному мужу. При мысли об этом Катеш сокрушенно качала головой и стонала:

– Почему боги не дали мне другого мужа?!

Тарк совершенно не походил на неуклюжего коротышку-каменщика. Иногда он откидывался на спину, потягиваясь, будто кот, а Катеш с восторженным вздохом усаживалась на него сверху; он лениво улыбался, а она ритмично двигалась над ним, выгибая спину и довольно постанывая. Она обнимала его, заглядывая в сонные глаза, и нежно укачивала, как ребенка. В отличие от Нумы, Тарк был с ней нежен и ласков, раз за разом заставляя ее стонать от возбуждения в его объятиях.

Когда каменщик возвращался домой, Катеш всем своим видом показывала, что рада его приходу, и по-прежнему старалась его улаживать. Терзаясь угрызениями совести, она клялась себе, что прекратит преступную связь с Тарком, но всякий раз, встречаясь с рыбаком, поддавалась порыву страсти.

В начале зимы оказалось, что Катеш ждет ребенка. Нумы уже месяц не было дома. Уж теперь-то кары богов не миновать!

– Он обо всем узнает! – вскричала она и горько зарыдала при мысли о страшной участи, ждущей ее за нанесенное мужу оскорбление. – Меня ждет смерть на священном алтаре!

Тогда Тарк и посоветовал ей, что делать.

На следующий день Нума с удивлением увидел своего приятеля, который решительно шагнул навстречу упряжкам, волочащим сарсены по меловым грядам. Тарк подошел к каменщику и отвел его в сторону.

– Давай я тебя сменю, – сказал рыбак. – Работа в святилище движется медленно, тебе надо со строителями разобраться, пока жрецы не стали жаловаться.

Нума поблагодарил друга за совет и поспешил в святилище. Впрочем, намеренных задержек он не обнаружил, хотя заметил несколько ошибок и тут же указал строителям, как их исправить.

– Надо же, какой Тарк придирчивый! – довольно бормотал он, возвращаясь домой.

Катеш встретила мужа с распростертыми объятиями и бросилась готовить ему ужин. Нума посидел у костра перед хижинкой, поиграл с сыном, а после ужина заметил, что Катеш глядит на него с необычным блеском в глазах. В ту ночь жена отдалась ему с неведомой прежде страстью. То же самое повторилось и следующей ночью. В Катеш словно бы вспыхнуло глубокое чувство, и удивленный каменщик обрадовался, восторженно потирая короткопалые руки. Он принялся рассказывать ей о своей работе на строительстве святилища, о трудностях обработки и передвижения огромных камней. К его изумлению, Катеш восхищенно внимала его рассказам, дотошно расспрашивала и просила подробных объяснений.

– Мой муж – самый лучший каменщик на острове! – то и дело восклицала она. – Все в Саруме о нем знают.

Нуме льстило уважение жены. Всю зиму Катеш ублажала его с невероятным пылом, и ее восторженные стоны возбуждали коротышку-каменщика еще больше. Ранней весной он заметил, что Катеш понесла. Нума удовлетворенно ощупал ее набухший живот и поцеловал жену.

– Я рожу тебе ребенка, – счастливо улыбаясь, прошептала Катеш.

В начале лета Нума отвел жрецам овцу, чтобы боги проявили милость к нерожденному младенцу.

Хотя в Саруме по-прежнему властвовал обезумевший вождь, отправляя своих наложниц на священный алтарь, Нуму переполняло счастье. Он часто приводил в святилище малыша Нумати, как две капли воды похожего на отца, и строители с улыбкой глядели на две нелепые фигурки, вперевалочку бродящие по хенджу. Нумати ловко лепил из глины всевозможные игрушки.

– Вырастет, станет мастером-каменщиком, – гордо заявлял Нума. – Во всем отца превзойдет.

Он подводил малыша к огромным сарсенам и подробно объяснял, как обтесывали и перетаскивали серых исполинов.

– Я научу тебя работать с камнем, – обещал он. – Будешь мне помогать, святилище вместе построим.

За долгие годы строительства Нума проникся любовью к величественному хенджу. Обычным людям не разрешалось входить за земляной вал, окружавший святилище, но мастеру-каменщику было позволено ступить в святая святых, и он с великим почтением взирал на таинства жрецов, что совершались в жертвенном круге, за широким меловым валом, рассеченным дорогой, что стрелой уходила к горизонту. С наступлением сумерек каменщики и работники расходились по домам, а Нума оставался и наблюдал за священнодействиями молчаливых служителей богов. На святилище опускалась волшебная тишина, дневной свет угасал, и темнеющие небеса куполом накрывали меловой круг и величественные сарсены.

Каждый день на рассвете жрецы отмечали место восхождения солнца и положение светила по отношению к пятидесяти шести деревянным столбам, вкопанным внутри мелового круга, ведя точный отсчет дням и месяцам года. Со временем и Нума постиг это искусство, но некоторые действия жрецов по-прежнему ввергали его в недоумение. В закатных сумерках жрецы с охапками колышков и мотками льняной бечевы уходили на взгорье, откуда всю ночь до самого рассвета наблюдали за звездами и за движением луны и планет, отмечая их положение колышками; протянутая между кольями бечева сплеталась в запутанную сеть.

– Странные они, эти жрецы, – изумленно вздыхал Нума, возвращаясь домой.

В середине лета Нума, разглядывая тяжелый живот жены, восхищенно заметил:

– Мальчик родится, еще один каменщик!

– А если девочка? – рассмеялась Катеш.

– Ну или девочка, – согласился он. – Такая же красавица, как ты!

Однажды Нума погладил живот жены и почувствовал, как брыкается ребенок.

– Надо же, какой сильный! – удивился каменщик. – Нумати был спокойнее. А когда малыш родится?

– Месяца через два, – пожала плечами Катеш.

– Нет, Нумати был спокойнее, – повторил каменщик.

Однако, вернувшись в святилище, он неожиданно сообразил, что Катеш ошиблась в сроках, – судя по положению солнца над полукругом пятидесяти шести столбиков, с возвращения

Нумы из каменоломни прошло всего полгода, так что ребенок родится не через два, а через три месяца.

– Ничего, мы подождем, – ухмыльнулся он и, тут же забыв обо всем, поспешил к работникам.

В эти мрачные, безумные годы Длук обретал покой только по ночам. Он отправлялся на священное взгорье, к меловым могилам предков, и входил в величественный круг хенджа. Там, в тишине, под темным куполом ночного неба, на верховного жреца снисходило умиротворение. Именно тогда, несмотря на царивший в Саруме страх, Длук вершил свои самые точные расчеты и наблюдения за небесными светилами.

Звезды стали его верными спутниками и добрыми друзьями. Каждую ночь он рассматривал созвездия в вышине: Млечный Путь, что рассекал темный северный небосклон, будто меловая дорога, уходящая к горизонту; величавый Лебедь, Баран, Олень и Тур. Что бы ни происходило на земле, свет звезд неизменно оставался ясным, укрепляя веру Длука в вечных богов.

Размеренное движение светил успокаивало и поддерживало верховного жреца. По настоянию Длука вдоль мелового вала внутри святилища снова установили пятьдесят шесть деревянных столбов, в строгом соответствии с учением древних жрецов, которые за долгие годы тщательных наблюдений обнаружили священное значение этого числа – ведь именно пятидесяти шести дням равнялся промежуток между тремя солнечными годами и тремя лунными годами из тринадцати лунных месяцев. А промежуток между пятью солнечными годами и пятью лунными годами из двенадцати лунных месяцев опять же равнялся именно пятидесяти шести дням. Воистину, если чтить богов и послушно внимать их воле, то они откроют свои тайны посвященным.

Наблюдая за небесами, Длук точно рассчитал движение пяти звезд, вечно странствующих по небосводу. Древние звездочеты полагали эти звезды детьми бога Солнца и богини Луны, но не сумели выявить ни закономерность их движения, ни числа, которым они подчиняются. Ночь за ночью высокий, сухощавый жрец молча отмечал положение странствующих звезд колышками, протягивая между ними обрывки бечевы.

– Длук-паук снова заплел все своей паутиной, – шептали наутро жрецы.

Верховному жрецу удалось точно определить небесные пути двух звезд, но порядок движения оставшихся трех ускользал. На рассвете Длук, глядя на сияющий над горизонтом диск, радостно восклицал:

– О великий бог Солнце, Длук тебя не покинул! Тебя по-прежнему чтят в Стоунхендже!

Однако больше всего верховный жрец стремился постичь самую сокровенную тайну богов – разгадке этой тайны и были посвящены действия жрецов, так удивлявшие Нуму. Месяц за месяцем Длук, проведя свои вычисления, взволнованно расхаживал по святилищу и восклицал:

– Почему напрасны наши старания?! Отчего боги не хотят раскрыть нам свою тайну?! Чем они недовольны?!

– Многие поколения жрецов пытались постичь божественную мудрость, – напоминали ему жрецы. – Эта тайна не поддается объяснению.

Длука это не устраивало. Тайна, которую он жаждал разгадать, была связана с самым загадочным и устрашающим небесным явлением – затмением солнца. В конце концов, если древние звездочеты смогли определить все пути солнца и луны по небосклону, почему бы не рассчитать и движения светил относительно друг друга?

Увы, несмотря на тщательность наблюдений, верховному жрецу не хватало основополагающих знаний. Он не подозревал, что Земля имеет форму шара и не догадывался об устройстве Солнечной системы, поэтому вычислить периодичность затмений был не в состоянии.

Однако Длух привык во всем добиваться совершенства, а потому ночь за ночью отправлял жрецов совершать бесполезную работу.

– Я всю свою жизнь посвящу разгадке этой тайны, – упрямо бормотал он.

Отчего богиня Луна осмеливалась закрыть светлый лик бога Солнца? Тайна эта занимала жреца больше, чем строительство нового святилища.

К удивлению Нумы, жена разродилась на месяц раньше срока. Катеш протянула ребенка мужу и гордо пояснила:

– Девочка. Еще одного каменщика придется подождать.

Нума осторожно взял младенца на руки и недоуменно нахмурился: девочка была крепкой и здоровой. Вдобавок у нее было узкое личико и очень длинные пальцы. Совсем как у Тарка. Каменщик посмотрел на жену, а она со счастливой улыбкой встретила его взгляд. Нума отдал ребенка Катеш и вышел из хижины.

В глубокой задумчивости каменщик отправился на взгорье и там, глядя на величественные меловые гряды Сарума, хмуро размышлял, что делать дальше. Сомнений у него не оставалось: отцом ребенка был Тарк. Каменщик с глубокой обидой понял, чем объяснялась внезапная страсть Катеш, – жена знала, что понесла, а потому решила его обмануть. Он с отвращением расхаживал по гребню холма, задетый предательством жены и друга.

Домой он вернулся только вечером, так и не приняв никакого решения. Ужинал он в одиночестве, а потом долго сидел перед хижинкой, раздумывая о случившемся.

Он знал, что по обычаям Сарума неверную жену полагалось отдать жрецам на заклятие, а соблазнитель Тарк обязан был откупиться за нанесенную обиду щедрыми дарами. Однако такое наказание каменщика не привлекало: жену он любил и не желал ей смерти. Сам наказать Катеш он не мог: вместо того чтобы восхищаться его мастерством каменщика, все в округе станут потешаться над неуклюжим уродцем, которого жена обвела вокруг пальца. Нума сокрушенно поник; задетая гордость пересилила любовь к Катеш.

Чем больше он размышлял, тем явственнее видел внутренним взором своего приятеля Тарка, высокого красавца, любимца женщин. Почти всю ночь Нума неподвижно просидел перед хижинкой, будто каменный истукан. Наконец он поднялся и медленно заковылял в дом.

Катеш крепко спала рядом с новорожденной дочерью. Нума с отвращением посмотрел на жену, склонился к малышке и ласково провел коротким пальцем по щеке девочки.

– Ты ни в чем не виновата, – прошептал каменщик, с улыбкой потрепал по голове спящего Нумати и улегся на соломенную подстилку, но снова вспомнил о Тарке и вздохнул: – Я отомщу!

Безлунной летней ночью меловой круг Стоунхенджа казался широко раскрытым всевидящим глазом, глядящим на россыпь серебристых звезд в темном куполе небес.

Верховный жрец в одиночестве стоял посреди священного круга и смотрел на знакомые созвездия, стараясь забыть о девятнадцатой наложнице Круна, принесенной в жертву на рассвете. До окончания строительства святилища оставался год.

В безлунную ночь невозможно проводить расчеты солнечных затмений. Длух вздохнул, потянулся и окинул взором звездный небосвод.

Внезапно на западной стороне созвездия Лебедя верховный жрец заметил яркую блуждающую звезду, за которой тянулся ореол света. Звезды-скитальцы были редкими гостями на небосводе, и древние звездочеты отмечали каждое такое появление и считали их предвестниками богов. Длух всмотрелся в звезду и заметил, что окружающий ее ореол был не серебристым, как говорилось в священных преданиях, а золотым.

– Звезда увенчана золотом! – воскликнул он и неожиданно сообразил, что это может означать.

Неужели пришло спасение? После многих лет разочарований жрец отказывался верить новому предзнаменованию. Всю ночь он следил за странной звездой, которая медленно двигалась по ночному небу.

На следующий день все обитатели Сарума увидели звезду, увенчанную золотом. Жрецы, собравшись в святилище, отмечали, как она движется и разгорается все ярче и ярче. На рассвете звезда переместилась к середине созвездия Лебеда и была видна даже после восхода солнца.

Верховный жрец понял, что пришло время доказать силу своей веры, и во всеуслышание объявил:

– Боги снизошли к мольбам своих верных жрецов и смилостивились над многострадальным Сарумом. Мы всегда поклонялись богу Солнцу и не переставали его чтить. О великий бог Солнце, прими в жертву тучного барана!

Рано утром в святилище явились гонцы от Круна – вождю не терпелось узнать, что означает сияющая звезда.

– Звезда увенчана золотом, – уверенно возвестил Длук. – Это знамение: милость богов вернулась в Сарум. Вскорости Крун обретет новую жену, которая родит ему наследников.

– Но откуда же явится эта новая жена? – изумленно спросили жрецы.

– Блуждающая звезда сияет в созвездии Лебеда, – объяснил Длук. – Всем известно, что именно в лебеда обращается бог Солнце, когда летит над морем. Значит, новую жену вождя надо искать у воды.

С тех самых пор, как Нума убедился в измене жены, он редко возвращался домой, объясняя свое отсутствие тяготами строительства. Катеш он ничем не попрекнул и по-прежнему дружелюбно обращался с Тарком. Однако поведение коротышки-каменщика несколько изменилось: с работниками он разговаривал резко и отрывисто, часто ограничивался кивками. Впрочем, все прекрасно понимали, какая ответственность возложена на забавного уродца, и послушно исполняли его приказания. Неоспоримое мастерство каменщика заслуживало глубокого уважения.

Нума зачастил в гавань, где покупал у заезжих торговцев наложниц и приводил их к себе в хижину у каменоломни. Если слухи об этом и доходили до Катеш, она не осуждала мужа.

Вскоре после появления кометы в небесах Нума в очередной раз отправился в гавань. Оказалось, что там, у причала с подветренной стороны холма, стоит корабль торговцев – прочное деревянное судно с двумя рядами весел. Корабль пришел из далекого порта на Атлантическом побережье Европы. На причале собралась толпа – жители долин спешили в гавань, чтобы поглазеть на чужеземцев и заморские товары.

Среди торговцев, худощавых и смуглолицых, выделялся их вожак – лысый кареглазый здоровяк с черной бородой, которая завивалась тугими кольцами. Ослепительная белозубая улыбка то и дело озаряла темнокожее лицо. Торговцы недаром называли вожака сладкоречивым – его мелодичный мягкий голос завораживал слушателей. На пальцах сверкали и переливались десятки золотых перстней.

Люди зачарованно смотрели на товары из неведомых краев: безделушки, богато изукрашенные драгоценными камнями, связки разноцветных бус, амфоры с вином и яркие ткани. Здоровяк прищелкнул пальцами, и торговцы послушно развернули здоровенную шкуру неизвестного зверя – огромная голова чем-то напоминала рысь, в разверстой пасти блестели грозные клыки, а при виде когтей Нума содрогнулся от страха. Больше всего удивлял невиданный доселе окрас меха – чередование рыжих и угольно-черных полос.

– Такой любого быка задерет, – пробормотал каменщик, изнывая от желания узнать, где водятся эти чудовищные хищники.

Впрочем, средиземноморские торговцы привозили немало удивительных товаров с далекого Востока к северным берегам.

После этого здоровяк дал понять зачарованным зрителям, что сейчас им покажут особый товар. Торговец гордо выпятил грудь и напыжился, издавая утробные восторженные восклицания и размахивая руками. Он предлагал на продажу удивительную рабыню чудесной, неземной красоты – дочь заморского вождя, пятнадцатилетнюю девственницу... В общем-то, работорговцы всегда нахваливали живой товар, но смуглолицый здоровяк делал это так умело, что люди на пристани затаили дыхание. Наконец, когда напряжение достигло предела, торговец снова щелкнул пальцами, и его спутники вывели на палубу девушку, с головы до ног укутанную в плотную тяжелую ткань. Торговец картинным жестом сорвал покров с рабыни, и все ахнули.

Обнаженная девушка стояла неподвижно. Под солнечными лучами волосы ее отливали золотом, а на бледном лице сияли огромные синие глаза.

Никогда прежде островитяне не видели светловолосых людей. Толпа изумленно молчала, а хитроумный торговец довольно усмехался.

Ошеломленный Нума взирал на чудесное видение. От прочих женщин красавицу отличали и прекрасная фигура, и светлая кожа, и высокая грудь, и мечтательные синие глаза, и, конечно же, рос кошмые золотистые волосы. Необыкновенная девушка словно бы не принадлежала к человеческому роду, а была созданием самих богов.

– Волосы что ни на есть настоящие, – заверил торговец, в доказательство своей правоты сорвал с головы девушки несколько волосков и передал их для осмотра.

Красавица не вскрикнула от боли, а только поморщилась, не сводя взгляда с далекого горизонта. Она, уроженка одного из бесчисленных племен, кочевавших по бескрайним степям, простирающимся от Восточного Средиземноморья до Азии, попала в рабство год назад. Ее увезли на запад и продали торговцам в Юго-Западную Европу. Потом она переходила из рук в руки до тех пор, пока один из череды ее хозяев не сообразил, что темноволосые жители северного острова высоко оценят ее невиданную красоту.

Девушка вызвала в коротышке-каменщике бурю неведомых прежде страстей. Казалось, даже время не властно над ее красотой. В жилах Нумы вскипела кровь, он забыл о своем возрасте, о неверной жене, о неприхотливой жизни. Больше всего на свете ему хотелось обладать этим чудом.

Лысый здоровяк объявил о начале торгов, и каменщик, утратив всякий стыд, заорал во весь голос:

– Пять шкур! Пять!

Люди вокруг расхохотались – такая прекрасная наложница стояла гораздо дороже. Нума, не обращая внимания на насмешки, замахал руками и выкрикнул:

– Двадцать шкур!

Для него это было целым состоянием, но смех не умолкал.

Внезапно на причале разочарованно вздохнули, – наверное, в день освящения нового хенджа девушку принесут в жертву богам. Нума хотел было возмутиться, но вовремя сообразил, что это бесполезно, – против воли жрецов не осмеливался выступить никто. На глаза его навернулись невольные слезы.

Люди на причале разочарованно вздохнули, – наверное, в день освящения нового хенджа девушку принесут в жертву богам. Нума хотел было возмутиться, но вовремя сообразил, что это бесполезно, – против воли жрецов не осмеливался выступить никто. На глаза его навернулись невольные слезы.

Жрецы привели девушку к Длуху, сняли с нее покрывало, и золотистые волосы снова засияли под лучами солнца. Верховный жрец изумленно оглядел красавицу с головы до ног.

– Воистину она увенчана золотом, – наконец признал он и спросил девушку: – Откуда ты?

Наречия островитян девушка не знала и жестами дала понять, что родилась далеко на востоке, среди заснеженных гор. Она, как и многие чужеземные рабыни, называла себя дочерью великого вождя, погибшего в битве. Длук решил, что это похоже на правду.

Девушку отвели в дом на холме, к вождю.

– Вот о ком нам поведали боги, – без колебаний заявил верховный жрец. – Она родит тебе наследника. Боги смилостивились над Сарумом.

Крун восхищенно оглядел красавицу и, сорвав с ее головы волосок, спросил:

– Это и правда она?

– Да, – уверенно ответил Длук.

– Может быть, и так, – недоверчиво пробормотал вождь и улыбка нулсь, впервые за долгие годы. – Как ее зовут?

– Менона, – поразмыслив, ответил верховный жрец.

Имя означало «обещанная».

На следующий день Длук совершил традиционный обряд и объявил Менону женой вождя, но прежде обратился к Круну и потребовал:

– Принеси барана в жертву и признай, что бог Солнце – величайший из богов.

Круна почтительно склонил голову:

– Воистину.

Услышав такой ответ, верховный жрец понял, что безумие отступило.

Всю ночь Длук провел в святилище, глядя в небеса и клятвенно обещая никогда больше не подвергать сомнению всемогущество бога Солнца, а на рассвете принес в жертву барана.

К вождю словно бы вернулась молодость – он снова стал обходить свои владения, приглашал торговцев из гавани в дом на холме, отказался от лазутчиков, и жители Сарума без страха искали у него совета и справедливости.

Девушка и впрямь совершила чудо. Длук жестами объяснил ей, что она дар богов и что ей суждено родить на свет наследников великого вождя. Менона с достоинством кивнула. Участи своей она не противилась, в доме Круна ей нравилось больше, чем на торговом корабле или в рабстве. Верховный жрец теперь уже с уверенностью считал, что она на самом деле дочь вождя, потому что руки у нее были нежные, непривычные к тяжелому труду, а со слугами она обращалась, как и подобает женщине знатного рода.

Воистину она была даром богов. На наречии островитян она не говорила, но прекрасно понимала и исполняла все желания Круна, явно зная толк и в постельных уладах. Лицо старого вождя лучилось счастьем.

Теперь, когда опасность миновала, Омних вернулся из святилища в горах, и праздник осеннего равноденствия в Саруме провели с прежней пышностью, вознося молитвы богу Солнцу.

Тем летом жители пятиречья возрадовались, один только Нума отчаивался. Его обуял страх, словно пелена туч застила небеса, – строительство святилища задерживалось.

В задержке были повинны каменотесы. Вот уже два года Нума пытался ускорить обработку сарсенов, но безуспешно: мастера то хворали, то получали увечья, новых работников требовалось обучать, что отнимало время. Каменщик постоянно сновал между каменоломней и святилищем, подбадривал строителей, однако работа застопорилась.

Вот уже пять лет в хендже ощущалась острая нехватка сарсенов.

Все лето Нума подгонял каменотесов: громадные камни нужно было доставить в святилище к осеннему равноденствию, однако обработка сарсенов шла медленно. Строительство нового святилища следовало завершить к празднику летнего солнцестояния, но весной, по размягшему грунту, сарсены на место не перетаскать.

– Придется волочить в хендж нетесанные камни, – заявил Нума. – Обработаем их на месте. Жрецы, узнав о задержке, разгневались и обвинили каменщика в том, что он не выполнил волю богов, чем поставил под угрозу судьбу Сарума.

Длух сурово нахмурил брови:

– На строительство хенджа отправятся все мужчины Сарума. Задержка недопустима.

Жителям пятиречья объявили, что всякий мужчина, достигший пятнадцатилетнего возраста, лишается права обзаводиться семьей до тех пор, пока не отработает год на строительстве святилища.

Спустя три дня после праздника осеннего равноденствия в каменоломнях, под началом Тарка, собралось около тысячи мужчин.

Тарк, хоть и соблазнил жену друга, не утратил к нему уважения и старался помочь в беде. Он снабжал работников едой и жильем, подбадривал их и помогал составлять упряжки для перетаскивания массивных камней. От внимания Нумы это не ускользало, но коротышку-каменщика больше заботило другое: он до дрожи боялся непреклонных, холодных взглядов жрецов.

Из каменоломни к хенджу требовалось в две ходки перетащить десять сарсенов. Спустя четыре дня после осеннего равноденствия пять камней уложили на салазки и поволокли по меловым грядам.

За четыре дня до Первозимья сарсены дотащили в хендж, совершив трудное путешествие в невообразимо короткий срок. Теперь предстояло вернуться в каменоломни за оставшимися заготовками. На этот раз обессиленные упряжки работников волочили камни медленнее, несмотря на угрозы Нумы, подбадривания Тарка и побои жрецов.

В довершение всех бед повалил снег. Три дня бушевала вьюга, северо-восточный ветер собирал снег в огромные сугробы. Работники дрожали от холода в наскоро сооруженных шалашах, и на третий день начались обморожения.

Нума с ужасом следил, как снег засыпает деревянные катки, салазки и даже громадные сарсены, – два камня застряли на склоне, и их занесло почти полностью, так что пришлось втыкать в сугроб колья, помечая место. На третий день из снега торчали только верхушки кольев.

Когда буран прекратился, Нума окончательно впал в отчаяние: толстый слой снега покрыл равнину на многие мили вокруг, скрывая холмы и распадки. Мороз крепчал, и не оставалось ни малейшей надежды на то, что снег растает, – скорее всего, он пролежит всю зиму, а весной талая вода пропитает грунт, и тяжелые камни накрепко увязнут. Каменщик торопливо подсчитал дни, оставшиеся на строительство, и понял, что к празднику летнего солнцестояния не успеть.

Наутро Длух послал на равнину трех жрецов. Они безмолвно приблизились к застрявшим сарсенам и оглядели заснеженные холмы.

– Как ты доставишь камни? – наконец спросил Нуму один из жрецов.

– Не знаю, – потупившись, ответил каменщик.

– Придумай что-нибудь, – велели жрецы и ушли.

Нума уныло смотрел себе под ноги, прекрасно понимая, какая участь его ожидает, если он не выполнит повеления жрецов.

Тем временем начали роптать измученные работники; от холода многие захворали, а один даже заплутал в буране и сгинул в снегу. Нума, не зная, что делать, попытался сдвинуть с места один сарсен, но все было напрасно – салазки вязли в сугробах. Даже шуточки Тарка больше никого не подбадривали. В конце концов каменщик решил отпустить работников домой, но жрецы ему не позволили.

– Верховный жрец велел доставить камни в святилище, – напомнили они Нуме.

Трое мужчин пытались сбежать, но жрецы поймали беглецов и до полусмерти отхлестали плетками.

Два дня Нума с тысячей работников мерзли на вершине гряды. Им оставалось только уповать на милость богов и надеяться на чудо.

Длух пересилил свой гнев и сообразил, что надо делать.

Алтарную площадку в святилище спешно очистили от снега. Верховный жрец принес в жертву богам шесть баранов и взмолился:

– О бог Солнце, к тебе взывает твой верный служитель! Помоги!

Потом, преодолевая сомнения, он заявил жрецам, что по воле богов святилище обязательно будет построено в срок.

Бог Солнце внял мольбам.

На третий день с юго-запада подул теплый ветер, налетели дождевые тучи, и ливень растопил снега, а к ночи ветер сменился и ударил мороз. Утром Нума потрясенно оглядел окрестности: в ясном небе ярко светило солнце, а меловые холмы покрылись сверкающей ледяной коркой. Нума топнул и подпрыгнул, проверяя лед на прочность, а затем швырнул увесистый булыжник, но ледяной покров даже не треснул, а камень заскользил по гладкой поверхности.

– Вот теперь мы сарсены дотащим, – усмехнулся Нума.

Работники торопливо соорудили огромные салазки, снова обвязали сарсены кожаными веревками и поволокли массивные камни к святилищу. Однако же трудности не прекращались: втаскивать сарсены на гряду стало легче, а вот с вершины камни скользили по пологому склону, и их приходилось удерживать изо всех сил. Дважды огромный сарсен срывался, подминая под себя работников, – так погибло двадцать человек и сотни получили увечья.

Морозы стояли целый месяц. К празднику зимнего солнцестояния все сарсены доставили в святилище.

Казалось, опасность отступила, но Нуму не отпускала тревога – он глядел на суровые лица жрецов и непрестанно думал о том, что должен в срок обработать и установить десять камней.

Тем временем Крун преисполнился новой уверенности – в тот день, когда взгорье сковало льдом, Менона объявила, что ждет ребенка. Длух принес в жертву богам овцу, и все в Саруме, даже Нумакаменщик, обрадовались долгожданной счастливой вести.

Студеной зимой и теплой весной в Саруме кипела работа.

Нума и его каменотесы трудились не покладая рук. Сарсенам спешно придавали нужную форму, а груды щебня собирали в глубокие корзины и отгаскивали их в ямы, вырытые неподалеку от святилища. Сотни людей устанавливали готовые камни стоймя на места, указанные жрецами. Коротышка-каменщик выбивался из сил, следя, чтобы при этом не допустили ошибок.

Тарк ежедневно виделся с Нумой, но не замечал в приятеле никакой враждебности.

Новорожденную девочку назвали Пийя. Тарк навестил Катеш и спросил:

– Нума знает?

Катеш замотала головой:

– Нет, что ты!

– А он на тебя не гневается?

– Я редко вижу его, он все время в святилище, ему со мной некогда и словом перемолвиться, – ответила она.

– Мне он тоже ничего не говорил, – задумчиво произнес Тарк.

После рождения дочери Нума действительно редко виделся с женой. Тарк знал, что каменщик зачастил к рабыням, но решил, что приятель ищет разнообразия.

Катеш твердо намеревалась хранить верность мужу и холодно встречала бывшего возлюбленного.

– Между нами все кончено, – объявила она. – Я обо всем забыла.

Впрочем, Тарк догадывался, что это неправда, но Катеш оставалась непреклонна:

– Боги меня покарают.

Нума изредка возвращался домой и всякий раз увлеченно играл с детьми. Малютка Пийя его обожала. Он подхватывал малышкой на руки и весело бегал с ними вокруг хижины, а они визжали от восторга.

Длух напряженно следил за ходом строительства, и даже сам Крун как-то пришел в святилище, желая убедиться, что все будет закончено в срок.

Весной стало ясно, что Менона вскоре разродится. Впрочем, и верховный жрец, и вождь прекрасно помнили, что первенца следует принести в жертву – только после этого боги обещали даровать Круну наследника.

– Не вздумай противиться воле богов, – предупредил Длух вождя.

– Я молод и полон сил, – беспечно заявил Крун. – У меня будет много сыновей.

К радости обитателей пятиречья, ранней весной вождь несколько раз выезжал на охоту.

Неустанные заботы Нумы принесли плоды: все сарсены обтесали и поставили стоймя. К началу лета оставалось только поднять и установить на место пять перекладин. Жрецы объявили, что по окончании строительства устроят грандиозное пиршество для работников.

Освящение нового храма обещало стать грандиозным торжеством. Со всего острова на меловое взгорье Сарума стекались паломники. В жертву богам намеревались принести не только огромное количество животных, но и людей.

– Боги возрадуются, что в Саруме их почитают по-прежнему, и снизойдут к нам в своей милости, – сурово напомнил Длух жрецам. – Для жертвоприношения следует выбрать девятнадцать человек из тех, кто угоден богам. Девятнадцать – по числу лет, за кото рые богиня Луна завершает свой цикл колебаний.

До праздника летнего солнцестояния и до завершения всех замыслов коротышки-каменщика оставалось меньше месяца.

«Вскоре все будет конечно», – думал Нума.

Предстояло всего-навсего выдолбить по два гнезда с нижней стороны каждой перекладины, в которые войдут шипы стоячих камней, а затем поднять каменные плиты на леса из бревен и уложить поперек сарсенов. Скрепленные веревками бревенчатые леса были прочными и легко выдерживали вес перекладин. Самым трудным было опустить плиты так, чтобы гнезда накрыли шипы. Нума гордился точностью своих расчетов и всегда лично следил за действиями строителей.

Однажды вечером, в самом начале лета, работники разошлись по домам, а Нума, как обычно, остался в святилище, наблюдая за тем, как жрецы готовятся к своим ночным бдениям. Ночь выдалась ясной. Луна еще не взошла. Жрецы не обращали на Нуму внимания, и он проворно вскарабкался на леса, проверяя прочность веревок и надежность сооружения.

Окончив работу, он спустился в святилище, оглядел громадные серые камни и обратился с мольбой к богу Солнцу:

– О величайший из богов, позволь Нуме достойно завершить свои труды!

Он удовлетворенно вздохнул и отправился домой.

На следующее утро каменщик встретился с Тарком в святилище, чтобы обсудить приготовления к пиршеству, которое решили устроить в долине на берегу реки, примерно в миле от хенджа.

Работники на лесах крикнули Нуме, что плита готова к установке на опоры, и каменщик, не прерывая разговора с Тарком, заковылял к сарсенам так быстро, что длинноногий рыбак

еле за ним поспевал. Нума остановился точно в том месте, над которым следовало опустить перекладину. Огромную плиту осторожно сдвинули с лесов на опорные столбы. Тарк с восхищением следил за ловкими действиями строителей и почти не слушал, что говорит ему Нума. Внезапно рыбак вздрогнул и недоуменно уставился на коротышку-каменщика.

– Ты соблазнил мою жену, и она от тебя понесла! – прошипел Нума с перекошенным от гнева лицом. – Такого не прощают!

Тарк побледнел, только сейчас сообразив, что Нуме известно о его связи с Катеш. Впервые за долгие годы рыбак испугался: во взгляде приятеля бушевала злоба. Тарк понял, что Нума готов его убить.

Внезапно одна сторона лесов рухнула; четырехтонная каменная перекладина соскользнула с бревен, мгновенно размозжив череп Тарка, стоявшего прямо под ней.

Никто не понял, отчего и как это произошло. С лесов упали двое работников: один сломал ключицу, второй – ногу. Нума успел отскочить в сторону и отделался синяками.

Два дня спустя перекладину благополучно установили на место.

Жрецы не попрекнули каменщика за случившееся, и Нума решил, что они ничего дурного не заподозрили. Он вернулся домой и рассказал обо всем Катеш. Она побледнела, вздрогнула и пошатнулась, а потом понуро уставилась себе под ноги.

– Видно, меня боги уберегли, – вздохнул Нума.

Катеш невольно сглотнула слезы. Коротышка-каменщик злорадно ухмыльнулся. Внезапно Катеш взглянула ему в глаза, честно и без утайки, не скрывая своего горя, и по выражению лица Нумы догадалась, что это он виновен в смерти Тарка. Торжествующий коротышка-каменщик устыдился своего поступка, но тут скорбный взгляд Катеш полыхнул ненавистью и презрением. Женщина поспешно отвела глаза, но Нума успел понять, что жена прониклась к нему безмерным отвращением.

Как положено примерной жене, Катеш продолжала заботиться о муже, хотя относилась к нему как к чужому. Они почти не разговаривали и не делили ложе.

Увы, Нума напрасно считал, что трудности его закончились. Спустя три дня после смерти Тарка выяснилось, что гнездо, выдолбленное в последней каменной перекладине, слишком смещено к центру. Плита была безнадежно испорчена. Разумеется, можно было выдолбить новое гнездо, но каждый камень святилища должен быть безупречным. Времени на обтесывание и доставку новой плиты не оставалось.

Нума попытался выяснить, что привело к этой нелепой ошибке. Оказалось, что неопытный подмастерье в спешке принял царापину на камне за разметку гнезда и выдолбил в плите лунку. Вина за недосмотр, естественно, возлагалась на мастера-каменщика. Вдобавок гнездо на внутренней стороне перекладки располагалось в очень заметном месте – в промежутке между опорными сарсенами, и при всем желании его нельзя было скрыть от глаз жрецов.

– Мы не успеем подготовить новую плиту, – виновато доложил Нума.

Жрец впери в каменщика холодный взгляд:

– Сделай изъян незаметным и установи перекладину.

Нума заполнил гнездо глиной и вдавил в нее осколки щебня – теперь никто, кроме него самого, не смог бы обнаружить изъян в плите. И все же святилище стало несовершенным. Нума содрогнулся при мысли о том, что об изъяне станет известно верховному жрецу.

– Не миновать мне жертвенного алтаря, – пробормотал каменщик. – Такова моя участь.

Перекладину водрузили на место, и строительство Стоунхенджа завершилось – за пять дней до праздника летнего солнцестояния.

На пиршестве в честь строителей святилища Нума, исполненный гордости и страха за свою жизнь, напился хмельного меда и крепко уснул. Впрочем, наутро он продолжал терзаться

мыслями об убийстве Тарка, об изъяне, допущенном при строительстве хенджа, и о всеведущих жрецах.

Перед самым рассветом, когда луна еще не зашла, верховный жрец Длух явился в новое святилище.

«Свершилось», – удовлетворенно думал он.

Создание нового святилища не только знаменовало окончание лунного и солнечного цикла, но и свидетельствовало об окончании невзгод благословенного Сарума. Круг исполинских камней сомкнулся, заключив в себе солнце и луну, день и ночь, зиму и лето, весну и осень, жизнь и судьбу Сарума, бесконечную смену дней и гармонию небес.

За пять дней до праздника летнего солнцестояния вождь Крун, по обычаю, пошел охотиться на вепря.

На заре Длух призвал к себе носильщиков и отправил гонцов к вождю.

Перед каждой охотой верховный жрец совершал жертвоприношение богине Луне и просил ее послать щедрую добычу. На рассвете Длух прибыл на опушку леса в восточной долине, где уже собрались охотники – пятьдесят мужчин в толстых кожаных куртках, – вооруженные короткими тяжелыми копьями с широкими кремнёвыми наконечниками, луками и стрелами. Посреди поляны красовался Крун – высокий, полный сил, как в молодости. Седые кудри прикрывал излюбленный головной убор вождя – лихо заломленная шапка с длинными зелеными перьями. С широких плеч Круна ниспадала короткая зеленая накидка, а на поясе висел устрашающий кремнёвый охотничий нож. Четверо сильных и ловких юношей-носильщиков стояли рядом с легкими носилками, ожидая приказаний. Крун хриплым басом перешучивался с охотниками. Длух обрадованно вздохнул – именно таким он и помнил своего сводного брата.

Всех очень обрадовало то, что вождь снова вышел на охоту. Краснолицый толстяк Муна, старший охотник в традиционном багряно-черном одеянии, деловито расхаживал по поляне. Голову Муны, по обычаю, венчали олени рога, а в руках у него был охотничий рожок, богато изукрашенный золотом и бронзой. Старший охотник давал последние наставления псарям – восемь пар гончих нетерпеливо рвались с поводков. Собаки тяжело дышали, высунув язык; в студеном утреннем воздухе из жарких пастей вырывались облачка пара. От Муны ни на шаг не отходил его внук, десятилетний мальчишка, которого впервые взяли на охоту.

– Сам Крун обещал его свежей кровью окропить, как вепря поднимем, – ухмыльнулся Муна.

Вождь поглядел на мальчика и вспомнил, как в таком же возрасте отправился на охоту с отцом. Охота была успешной, и отец, отрезав кровавый кусок от туши вепря, мазнул сына по щеке – юный Крун не смывал засохшую кровь целый месяц и гордо носил отметку, свидетельствующую о его взрослении.

– Окроплю, окроплю, – хохотнув, пообещал вождь и призвал всех к молчанию.

Верховный жрец размеренно начал древний охотничий обряд:

– О богиня Луна, защитница охотников, ты, кому принадлежат души всех зверей, охраняй нас и пошли нам добычу!

Муна протрубил в рожок, Крун уселся на носилки, и охотники вошли в чащу.

Величественное зрелище навсегда сохранилось в памяти жреца – вереница охотников, скрывающаяся в лесах восточной долины Сарума.

Вечером охотники вернулись.

Обитатели Сарума считали, что их способ охоты на вепря – самый лучший. Увы, в нем было много недостатков – хитрый вепрь легко мог обмануть охотников и убить одного из них. Вдобавок человек, возглавлявший охоту, всегда оказывался под угрозой нападения разъяренного зверя. Однако же Крун предпочитал охотиться по древней сарумской традиции. Гончие загоняли зверя в чащу, охотники, растянувшись длинной цепью, окружали добычу и, замкнув

круг, криками и шумом гнали вепря на середину, где его дожидался вождь и лучшие воины. Крун много раз охотился подобным образом и всегда возвращался с добычей. Впрочем, существовала опасность, что испуганный зверь может наброситься на загонщиков или пробьется сквозь заслон охотников и мощными сверкающими клыками задерет вождя.

Когда носилки внесли в долину, вождь еще дышал.

Охота началась удачно: вепря загнали, зверь выскочил на опушку, где его дожидался Крун с охотниками, и тут случилась беда. Хитрый секач прорвался сквозь цепь охотников, набросился на вождя, вспоров ему живот и грудь, а потом удрал. Крун истекал кровью. Длух, глядя на землистое лицо вождя, решил, что тот не доживет до утра.

Верховный жрец старался облегчить страдания своего давнего друга – сейчас Крун был не великим вождем Сарума, не злодеем, принесшим в жертву девятнадцать наложниц, а именно старым приятелем, изнемогавшим от страшных ран. Длух наложил на раны повязки, напоил вождя настоем целебных трав и вместе с Меноной всю ночь не отходил от ложа Круна.

Вождь знал, что умирает. Глубокие воспаленные раны не поддавались ни зельям жрецов, ни молитвам Длуха.

Боги послали Саруму еще одно страшное испытание.

Длух и Крун хорошо помнили завет богов: первенца вождя необходимо принести в жертву, и только после этого родится наследник.

Верховный жрец погрузился в размышления: повеление богов не допускало иных толкований, а все предыдущие предсказания сбылись. Однако ясно было, что больше детей у вождя не будет. Если сдержать данное богам обещание и принести ребенка в жертву, то род Круна прервется, а значит, новое святилище возводили напрасно. Неужели боги решили наказать Сарум за вероотступничество?

Длух замылся, не зная, что делать.

– Не приноси ребенка в жертву, – еле слышно прошептал Крун, оставшись наедине с верховным жрецом.

Длух содрогнулся и промолчал, не смея взглянуть на умирающего вождя.

– Другого наследника не будет. Обещай мне, что ребенок останется в живых, – потребовал Крун, с усилием приподнимаясь на локте и вперив горящий взгляд в Длуха. – Поклянись!

Верховный жрец едва не разрыдался, однако понимал, что обязан сдержать обещание, данное богам, ведь он сам поклялся никогда не подвергать сомнению всемогущество бога Солнца.

– Воля богов будет исполнена, – печально изрек он.

– Спаси ребенка, жрец! – простонал Крун.

Вождь, безжалостно отправивший на алтарь девятнадцать наложниц, теперь сам испытывал страшные мучения. Отчего боги так жестоки?

– Не подвергай сомнению волю богов! – с горечью напомнил Длух, хотя в тот миг не верил, что боги сдержат свое обещание.

Крун, совершенно обессилен от боли, не разгневался, а начал терпеливо объяснять верховному жрецу, почему ребенка не следует приносить в жертву:

– Я уже отдал богам своего первенца, ведь мои сыновья утонули в морской пучине. Жрецы неправильно истолковали предсказание, только и всего.

Он раз за разом повторял эти слова, пытаясь убедить верховного жреца, что без наследника Сарум погибнет. Однако Длух оставался неумолим:

– Воля богов будет исполнена. Они не оставят нас своей милостью.

Крун безвольно поник.

Целый день старый вождь отчаянно цеплялся за жизнь и взывал к Длуху, умоляя его не приносить ребенка в жертву. Увы, мольбы были напрасны. Перечить верховному жрецу никто не осмеливался.

Тем временем у Меноны начались родовые схватки – преждевременно, от потрясения, вызванного видом ужасных ран Круна. Прислужницы увели ее в спальню и призвали повитух.

На заходе солнца в доме зажгли лучины. Вождь, изнемогая от боли, снова воззвал к жрецу:

– Я умираю! Спаси ребенка, жрец!

Длук задрожал и отвернулся, скрывая подступившие слезы. В полночь раздался первый крик новорожденного, и жрец поспешно удалился в спальню роженицы.

На пороге верховный жрец замер, с трудом сдерживая радостный крик и изумленно глядя на чудесное явление. Воистину, непостижимые боги сдержали обещание. Повитухи протянули Длуху не одного, а двух младенцев – девочку и мальчика, крепких и здоровых, хотя и рожденных до времени. Менона слабо улыбнулась.

– Отдайте мне первенца! – сурово потребовал Длук.

Как он и предполагал, ему отдали девочку.

– Вот первенец, обещанный богам! – возвестил верховный жрец. – У Сарума есть законный наследник.

Наступил день летнего солнцестояния.

Все жители пятиречья со страхом ожидали этого дня.

Нума и Катеш проснулись на рассвете и, разбудив детей, сели у порога хижины.

Обитатели Сарума знали, что для освящения нового хенджа жрецы должны избрать девятнадцать человек, которым суждено окончить свою жизнь на жертвенном алтаре. Суровые служители богов парами разбрелись по долинам, шли от поселения к поселению и взмахами церемониальных бронзовых ножей указывали на избранную жертву. Никто не знал, на кого падет выбор жрецов: иногда это был преступник, словом или делом оскорбивший богов, иногда – простой земледелец или дочь богатого торговца. Жертвой мог стать любой – мужчина или женщина, старик или младенец, ведь, по утверждению жрецов, все люди подвластны могущественному богу Солнцу.

Нума дрожал от страха, слишком хорошо помня все свои прегрешения: изъян в перекладине нового святилища, убийство Тарка... Жрецы наверняка обо всем догадались, ведь им известно все. Лоб Нумы покрылся испариной.

– Жрецы за мной придут, – вздохнул каменщик.

– За мастером, который построил новое святилище? – удивилась Катеш и замотала головой. – Нет, не придут.

Нума ничего не ответил. «Наверное, Катеш обрадуется, если выбор жрецов падет на меня», – печально подумал он и вздрогнул, посмотрев на детей. Выбор жрецов был непредсказуем. Что, если жребий падет на сына или на малютку Пийю? Ведь перед богами все равны...

«Ох, Нумати...»

Солнце клонилось к закату.

– Жрецы уже не придут, – заявила Катеш.

Каменщик облегченно перевел дух.

В наступивших сумерках на тропинке, вьющейся по склону холма, появились два жреца – старый и молодой. У хижины они остановились перед дрожащим от страха Нумой. Молодой жрец торжественно вручил старому длинный бронзовый нож.

Старик медленно наставил его на сына каменщика.

– Нет! – воскликнул Нума. – Возьмите меня! Я убийца! Я осквернил святилище! Это я заслуживаю смерти.

Молодой жрец покачал головой. Нума обернулся и сообразил, что нож указывает не на сына, а на Катеш.

– Такова воля богов, – объявил жрец.

Нума понял, что жрецы хотя и жестоки, но всеведущи и справедливы.

Обряд освящения хенджа начался на закате.

На склонах холмов у святилища собралось почти четыре тысячи человек. На почетном месте, отведенном вождю, стояли двое мужчин: один держал кожаный нагрудник вождя, расшитый золотом, а второй – тяжелую булаву, богато изукрашенную янтарем.

К святилищу медленно двинулись жрецы, за которыми шли девятнадцать человек – жертвенных избранников. У начала длинной меловой дороги процессия остановилась, дожидаясь захода солнца. Пламенеющий свет заката окрасил алым белоснежные одеяния жрецов и заставил сверкать драгоценные камни на багряной мантии верховного жреца. Длинное лицо Длуха было выбелено мелом, голову венчала бронзовая диадема с золотым солнечным диском, а в руках верховный жрец сжимал длинный посох с рукоятью в форме священного лебедя.

Наконец солнце скрылось за горизонтом. В наступивших сумерках над долиной медленно взошла луна. Наступила самая короткая ночь года. Люди умолкли, ожидая, когда свершится самый важный обряд.

Нума-каменщик молча глядел на творение своих рук – величественный хендж. В центре святилища кольцом стояли серые камни, залитые лунным сиянием. Исполинские сарсены отбрасывали длинные тени. За камнями виднелся полукруг массивных трилитов и ужасающий алтарный камень. Нума, повинувшись повелению жрецов, всю свою жизнь посвятил строительству хенджа. Воистину власть жрецов велика! Каменщик обнял детей, крепко прижал их к себе – их жизнь тоже пройдет под грозной сенью сарсенов.

Близился рассвет.

Небо на востоке едва заметно посветлело, и жрецы, напевно взывая к богам, медленно двинулись по меловой дороге к святилищу. Нума, прищурившись, пытался разглядеть Катеш среди жертвенных избранников.

– Вашей матери выпала большая честь, – сказал он детям. – Она стала избранницей богов.

Малютка Пийя непонимающе уставилась на него, а Нумати тихонько всхлипнул. Сам каменщик не испытывал ни сожаления, ни отчаяния – величие святилища подавляло все чувства, кроме преклонения перед всеилием богов.

На востоке показался краешек восходящего солнца.

В центре хенджа, у алтарного камня, неподвижно стоял верховный жрец Длух.

Гонцы принесли ему весть о смерти Круна. Великого вождя Сарума похоронят в огромном меловом могильнике на взгорье, и дух его упокоится, взирая на пятиречье. Смерть вождя в ночь солнцестояния была добрым знамением.

Только сейчас, ожидая, когда бог Солнце озарит своим сиянием новое святилище, Длух осознал важность всего, что случилось после трагической гибели сыновей Круна.

С чего начинались священные предания жрецов? О чем говорилось в них – прежде, чем возник Сарум, прежде, чем океанские воды затопили путь на восток и отрезали остров от материка? Прежде, чем древние звездочеты составили бесконечный список движения небесных светил – на его изучение и запоминание уходило два года? Какие слова были самыми первыми, самыми важными – важнее, чем объяснение священных волшебных чисел?

Солнце властвует в небесах.

Солнце наделяет дарами.

Солнце отнимает.

Все в этом мире

не случайно...

Вот в чем смысл нового святилища – смысл, заключенный в исполинских камнях, в девятнадцати наложницах Круна, в девятнадцати годах священного колебания богини Луны, в противостоянии солнца и луны, которого так долго ждали. Вот почему новое святилище совершенно и нерушимо, вечный круг, неразрывное кольцо. Из страданий Круна и его соплеменников родился новый наследник. Никто не смеет сомневаться во всемогуществе великих богов!

Все в этом мире не случайно. Намерения богов, пусть и невнятные людям, совершенны в своей ужасающей соразмерности и неизменны, как звезды в небесах. Внезапно на Длуха снизошло откровение.

От рода человеческого требуется лишь одно: беспрекословное повиновение и послушание. В этом и заключалась воля богов, поэтому они и наказали Сарум смертями вождя и его сыновей. Лишь жертвоприношения могут умиловать богов и снять проклятие.

В честь богов люди возводят святилища, в честь богов пытаются разгадать тайны небесных светил, но главное – не в этом. Люди не должны ставить под сомнение волю богов. Люди обязаны повиноваться.

На мантии верховного жреца заблестели капли росы. Вот-вот взойдет солнце.

В светлеющем небе полная луна сместилась над западным горизонтом и застыла точно в дальнем конце меловой дороги. На востоке небо засинело, у самого горизонта появилась тонкая серебристая полоса, постепенно наливаясь алым и шафранным. Голоса жрецов взлетали к куполу небес. Напряжение толпы нарастало. Восточный край неба засиял переливами багрянца, лазури и бирюзы. Лунный диск повис над меловыми грядками.

И вот над горизонтом вспыхнул первый луч восходящего солнца, осветив меловую дорогу, стрелой вонзающуюся в сердце святилища. Бог Солнце явил свой грозный лик. Жрецы умолкли. В ужасающем молчании послышался стон первой жертвы, которую подвели к алтарному камню.

Длух, обратив лицо к солнцу, медленно вознес над головой первенца Круна, показал девочку богу и воскликнул:

О бог Солнце, величайший из богов!
О богиня Луна!
Мы повинемся!

Бог Солнце вступил в свой новый храм, Стоунхендж, озарив его золотым сиянием. Солнечный диск медленно поднимался на востоке, а точно напротив него, на западе, висел серебряный шар Луны. Бог Солнце и богиня Луна величаво взирали друг на друга. Люди затаили дыхание.

Жертвенных избранников торопливо подводили к алтарному камню. Нума пристально вглядывался в их лица. Катеш была седьмой. Жрецы схватили ее за руки и уложили спиной на камень. Над ее бледным телом взметнулся окровавленный бронзовый нож, блеснув в лучах солнца. Все было кончено.

Верховный жрец Длух так и не сумел рассчитать периодичность солнечных затмений.

Сорбидун

Спустя две тысячи лет после строительства Стоунхенджа, в 42 году от Рождества Христова, самый могущественный правитель в мире понятия не имел ни о Саруме, ни о величественном святилище.

Владения императора Клавдия, правителя великой Римской империи, простирались от Персии до Испании, от Африки до Франции и Германии. Средиземное море он считал садовым прудом. За всю историю человечества подобной властью не обладал больше никто.

В своей огромной империи Клавдий слыл чудачком: несмотря на всю свою ученость, он хромал, заикался, а вдобавок совершенно не проявил себя завоевателем, хотя и происходил из рода достославных полководцев.

Однако в 42 году Клавдий решил, что пришла пора действовать, и отправился завоевывать Британию. Никого из римлян не удивило, что выбор императора пал на северный остров, – по общему мнению, эти земли давно пора было захватить.

Веком раньше это пытался совершить Юлий Цезарь, а всего три года назад Калигула, племянник Клавдия, в свою бытность императором тоже хотел присоединить остров к Римской империи, но дальше подготовки дело не пошло. Итак, Клавдий объявил, что лично поведет войска на остров и завершит начинание своего венценосного предка Юлия Цезаря.

Цезарь в своих «Записках» подробно изложил историю кампаний по завоеванию Британии в 55 и 54 годах до Рождества Христова. Впрочем, некоторые римляне упрямо утверждали, что никакого острова нет и в помине, Цезарь его выдумал. Клавдий решил, что сравнение с величайшим римским военачальником укрепит императорскую власть и пойдет ему на пользу.

– Но ведь, кроме сведений, сообщенных Юлием Цезарем, об острове ничего не известно, – напоминали Клавдию.

– Глупости! – возражал император. – О Британии известно многое.

Разумеется, Клавдий слегка лукавил, но за сотни лет в империи и в самом деле накопилось немало сведений об этих далеких землях – в основном со слов греческих торговцев, которые бесстрашно переправлялись на туманный остров. Старый император Тиберий, родственник Клавдия, в свое время приказал великому географу Страбону составить отчет о целесообразности торговли с островитянами. По слухам, галльские торговцы закупали в Британии зерно, шкуры, скот и знаменитых гончих псов. На острове добывали золото, серебро, железо, свинец и олово. Олово Клавдия не интересовало – в Римскую империю его в огромном количестве привозили из иберийских копей, – а вот потребность в золоте и свинце, наоборот, возрастала.

Торговцы упоминали и о том, что на острове постоянно вспыхивают междоусобные войны. Вражду и рознь с соседями вожди племен почитали делом чести, а захваченных в бою пленников продавали в рабство. Жители Британии с удовольствием покупали товары, производимые в Римской империи, особенно средиземноморские вина, хотя сами издавна варили густое пиво и хмельной мед. Некоторые племена даже чеканили деньги – Клавдий своими глазами видел золотые монеты с изображением какого-то вождя с восточной окраины острова, весьма похожие на римские сестерции.

Больше всего Клавдия и его советников интересовали порты и возможные места высадки на побережье острова. Торговцы с готовностью сообщили, что таких мест множество, особенно напротив берегов Галлии, в Дуврском проливе, но особо отметили великий торговый порт, лежащий посреди южного берега, в естественной гавани, защищенной от моря невысоким холмом.

– Место укрепленное, но как нельзя лучше подойдет для высадки войск, – объяснили торговцы. – Мы продаем тамошним племенам вино, а они с нами расплачиваются звонкой монетой, золотом и серебром.

Клавдий не придал этому особого значения – его гораздо больше привлекала возможность высадки непосредственно напротив галльского берега, через узкий пролив. Император так и не узнал, что в двадцати пяти милях к северу от этой гавани существует чудесное пятиречье.

– Все наши расходы окупятся, как только Британия станет провинцией Римской империи, – удовлетворенно объявил Клавдий сенаторам.

Хитроумный правитель принял в расчет и другие соображения.

Далекий остров становился рассадником смуты. После завоевания Галлии Юлием Цезарем воинственные белги, сородичи германцев и кельтов, вместе со своими проклятыми жрецами-друидами перебрались в Британию, откуда совершали дерзкие набеги на материк, доставляя немало беспокойства римлянам. Следовательно, завоевание Британии не только остановит вторжение белгов в Галлию, но и поможет окончательно избавиться от мерзких друидов, оскверняющих римских богов.

Вообще-то, римляне снисходительно относились к верованиям варваров, но Клавдий питал отвращение к кельтским жрецам, потому что они приносили в жертву людей. В Римской империи кровопролитие никого не удивляло – гладиаторские бои ежедневно собирали тысячи зрителей, – однако человеческие жертвоприношения возмущали Клавдия. Император считал их нелепым извращением и надругательством над священными обрядами гаруспиков – жрецов, гадавших по внутренностям жертвенных животных. Клавдий благоволил гаруспикам и даже учредил особую коллегию для поощрения и сохранения их священного искусства. Друиды же открыто призывали вождей к набегам на Галлию и оскверняли мир своими гнусными деяниями. Что ж, император точно знал, как с ними расправиться.

Он потребовал, чтобы войска как можно скорее вышли в поход.

– Может, с захватом Британии лучше повременить? – неуверенно предположили сенаторы.

Клавдий нетерпеливо помотал головой. Откладывать военный поход он не собирался, слишком хорошо помня судьбу Калигулы. Да, британская кампания предшественника Клавдия не состоялась, однако два из его четырех легионов до сих пор бездействовали на берегах Рейна. Ни один римский император не мог позволить себе присутствие хорошо вооруженного войска в непосредственной близости к столице – того и гляди солдаты заскучают и решат, что пора менять власть. Нет, кампанию по захвату Британии следовало начинать немедленно.

Итак, в 42 году стало ясно, что завоевание Британии неминуемо. Впрочем, этому помогли и сами островитяне.

Из-за постоянных междоусобных стычек длинноусые вожди островитян часто обращались к римлянам, суля щедрую награду за помощь в покорении враждебных племен. Иногда они являлись в Рим лично – Клавдию довелось встретиться с одним из них, громкоголосым хитрецом-варваром, – но их просьбы всерьез никто не принимал. В Рим наведывались правители со всех концов света, и римляне хорошо знали, с кем считаться и к кому прислушиваться. Однако же недавно в Риме нашел убежище Берик, которого изгнал с острова его родственник Каратак, ставший вождем племени катувеллаунов. Каратак, недолго думая, потребовал у Клавдия выдачи беглеца и, не получив ответа, совершил дерзкий набег на побережье Галлии.

Клавдий чрезвычайно обрадовался такому удачному повороту событий: у императора появился законный повод для похода в Британию. На любые возражения сенаторов Клавдий возмущенно отвечал:

– Риму нанесли оскорбление!

Он тщательно подобрал военачальников для британской кампании и даже пообещал лично возглавить войска.

– Я вселю в сердца британцев священный страх! – провозгласил он.

Услышав это заявление, сенаторы удивленно посмотрели на императора, но он снисходительно объяснил:

– Я прибуду на остров верхом на слоне.

Для понимания дальнейших событий, случившихся на северном острове, необходимо совершить путешествие в далекое прошлое.

Примерно в 1300 году до Рождества Христова на территорию Западной Европы пришли новые племена. Их шествие по миру началось тихо и незаметно. Археологи обнаружили небольшие поселения земледельцев на берегах Дуная, в сердце Юго-Восточной Европы. Трудно сказать, принадлежали ли обитатели этих поселений к одному племени, но отдельной расой они не являлись. Впоследствии их потомки создадут легендарный образ предков – высоких, светловолосых и голубоглазых воинов, – однако же, скорее всего, как и остальные обитатели Европы, с виду они были самыми разными. В конце бронзового и в самом начале железного века эти разномастные племена объединяло одно: все они сжигали своих мертвецов и хоронили прах в глиняных сосудах.

А затем по какой-то неизвестной причине мирные земледельцы снялись с насиженных мест и разбрелись по европейским просторам. Остатки урнопольской культуры обнаружены и в предгорьях Швейцарских Альп, и в долинах Шампани, и на равнинах Германии. Неугомонные странники основывали свои поселения или примыкали к уже существовавшим, но повсюду сохраняли обычай сжигать покойников и хоронить их прах в глиняных сосудах.

Как бы то ни было, этим племенам суждено было сыграть необычайно важную роль в истории Северной Европы, создать великую культуру, покорно снести римское владычество, но сохранить свободолюбивый дух, ускользнуть от англосаксонских завоевателей и выжить до наших дней, покоряя мир своим удивительным воображением. Задолго до Рождества Христова древние греки дали этим разрозненным племенам имя *Κελτοί*, римляне переделали его на свой лад, и оно сохранилось неизменным до наших дней – кельты.

Отчего кельты оставили такой глубокий след в истории человечества? Чем они отличались от других племен? На этот вопрос трудно дать определенный ответ. Ясно лишь одно: этих людей отличала необыкновенная одаренность. Лучше всего об этом говорит их язык. Где бы ни селились кельтские племена, их наречие распространялось по всей округе. Во времена Юлия Цезаря кельтский язык стал средством межнационального общения на всей территории Северной Европы. Кельтский язык привлекал своей выразительностью, поэтичностью и богатством выражения. На этом языке слагались легенды, предания и эпосы, которые передавались из поколения в поколение, с глубокой древности до наших дней. Сегодня кельтский язык сохранился в двух его вариантах: валлийском и гэльском.

К 1000 году до Рождества Христова мирные кельтские поселенцы внезапно изменились, то ли объединившись с каким-то воинственным племенем, то ли обнаружив в себе дотоле неведомую ярость и мощь. Как бы то ни было, на историческую арену вступила новая, неукротимая сила – кельтские воины-завоеватели.

Их появление повергало противника в ужас – длинноусые мускулистые воины с нимбами волос, для жесткости намазанных известью, мчались на быстрых и легких боевых колесницах. На шее воинов сверкали толстые золотые обручи, на руках блестели браслеты. Воинственные племена быстро захватили земли на западе и на севере Европы, добрались до берегов Ламанша и на Иберийский полуостров. Воины принесли с собой новое грозное оружие: острые длинные мечи, сделанные из закаленного, доселе неизвестного в Европе металла – железа.

В археологии эту культуру именуют по названию австрийского городка Гальштат, где впервые обнаружили многочисленные захоронения железного века с погребальными урнами. Воинственные племена гальштатских кельтов были непобедимы; в их могильниках обнаружены остатки повозок, колесниц и драгоценные украшения, а образы отважных воинов сохранились до наших дней в кельтских легендах и сказаниях.

Однако же неукротимые кельты не были разрушителями. На завоеванных землях они создавали новые поселения, строили дома под соломенными крышами и возводили земляные укрепления на холмах. Местных жителей они не трогали, использовали их как рабочую силу. Примерно между 900 и 500 годами до Рождества Христова кельты пересекли Ла-Манш и расселились по острову Британия.

Судя по всему, древние поселения на острове кельты не уничтожили и со временем смешались с коренными жителями Британии. Впрочем, кельтские завоеватели расселились не по всем уголкам острова, так что, вполне возможно, некоторые жители современной Великобритании ведут свой род от доисторических предков, с незапамятных времен живших на острове. Итак, кельтские переселенцы обосновались в Британии, на туманном острове, среди волшебных меловых холмов, отделенных от остального мира узким проливом.

Начиная примерно с 500 года до Рождества Христова возникла удивительная культура, получившая у археологов название латенской, по имени швейцарской коммуны Ла-Тен, неподалеку от Невшателя. За несколько веков своего существования кельтские племена Северной Европы и Британии создали массу поразительных предметов, уникальных образцов доисторического искусства: изящные быстроходные колесницы и замысловатые золотые, серебряные и бронзовые украшения; глиняные сосуды с витым орнаментом и весьма реалистичные фигурки зверей и птиц; одеяния и накидки из ярких, богато изукрашенных тканей, роскошные чепраки и конские попоны. А еще кельты слагали длинные сложные поэмы на своем мелодичном языке, и древние сказители-барды прославляли подвиги героев и вещали о деяниях богов. Мир кельтов издревле был полон богов, волшебства, сказочных птиц и зверей, суеверий и предрассудков. Кельты верили, что бок о бок с миром людей существует таинственный потусторонний мир – мир сумерек и чудес, одновременно и похожий, и непохожий на привычный.

– Кельты безумны, – настаивали римляне. – Они пируют, как сенаторы, поют, рыдают и дерутся друг с другом – и все это ради удовольствия.

– Нет, кельты – поэты, – возражали торговцы. – Они хмелеют от поэзии.

– Кельты хмелеют от выпивки, – цинично отвечали римляне. – Особенно их мерзкие жрецы-друиды.

Как ни странно, все эти утверждения соответствовали истине. Римляне совершенно не понимали кельтов. Для римлян важнее всего было четкое государственное устройство, стройная и хорошо продуманная система организации всего на свете, поэтому они не могли разобраться в бесчисленном множестве вождей и владык, связанных между собой древними и запутанными узами родства, клятвами побратимов, брачными союзами и полумифическими обязательствами. Вдобавок для римлян оставались непостижимыми многочисленные кельтские божества, которые постоянно меняли обличье и подшучивали над людьми – и не ради собственного удовольствия (такое объяснение вполне устроило бы римлян), а просто так. Даже покровитель всех кельтских племен, великий бог Дагда, поступал, как ему вздумается.

– Мы приучим кельтов к порядку, – обещали римляне.

Увы, сделать это было нелегко.

Усмирить кельтов в Галлии вызвался Юлий Цезарь, быстро сообразив, как этого добиться. Он решил разрушить связи между вождями и их подданными, а вместо вождей назначить магистратов. «Тех, кто обладает значительной властью, придется либо подавить, либо подкупить и пообещать, что сыновья их получат образование на римский манер и станут гражданами империи. От такого еще никто не отказывался», – утверждал он.

В определенной степени подобная политика себя оправдала, однако некоторые племена оказывали упорное сопротивление. В частности, белги готовы были принять культуру, но не власть Рима, а потому бежали за море. С течением времени хитроумным и расчетливым римлянам все же удалось распространить блага цивилизации и среди населения покоренной Галлии, и на пока не завоеванном острове. Кельтские племена презирали завоевателей, но вожди кельтов регулярно получали от римских торговцев в Галлии огромные амфоры с вином, драгоценные камни и другие предметы роскоши. Кельтские правители стремились к большей власти и с завистью слушали рассказы о великолепных дворцах и виллах в столице империи. Хотя у кельтов не было своей письменности, многие вожди научились у торговцев не только разговорной латыни, но и письму.

– Да, островитяне будут сопротивляться, однако в конце концов смирятся, как и все варвары, – рассудительно заметил Клавдий.

Весной 44 года обитатели Сарума вот уже месяц ждали прихода римлян. Погода еще не устоялась: то в ясных небесах сияло солнце, заливая яркими лучами меловые хребты, то на долину напоздали тяжелые серые тучи, валил снег или сыпал град. Сегодня погода выдалась ясной, влажный юго-восточный ветер гнал по синему небу барашки белых облаков.

Все жители пятиречья укрылись в крепости.

Спустя два тысячелетия с тех пор, как огромные сарсены приволокли из каменоломни к Стоунхенджу, ландшафт практически не изменился. Долину окружали густые леса – дуб и ясень, вяз и орешник. На севере тянулись к горизонту пустынные меловые хребты, а на склонах холмов колосились поля. И все же перемены были: в тени исполинских серых камней заброшенного святилища паслись отары овец, древние меловые могильники заросли травой, а на склонах, там, где вот уже четыре тысячи лет возделывали пшеницу, лен и ячмень, землю разбили на квадратные делянки, каждая размером в двести шагов, и четко поместили их границы – где межой, где земляным валом, а где живой изгородью.

Полностью изменилось лишь одно: поросший лесом холм на взго рье у самого входа в долину. Несколько веков назад лес на нем вырубил, а площадку на самой вершине, размером в тридцать акров, обнесли двумя земляными валами, между которыми вырыли глубокий ров. Некогда лесистый холм стал голым курганом с крутыми склонами. В первый, но далеко не в последний раз Сарумский холм превратили в крепость. Сейчас меловые склоны сверкали под лучами солнца, и крепость на холме была видна издалека. Жители Сарума называли ее кельтским словом «дун».

Поселение на холме служило и крепостью, и загонем для скота, и даже рынком. В последнее время его забросили, однако, когда Сарума достигли вести о высадке римлян на побережье, земляные валы поспешно укрепили меловой щебенкой, обмазали глиной и установили у входа тяжелые дубовые ворота, для надежности подперев их бревнами, чтобы выдержать удары тарана. За валами появились всевозможные постройки – и дома, покрытые соломенными крышами, и зерновые амбары, и загоны для скота. Посреди круглой площадки был колодец, у которого высился двадцатифутовый шест с резной головой Модрон, кельтской богини войны. Богиня, окруженная тремя во ронами, гневно глядела вдаль, устрашая возможных противников. Друиды уверяли, что она не позволит врагам захватить Сарум.

На высоком земляном валу стоял голубоглазый юноша и смотрел на юг.

– От Тарадока нет вестей, – пробормотал он. – По-моему, римляне уже близко.

Несколько дней назад он отправил рыбака в гавань и велел ему вернуться, как только римляне высадятся на побережье. Ходили слухи, что Второй легион получил приказ разрушить все укрепления на юго-западном берегу. Наверняка римляне уже добрались до устья реки и вот-вот войдут в долину Сарума. Но Тарадок почему-то не возвращался.

– И где его носит?! – пробурчал молодой человек, вглядываясь в даль.

Юноша был строен, с русой бородкой и длинными усами, на манер кельтских воинов; впрочем, четко очерченный нежный рот и тонкие черты лица лишали его мужественной суровости. Одет он был в льняную рубаху до колен, перехваченную на талии широким кожаным поясом, с которого свисал тяжелый железный меч; плечи покрывала ярко-синяя прямоугольная накидка-брет, сотканная из шерсти и скрепленная у горла крупной бронзовой брошью-фибулой; довершали наряд прочные кожаные башмаки. Вид у молодого человека был властный, но не очень уверенный, однако в обеспокоенных глазах светился ум.

В его наряде больше всего выделялась не яркая накидка и не замысловатая фибула, а золотой шейный обруч, концы которого завершались золотыми изображениями головы вепря. Подобные обручи, называемые также шейными гривнами, или торквесами, свидетельствовали о знатности рода и о положении воина в обществе. Судя по всему, голубоглазый юноша был местным вождем.

Звали его Тосутиг. Он слыл храбрецом, но отличался упрямством и многого не понимал. Сейчас от него зависело будущее Сарума, крепости и всего племени. Увы, юноше было невдомек, что его тщательно продуманный замысел приведет к уничтожению всего.

Тосутиг задумчиво оглядел крепость. В его распоряжении была сотня воинов, шесть лошадей, древняя колесница – боевые колесницы давно уже не применялись в битве – и друид. О том, чтобы столкнуться с римским войском в открытом бою, не могло быть и речи, а значит, колесница бесполезна. Что ж, надо полагаться на воинов, вооруженных копьями и стрелами с железными наконечниками: защитники Сарума будут сражаться до последнего. Вдобавок, как водится у кельтов, в распоряжении Тосутига было еще одно оружие: серая галька, кучами насыпанная у парапета на валу. Кельты – и мужчины, и женщины – славились умением с невероятной быстротой метать камни из пращи. Ловкий выстрел на сотню ярдов легко валил противника с ног, и в сражении казалось, что град камней косит врагов, будто траву на лугу.

Итак, обитатели Сарума готовились к битве – и к верной смерти, – ничего не зная о замысле своего юного предводителя.

Молодой человек, озирая окрестные холмы, чуть слышно бормотал:

– Моими стараниями Сарум вернет себе былую славу, а мой род снова обретет могущество, как в древности.

Тосутиг по праву гордился своим родом: земли пятиречья принадлежали ему с незапамятных времен. Пятьсот лет назад в Сарум по меловому хребту с севера пришел отряд кельтов, которых возглавлял Кулин-воитель со своим грозным мечом. У входа в святилище Стоунхенджа им встретилась красавица Алана, последняя дочь древнего рода Круна, и Кулин взял ее в жены. Семейное предание звучало как волшебная сказка, но нынешние владыки Сарума на самом деле произошли от союза кельтского воина и наследницы древних вождей. Шли века, кельты смешивались с местным населением, а в пятиречье все чаще и чаще поговаривали, что предками Аланы были великаны, которые на руках приволокли огромные сарсены в Сарум и построили святилище за одну ночь. Властители Сарума при всяком удобном случае упоминали, что ведут род не от обычных людей, а от легендарных созданий, которым было ведомо древнее волшебство, скрытое в камнях. Впрочем, друиды предпочитали молиться своим богам в скромных храмах на лесных полянах, и в Стоунхендже обрядов больше не совершали, но семейство Тосутига до сих пор гордо именовало себя древними титулами владык Сарума и хранителей священного хенджа.

Увы, прежней властью семья больше не обладала. За прошедшие столетия Сарум испытал на себе множество превратностей судьбы, и ко времени правления отца Тосутига пятиречье считалось захолустьем, мелким пограничным поселением между владениями нескольких могущественных племен.

А всего сто лет назад Сарум процветал. К северо-востоку от пятиречья простирались обширные владения атребатов – племени воинственных белгов, заключивших выгодные торго-

вые соглашения с Римской империей. Мудрый прадед Тосутига взял в жены девушку знатного рода, дочь вождя атребатов, и попросил у вождя покровительства. В то время дун был небольшим городком, жилищем владыки Сарума, который правил пятиречьем под защитой вождя атребатов и, по обычаю предков, охотился в окрестных лесах. Дочь вождя атребатов обучила мужа и детей латинскому языку, и с тех пор правители Сарума, включая и юного Тосутига, гордились знанием латыни. Впоследствии атребаты утратили прежнюю власть и могущество, а вместе с ними – и обширные владения и защитить Сарум больше не могли. Их место заняли другие гордые племена, не ведавшие древней истории рода, правящего в пятиречье.

С племенами белгов, новыми восточными соседями, отношения не задались, хотя дед Тосутига и просватал единственную дочь за одного из вождей клана. Вождь девушку забрал, выкупа за нее не заплатил, однако и о существовании Сарума больше не вспоминал. Обитатели пятиречья жили мирно, но прозябали, в то время как другие поселения набирали силу.

Отец Тосутига, да и сам юноша считали, что основную угрозу мирному существованию Сарума представляет племя дуротригов, которые жили на юго-западе острова.

– Дуротриги попытаются дать отпор римлянам, – предупреждали Клавдия советники. – С нашими войсками они прежде не сталкивались, считают себя непобедимыми.

Дуротриги по праву гордились своими крепостями – сарумский дун с его парой земляных валов не шел ни в какое сравнение с укрепленными фортами в Мэйден-Кастле, Бед-бери-Рингсе, Ход-Хилле и множеством других, сохранившихся по сей день. Крепости окружали высокие земляные валы, числом от пяти до семи, а проход внутрь осуществлялся через сложную систему ворот, между которыми про тивника можно было запереть и разгромить. Дуротриги расселились по огромной территории на юго-западе; в их владения входила и гавань с укрепленным мысом.

Правители Сарума, как обычно, с готовностью подчинились грозным соседям.

– С дуротригами надо жить в мире, – наставлял Тосутига отец. – Они владеют гаванью и портом, в их власти не пропустить торговые корабли вверх по реке. Если с ними не считаться, тебя склюют, как червяка.

Отец Тосутига, по обычаю кельтских племен, принес дуротригам присягу на верность, признав патронат их вождя, и таким образом заручился его покровительством. Сарум располагался на северной оконечности вереницы укрепленных фортов дуротригов, а правящая им семья сохранила независимость.

Год назад отец Тосутига умер, оставив сыну гордое имя, но сомнительное наследство. Юноша, придерживаясь линии поведения, избранной отцом, отправился в крепость Мэйден-Кастл, где преклонил колени перед правителем дуротригов, крепким черноглазым стариком.

– Мой повелитель, когда придут римляне, Сарум будет сражаться до последнего, – заверил вождя Тосутиг.

Если бы старый вождь знал о честолюбивых замыслах юноши, то пристукнул бы его на месте. После того как Тосутиг удалился, старик обернулся к своим советникам и насмешливо сказал:

– Римляне придут с юга, Сарум им не нужен. Даже если его захватят, невелика потеря. Мы заманим римское войско в Мэйден-Кастл и Ход-Хилл, там и разобьем их наголову. – Он захохотал и подбросил золотую монету с вычеканенным на ней собственным профилем. – Упадёт лицом вверх – Сарум выстоит, а если лицом в грязь, то сгинет.

Советники бросились к монете, закатившейся в траву.

Весенним утром Тосутиг задумчиво смотрел на юг, а потом обернулся и учтиво поздоровался с тремя мужчинами.

Братья Нумекс и Бальба не были близнецами, но походили друг на друга как две капли воды: невысокие, кривоногие, круглоголовые, с румяными щеками, короткопалые, остроносые и серьезные не по годам. Все мужчины в их роду славились умением плотничать и работать с камнем. Нумекс сколотил дубовые ворота крепости на холме и вырезал лик богини войны. Бальба искусно красил ткани: к примеру, ярко-синий цвет шерстяной накидки на плечах Тосутига достигался красителем, извлекаемым из корней одуванчика. Красители растворяли в моче, поэтому о приближении Бальбы окружающие узнавали издали, по характерной едкой вони. Братья были одеты в такие же рубахи, что и Тосутиг, но из более грубой ткани. Накидок и украшений им не полагалось. Нумекс и Бальба заведовали снабжением крепости и пришли к Тосутигу за распоряжениями.

Третьим был друид по имени Афлек. Издали его высокая фигура внушала невольное почтение, но при ближайшем рассмотрении друид выглядел дряхлым чумазым старикашкой. В глубоких морщинах на лбу скопилась грязь, во рту торчали пеньки полусгнивших зубов, длинные седые волосы и борода свалились колтунами, ветхое рубище из бурой мешковины доходило до самых пят. На ногах друида были плетеные кожаные сандалии.

На рассвете друид спустился с холма к реке, снял сандалии и босиком отправился в рощу за омелой, а потом бронзовым ножом срезал с кустов ветви и листья – только с северной стороны, по обычаю кельтских жрецов. На берегу Афлек долго смотрел на воду, бросил в реку горсть золотого песка и вознес молитвы богам.

Тосутиг подозрительно посмотрел на друида и спросил:

– Ну что?

– Богиня Модрон обещает нам победу, – с достоинством ответил старец. – Боги благоволят Саруму.

Тосутиг промолчал. Целый сонм богов охранял древние земли Сарума: в пятиречье властвовала Сулия-целительница, богиня рек и ручьев, в роще на востоке, у священного дуба, стоял храм Кернунна, рогатого лесного божества, покровителя охотников. Кернунн иногда расхаживал среди людей, принимая облик старика, укутанного в рваную накидку, – встреча с ним сулила удачу на целый год. Поля оберегала Зерновица; древние обряды в ее честь совершали в Самайн, праздник начала зимы. Меловые гряды защищал Левкетий, бог молнии, готовый поразить любого, кто осмелится осквернить древние могильники на взгорье. Разумеется, Стоунхендж находился под покровительством легендарных предков Тосутига, десяти гигантов, – у самого старшего было три головы; даже если их отрубить, они вырастали снова. Богиня Модрон и ее вóроны оберегали крепость на холме, а род Тосутига пользовался особой милостью Ноденса, повелителя туч, поэтому ему построили отдельное святилище.

И пусть Сарум больше не славился ни могуществом, ни величием, все равно боги ему благоволили.

В прочном дубовом сундуке Тосутиг бережно хранил огромный железный меч Кулиновоителя. Все в Саруме знали, что много веков назад могучий Кулин сразил этим клинком великого северного вождя, отрубил ему голову и сделал из черепа чашу для меда. Когда Кулин поднес чашу к губам, она снова превратилась в череп, который изрек предсказание: до тех пор пока в пятиречье правит род Кулина, Сарум непобедим. Естественно, что жители Сарума во всем полагались на защиту богов.

Тосутиг с невеселой улыбкой предавался воспоминаниям, но неожиданно сообразил, что друид продолжает говорить.

– ...И тебе страшиться нечего, – заверил его Афлек. – Твой род – под покровительством друидов.

Кельтские вожди по-разному относились к жрецам. К примеру, белги и дуротриги почитали друидов, потому что те поддерживали галльских жрецов и поклонялись кельтским богам, отвергая все римское. Однако в других частях Британии власть друидов была невелика. В

последнее время на острове участились жертвоприношения богам войны в надежде, что римское вторжение будет остановлено. Еще пять лет назад друиды проводили свои обряды в священной роще неподалеку от Стоунхенджа. Отцу Тосутига приходилось заботиться о жрецах, которые постоянно жаловались на скудные дары. Наконец, к великой радости правителей Сарума, друиды решили перебраться на остров Энглси, в двухстах милях от Стоунхенджа, но недавно из Мэйден-Кастла в пятиречье пришел Афлек, которого юный вождь считал осведомителем дуротригов.

Тосутиг ничего не ответил жрецу и краем глаза заметил, как в лесу на юге сверкнул металл. Мужчины напряженно уставились в ту сторону и вскоре увидели, как колонна римских солдат марширует по лесистому склону в двух милях от крепости.

Молодой вождь решил, что пришло время исполнить свой замысел.

– Запри ворота на засов, – приказал он Нумексу. – По моему сигналу подними всех на стену.

Плотник с братом поспешно ушли в крепость.

– О Модрон, богиня войны, разбей врага! – выкрикнул друид. – О Ноденс, повелитель туч, защити своих слуг! – Он порывисто схватил Тосутига за рукав. – Помни, Модрон сулит тебе победу. Боги уберегут нас от римлян.

Юноша покачал головой и пробормотал:

– Вот так же друиды обещали, что римляне не переплывут пролив...

И действительно, за год до вторжения друиды возвестили, что морская пучина поглотит римский флот и что ни один римский воин не ступит на священную землю острова.

– Уходи! – презрительно процедил Тосутиг жрецу и отвернулся.

– Я готов сражаться бок о бок с тобой, – изумленно промолвил Афлек.

– Нет, римляне тебя схватят и убьют, они всех друидов убивают, – покачал головой юный вождь. – Вдобавок ты мне не нужен. – (Друид недоуменно посмотрел на него.) – Я сдам крепость римлянам и заключу с ними мирный договор, – невозмутимо по яснил Тосутиг.

Вторжение в Британию оказалось до смешного легким. Летом 43 года четыре римских легиона под началом Авла Плавтия высадились в Кенте, победным маршем прошли по юго-востоку, убили брата дерзкого вождя Каратака, а через несколько дней разгромили и войско самого Каратака. После победы над катувеллаунами император Клавдий лично прибыл в Британию с отрядом боевых слонов и в нескольких милях к северу от Темзы принял изъявления покорности от шестнадцати кельтских племен, среди которых были и атребаты. Впрочем, не все кельтские вожди объявили себя друзьями Римской империи и признали ее господство. Гордые дуротриги отказывались покоряться.

Клавдию было все равно – военный триумф был обеспечен. Император, облеченный славой полководца, провел на острове шестнадцать дней, назначил Авла Плавтия первым наместником новой провинции Британия, поручив ему подавить сопротивление оставшихся кельтских племен, а сам вернулся в Рим, где сенат встретил императора с подобающими почестями.

– Отправим войска на север и на запад, – решил Авл. – А Второй легион под началом Веспасиана захватит крепости на юго-востоке.

Легат Веспасиан, человек молодой, уже был ветераном нескольких военных кампаний и считался образцовым военачальником. Лицо его, суровое и невозмутимое, внушало солдатам уважение. Женщины им восхищались. Веспасиан был человеком рассудительным, честолюбивым и жестоким – эти качества впоследствии помогли ему занять императорский трон. Итак, намереваясь усмирить непокорные кельтские племена, легат во главе Второго легиона выступил в поход вдоль южного побережья острова.

Первая крепость дуротригов не произвела впечатления на римлян. Она стояла на невысоком холме у гавани, окруженная двумя высокими стенами в двадцать футов высотой. В цен-

тре стен виднелись дубовые ворота, утыканые чугунными шипами и укрепленные толстыми бревнами. Сама гавань дышала покоем, над тихими водами летали журавли. Защитники крепости полагали себя в безопасности. В общем, крепость напоминала дун в Саруме, за исключением того, что на берегу стояли несколько амбаров и два деревянных причала, у которых покачивались лодки. Неподалеку располагалась круглая постройка с дырой в крыше, откуда валил дым; там дуротриги чеканили серебряные монеты, которые имели хождение среди галльских купцов.

Легат, осмотрев крепость, пожал плечами и презрительно усмехнулся.

Дуротриги в ярких накидках вышли на стены крепости и, потрясая копьями, осыпали римлян оскорблениями. Один из воинов размахивал алым стягом – знаменем бога войны.

– Мы готовы сразиться один на один с вашими самыми сильными воинами! – кричали дуротриги. – Покажите нам своего предводителя!

К удивлению кельтов, римляне не стали нападать. За несколько часов они соорудили перед воротами земляную насыпь и подкатили к ней огромную катапульту и несколько телег с громадными валунами.

Неподалеку от ворот Веспасиан уселся на кожаный стул и невозмутимо продиктовал писцу следующее сообщение:

Первая крепость дуротригов стоит на берегу моря, у гавани, и обнесена двумя стенами. Все подтверждает имеющиеся у нас сведения: кельтские воины храбры, но недисциплинированны. Ворота разрушены, крепость взята.

– Отнеси послание наместнику, – велел он писцу. – На закате крепость будет нашей.

По кивку легата катапульту зарядили, и громадный валун, пролетев по широкой дуге, врезался в деревянные створки. Ворота затрещали. Чуть погодя второй камень пробил створки насквозь.

– Вперед! – скомандовал Веспасиан.

Дуротриги впервые столкнулись с отлаженной, невозмутимой силой римских воинов. По команде центуриона восемьдесят бойцов, в то время составлявших центурию, выстроились в боевом порядке, прямоугольником с минимальным расстоянием между рядами, подняв над головой щиты так, что их края находили друг на друга, а воины в передних и боковых рядах сомкнули щиты вертикально. Это формирование называлось «тестудо», «черепаша», и применялось римлянами как в полевых сражениях, так и при осаде. Воины слаженно двинулись к воротам и, надежно укрытые бронзовыми щитами, беспрепятственно вошли в крепость под градом копий, стрел и камней, выпущенных из пращей защитников. За первой центурией незамедлительно последовала вторая, а затем и третья.

Медленно и неумолимо римские воины начали истреблять дуротригов. Стена щитов неожиданно раздвигалась, и оттуда вылетали тяжелые короткие копья-пилумы, насквозь пробивая черепа защитников крепости. Резкие удары мечей-гладиев метко разили дуротригов, бросавшихся на непроницаемую стену щитов. За несколько часов до заката все было кончено, как и предсказывал Веспасиан.

Римляне забрали товары из амбаров и лодок у причала. Хозяин монетного двора успел спрятать под полом хижины две тысячи серебряных монет, но его самого убили римские солдаты. Клад обнаружили только две тысячи лет спустя.

На противоположном берегу гавани, в зарослях камышей, прятался единственный свидетель резни – высокий худощавый мужчина с узким лицом и близко посаженными темными глазами. Убедившись, что все защитники крепости погибли, он выбрался из укрытия и уселся в широкую лодку, деревянный каркас которой обтягивали дубленые шкуры. Хитроумный рыбак Тарадок не стал грести вверх по реке, чтобы предупредить Тосутига о предстоящем нападении римлян, а незаметно выскользнул из гавани в открытое море.

Через три дня после разгрома крепости на берегу гавани в Сарум отправился небольшой отряд – вексилляция, – состоявший из единственной центурии и двух конников. За отрядом везли катапульту. Тосутиг заметил, что возглавляет колонну всадник.

В дуне все было готово к встрече римлян. Афлека на веревках спустили с крепостного вала на северной стороне, но перед этим друид во всеуслышание проклял юного вождя:

– Да обрушится на тебя гнев богов! Ты нарушил клятву, данную вождю, и заслужил презрение соплеменников. Отныне имя тебе – Тосутиг Клятвопреступник.

С тех самых пор кельты иначе его не называли, но Тосутигу было все равно – его занимали мечты о будущем величии и возрождении Сарума. По мнению юноши, все шло как было задумано.

Следует признать, что в наивном замысле юного вождя было рациональное зерно. В 43–44 годах у племенных вождей не было особого выбора: сопротивляться римлянам было бесполезно. Однако завоеватели проявляли снисхождение и даже щедрость к тем, кто им не противостоял. В последующие годы многие вожди, установив дружественные отношения с Римом, стали независимыми царями-клиентами, разбогатели, обзавелись роскошными виллами и обеспечили своим сыновьям римское гражданство. Через несколько поколений они составили костяк провинциальной знати и передали власть в руки магистратов, назначаемых Римом.

Тосутиг прекрасно понимал, что Сарум ему не удержать, – перед военной мощью Рима бессильны даже грозные дуротриги. Юному вождю не оставалось ничего иного, как переметнуться к римским завоевателям, – об этом он мечтал с тех самых пор, как узнал о высадке войск Клавдия.

Однако Тосутиг был честолюбив. Он догадывался, что дуротриги, ненавидевшие римлян, будут отважно сражаться за каждый клочок своих владений, но в конце концов падут, раздавленные превосходящей мощью противника. Скорее всего, решил юноша, в Британии, как и в других провинциях огромной Римской империи, завоеватели станут полагаться на дружественных местных вождей. В таком случае Тосутиг не собирался упускать свою выгоду.

«Я кельт, но хорошо знаю латынь и готов принести клятву верности римлянам, не то что дуротриги, которые ненавидят завоевателей и никогда с ними не примирятся. Я смогу быть полезным наместнику новой провинции», – рассуждал он, представляя в дерзких юношеских мечтах, как благодарный император одарит его землями дуротригов или хотя бы вернет право владения гаванью.

И вот долгожданный миг настал. Тосутиг, желая поразить римлян, приказал всем защитникам дуна выйти на стены.

Римляне, приблизившись к холму, разглядывали сверкающие меловые насыпи. Всадник во главе колонны спешил и пристально посмотрел на дун.

Тосутиг вышел вперед и приказал:

– Откройте ворота!

Юный вождь неоднократно представлял себе первую встречу с римлянами, но все мечты его пошли прахом.

Тосутиг торжественно спустился с холма и подошел к римлянам. Его встретил всадник. Юноша с трепетом взглянул в суровое лицо с квадратным подбородком, крупным носом и внимательными карими глазами, запнулся, потом широко раскинул руки и воскликнул на латыни:

– Добро пожаловать! Меня зовут Тосутиг, владыка Сарума. Я союзник Рима.

Командовал вексилляцией сам Веспасиан. Он холодно посмотрел на юношу и ничего не ответил. Так называемая крепость его не страшила, но раз ее защитники не намеревались сопротивляться, то в легион можно вернуться уже на следующий день, не теряя времени даром.

– Ты знаешь латынь, – равнодушно отметил он.

– Как мой отец и дед, – радостно кивнул Тосутиг и торопливо добавил: – Моя бабушка была дочерью вождя атребатов, племени, заключившего дружественный союз с Римской империей.

Веспасиан сразу понял, что юноша старается войти в доверие к римлянам. Впрочем, легата не интересовали ни Сарум, ни его так называемая крепость. По слухам, на взгорье стояло древнее святилище. Там наверняка обосновались проклятые друиды, которых Веспасиан собирался уничтожить, прежде чем двинуться на запад и расправиться с дуротригами.

– Где расположен каменный храм? – спросил он.

– Неподалеку, к северу отсюда, – ответил Тосутиг. – Он заброшен.

– Проводи нас туда, – велел Веспасиан.

Короткая поездка стала судьбоносной для юного вождя. Тосутиг, узнав, что находится в присутствии самого легата, изо всех сил старался произвести на него впечатление. Веспасиан, в сопровождении двух конников, скрывал усмешку, глядя на то, как юноша седлает свою лучшую гнедую кобылу, – по сравнению с персидскими и африканскими скакунами кельтские лошади были приземистыми, большеголовыми и тяжеловесными. По обычаю кельтов, в лошадиный корм подмешивали побеги тиса, чтобы шерсть блестела, а уздечку украшали золотом. Веспасиан ехал на буланой лошади, украшений на нем не было, только рукоять меча чуть слышно позванивала о бронзовый нагрудник.

Влажный ветер с моря гнал над взгорьем тяжелые серые облака. На склонах меловых холмов паслись отары мелких бурых овец, зеленели поля, кое-где виднелись круглые хижины под соломенными крышами.

Тосутиг с гордостью оглядел окрестности и заметил:

– Хорошие земли.

Веспасиан задумчиво кивнул – он уже понял, как ими распорядиться.

– Это твои владения? – уточнил он.

– Да, эти места издавна принадлежат нашему роду, – ответил юный кельт. – И взгорье, и земли на юго-западе. Мы живем в долине.

Предки Тосутига, как многие знатные кельты в те времена, выстроили свое скромное жилище в нескольких милях к северу от крепости на холме. За оградой стояли два круглых, крытых соломой дома – каждый тридцать футов диаметром, – десяток хозяйственных построек и святилище бога Ноденса.

Римляне мельком взглянули на многочисленные могильники, поросшие короткой жесткой травой.

– Это могилы моих предков, – поспешно объяснил Тосутиг, надеясь, что уж теперь-то легат наверняка поймет, с каким важным человеком имеет дело.

В Стоунхендже Веспасиан с любопытством осмотрел кольцо исполинских камней. Видно было, что святилище давно забросили.

– Друиды здесь появляются? – спросил он.

– Нет, – покачал головой Тосутиг. – Они ушли отсюда еще при моем отце.

– А человеческие жертвоприношения совершали?

Юноша замялся, хорошо зная о ненависти римлян к друидам. Впрочем, он и сам с отвращением относился к жестоким обрядам, хотя и молился кельтским богам. Однажды, лет десять назад, в неурожайный год, друиды собрались в святилище и принесли в жертву младенца.

– Бывало и такое, – неохотно признал кельт.

Римлянин с отвращением поморщился.

– Друиды ушли на север, во владения дуротригов, – объяснил Тосутиг. – Они предпочитают молиться в священных рощах, а не в хенджах.

– Если встретишь друида, ты обязан его схватить, заковать в кандалы и отправить ко мне, – холодно приказал Веспасиан.

– Будет исполнено, – ответил юноша.

Судьба друидов не волновала кельта – он знал, что римляне, захватив Британию, истребят ненавистных жрецов. Ему страстно хотелось произвести благоприятное впечатление на легата, но Веспасиан ничем не выдавал своих мыслей. С самого начала римлянин понял, что честолюбивый юноша не обладает никакой властью и наивно надеется на успех своих замыслов. Веспасиан, прекрасно разбиравшийся в людях, знал, что Тосутигу нечего предложить, кроме дуна на холме, но легату доставляло удовольствие наблюдать за неловкими потугами юнца, который так гордился своими скудными познаниями и запинаящимися, неуклюжими речами на латыни.

– Чего ты хочешь просить у Рима? – осведомился Веспасиан на обратном пути.

Юноша вздрогнул, но тут же собрался с мыслями, радуясь неожиданному случаю.

– Я хочу стать царем-клиентом и гражданином Римской империи, – отчеканил он давно заготовленный ответ.

«И сенатором...»

Тосутиг хотел высказать свою сокровенную мечту, но не решился, хотя всем было известно, что некоторым знатным владыкам из римских провинций иногда выпадала такая честь; самые знатные римляне обращались с ними на равных, и провинциальные царьки гордо расхаживали по Риму в тогах с широкой каймой.

– Ах, ты хочешь стать царем-клиентом! – воскликнул Веспасиан, удивляясь непомерному тщеславию и честолюбию юного глупца. – А чего еще ты желаешь?

– Чтобы мне вернули древние владения моего рода – гавань и прилегающие к ней земли. Мне известно, как извлечь из них наибольшие прибыли, – торопливо объяснил Тосутиг.

Легата это не интересовало, но юный кельт напыжился от гордости, решив, что его деловая хватка произвела благоприятное впечатление на римлянина.

– А еще чего? – невозмутимо спросил Веспасиан, с трудом скрывая насмешку, но желая продлить удовольствие от жестокой шутки.

Тосутиг давно уже придумал, чего именно потребует от римских властей, и даже готовился обратиться непосредственно к наместнику провинции. Юноша восторженно посмотрел на легата – этот военачальник, легионы которого вот-вот разгромят дуротригов, наверняка на хорошем счету у наместника, а значит, ему можно доверять. «Лучшего случая не представится, – подумал Тосутиг. – Веспасиан поможет донести мой замысел до наместника».

Отринув подозрительность, юноша вытащил из-за пазухи пергаментный свиток, адресованный Авлу Плавтию. В письме, которое Тосутиг украдкой составлял бессонными ночами, содержался хитроумный план по возвращению Саруму прежней славы. Свиток был не запечатан.

– Вот, читай, – гордо заявил кельт.

Веспасиан изумленно ознакомился с содержанием письма. Корявый почерк и грамматические ошибки развеселили бы любого римского мальчишку, а тщеславные устремления юного кельта не знали границ: он просил отдать ему во владение всю юго-западную оконечность острова. Дерзкий замысел, еле прикрытый лстивыми уверениями в почтении и признательности, заключался в следующем: Тосутиг бесконечно предан Риму и вы не пожалеете, назначив его владыкой над землями дуротригов.

– Дуротриги ненавидят римлян, – восторженно объяснил юнец. – Они будут биться насмерть, а после того как их все-таки завоюют, начнут бунтовать и устраивать мятежи, для усмирения которых необходимо будет присутствие постоянных войск, а это дорого. Вожди дуротригов никогда не покорятся Риму. Но я знаю, как с ними обращаться, потому что я сам

– кельт, хотя и всецело преданный империи. Я буду верным клиентом Рима, если мне отдадут все или почти все земли дуротригов... – с надеждой в голосе заключил он.

Подобные амбиции ошеломили даже Веспасиана. Впрочем, в нелепых замыслах дерзкого юноши прослеживалась некоторая логика, хотя, разумеется, они были совершенно неисполнимы. Гордые дуротриги не желали покоряться даже могущественной Римской империи, а уж тем более этому юнцу – предателю и клятвопреступнику.

В глубине души Тосутиг это понимал, но слишком уж заманчивой была мечта вернуть Саруму былую славу и отомстить дуротригам за долгие годы бесчестия. Юноша надеялся, что римские завоеватели, незнакомые с островом и его обитателями, обрадуются возможности с легкостью разрешить задачу управления провинцией. Увы, он не представлял себе, с какой тщательностью власти империи собирали и изучали сведения о самых далеких уголках своих бескрайних владений.

Сообразив, как воспользоваться наивностью недалёковидного юного мечтателя, Веспасиан с невозмутимой торжественностью ответил:

– Я передам наместнику твое послание. Однако царь-клиент обязан служить не только наместнику провинции, но и самому императору. Клавдий верит не словам, а делам.

Тосутиг взволнованно посмотрел на собеседника – о таком благоприятном развитии событий юноша даже не мечтал.

Веспасиан хорошо помнил, что захват новой провинции Клавдий предпринял в первую очередь для того, чтобы нажиться самому, – об этом император заявил Авлу Плавтию перед отъездом с острова.

– Тебе надо доказать, что ты верный друг императора, – посоветовал легат юнцу.

– А как это сделать? – спросил Тосутиг.

Веспасиан с напускным удивлением поглядел на него и ответил:

– Подари ему земли. Твои владения велики, а в личном пользовании императора – не так уж и много.

Тосутиг огорченно вздохнул. Он знал, что кельтские вожди и прежде приносили римским императорам щедрые дары в обмен на выгодные соглашения, но расставаться с родовыми владениями, и без того обмельчавшими, в его планы не входило.

– И много придется подарить? – неуверенно осведомился он.

– Не волнуйся, родовое поместье ты сохранишь, – успокоил его Веспасиан. – Императору будет достаточно земель на юго-западе, граничащих с владениями дуротригов, и вот на этом взгорье.

– Но ведь это три четверти моих владений! – простонал Тосутиг.

– Что ж, это невеликая плата за титул царя-клиента, – невозмутимо возразил легат.

Юноша запоздало сообразил, что в его просьбе может быть отказано, даже если он подарит свои владения императору.

– А если меня это не устраивает? – спросил он.

– Кто знает, удастся ли тебе их сохранить, – с улыбкой произнес Веспасиан.

Только сейчас Тосутиг понял всю глупость своей затеи. Он оказался в весьма невыгодном положении: если римляне того пожелают, то отберут у него все земли. Дуротриги не встанут на его защиту, потому что он их предал, а восточные соседи – белги и атребаты – вряд ли вспомнят о его существовании. Выбора у него не осталось, крепость он уже сдал, и предложить Веспасиану больше нечего.

Тосутиг и не подозревал, что захватывать Сарум Веспасиан не собирался: завоеванные земли автоматически переходили под контроль войска, а это означало, что здесь, в захолустье, пришлось бы расквартировывать гарнизон. Нет, эти холмистые просторы и плодородные равнины не принадлежали ни одному из могущественных племен, а потому как нельзя лучше подходили именно для подарка императору. Требовалось всего лишь составить документ, име-

ющий законную силу, – дарственную, по которой нынешний владелец передавал земли Клавдию. Тосутиг понятия не имел ни о римских законах, ни о тонкостях управления имперскими провинциями и не подозревал, что подобный документ не только упрочит положение Веспасиана при дворе императора, но и будет использован для того, чтобы убедить других вождей последовать примеру наивного владыки Сарума.

На самом деле Веспасиан согласился бы принять в дар половину названных им земель в обмен на римское гражданство, однако огорченный юноша не догадался этого попросить.

– У меня нет выбора, – взволнованно пробормотал Тосутиг.

Остаток дороги по меловым грядам спутники проехали в молчании. В крепости, под изумленными взглядами Нумекса и остальных жителей Сарума, писец под диктовку Веспасиана составил дарственную.

Я, Тосутиг, наследный вождь и союзник Римской империи, в присутствии легата Веспасиана, передаю в дар Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику, божественному императору Рима, все земли, принадлежащие мне на взгорье и к юго-западу от каменного святилища.

Легат предложил Тосутигу подписать пергамент и заверил, что документ по всей форме составят позднее.

– Кстати, как называется эта крепость? – внезапно спросил Веспасиан. – Нельзя оставлять владения без имени.

– Дун, – буркнул Тосутиг.

– А речка?

– Афон.

Это кельтское слово обозначало реку.

– Авон? – недовольно поморщился легат. – Нет, не подходит. Тихая река... Сорбио... Что ж, назовем место Сорбиодун.

60 год от Рождества Христова

В сгустившихся сумерках волны с унылым плеском накатывали на каменистый берег Уэльса. Впрочем, может быть, это сам Портий пребывал в унылом расположении духа.

Соленый морской ветер отыскивал лазейку в стенке палатки и ворвался внутрь. Пламя масляной лампы заплясало, но римлянин не обратил на это внимания, сосредоточенно склонившись над пергаментным свитком. Юноша еще больше взъерошил и без того непослушные черные кудри, поудобнее устроился на складном походном стуле и медленно вывел на пергаменте опасные слова:

Между нами говоря, любезный отец, провинцией управляют из рук вон плохо. Жители вот-вот взбунтуются, а виноват в этом наместник.

Рука его замерла. Стоит ли говорить об этом в письме, которое нужно отправить в родительское имение на юго-востоке Галлии? Вдруг письмо вскрыют осведомители императора? Что, если Портия обвинят в предательстве? Вдобавок место в свите наместника он получил только благодаря связям будущего тестя. Юноша грустно покачал головой, отложил пергамент и взялся за другое письмо.

Два дня назад, любезные родители, мы уничтожили последних друидов в Британии. Случилось это весьма странным образом. Оплотом друидов был крошечный островок, называемый Мона, что лежит за землями декеанглов на западном побережье Британии. Наместник приказал расправиться с проклятыми друидами, поэтому весь Четырнадцатый легион вместе с Двадцатым легионом приготовились к переправе через узкий пролив. По всему

побережью острова друиды разожгли костры. Яркое пламя, грохот прибоя и дикие вопли варваров на миг остановили храбрых воинов – но только на миг! Пехота переправилась в лодках, а конники переплыли пролив верхом. Противники сражались храбро, однако в конце концов им пришлось сдаться. Больших потерь мы не понесли...

Портий разжал уставшие пальцы. Рассказ о сражении звучал пристойно, его можно прочитать и матери, и сестрам. В действительности все происходило иначе.

Храбрых воинов остановили не костры в ночном мраке, не грохот прибоя, не варвары, колотившие копьями по щитам, не заунывные проклятия друидов и даже не вид обнаженных человеческих тел, приносимых в жертву жестоким кельтским богам.

Нет, самым страшным оказались... женщины.

Полуобнаженные, выкрашенные ярко-синей вайдой, простоволосые женщины, выскочив вперед, размахивали ножами и копьями, приплясывали и подпрыгивали как безумные. Хуже всего были пронзительные, улюлюкающие вопли – над водой звучал дикий, непрерывный, нечеловеческий крик, от которого мороз пробирал по коже.

По рядам легионеров пронесся шепот:

– Это фурии!

На миг Портию показалось, что солдаты не пойдут в бой, но один из центурионов насмешливо выкрикнул:

– Ну что, трусили? Девоч испугались?

Легионеры, стяхнув оцепенение, приготовились к битве.

Бой был ужасен. Вымуштрованные легионеры споро расправлялись с ордой варваров, короткие мечи рассекали тела жрецов и воинов, женщин и детей. На отмелях росли горы трупов, прибоя побагровел от крови. Когда все было кончено, в живых осталось только два друида – глубокие старики, которые бессильно шамкали беззубыми ртами, проклиная римлян. Легионеры затолкали их в клетку, сплетенную из ивовых ветвей, и сожгли на костре.

– Они так же поступают со своими соплеменниками, – объяснил Портию один из солдат.

Молодой римлянин знал, что кельтские жрецы отправляли на костер только преступников, но, как известно, с победителями не спорят.

Портий помотал головой, отгоняя жуткие видения, и продолжил письмо:

Через несколько дней наместник намерен вернуться в новый город, называемый Лондиниум, и следующее мое послание придет к вам оттуда.

От усталости смыкались глаза, рука дрожала. Пора заканчивать:

Любезные родители, я весьма благодарен сенатору Гракху, которого вскоре надеюсь назвать своим тестем, за предоставленную мне возможность лично засвидетельствовать победоносное шествие римской армии и, может быть, даже самому отличиться в одном из сражений. О милой Лидии я думаю ежечасно и считаю дни до нашей следующей встречи в славной столице империи.

*С глубоким почтением,
ваш сын Гай Портий Максим*

Юноша печально вздохнул. Лидия... Может быть, через год они увидятся. Здесь, в холодном северном краю, среди вечных туманов, он часто вспоминал ее лучезарную улыбку. Ему самому было удивительно, что они с Лидией обручены. Лидия – третья дочь Гракха, влиятельного сенатора из древнего рода, а он, Портий, – безвестный провинциал, хотя и из уважаемого сословия всадников, но вряд ли подходящий муж для дочери знатного римлянина. В обычных обстоятельствах юноша никогда не встретился бы с Лидией, но удача ему улыбнулась: однажды

ему довелось сопровождать дальнего родственника, который служил магистратом в Риме, в дом сенатора. Там они случайно увиделись с Лидией и полюбили друг друга с первого взгляда. За такую дерзость Портию вполне могли отказать от дома – вежливо, но окончательно и бесповоротно. К счастью, страдания влюбленной Лидии, совершенно неподобающие для дочери знатного рода, растрогали сенатора Гракха. К тому же у него было еще два сына и две дочери, так что настойчивым просьбам Лидии пришлось уступить.

– О юном Портии никто плохого слова не скажет, – утешала сенатора жена.

– И хорошего тоже, – раздраженно возразил седовласый сенатор.

Портий мечтал попробовать свои силы на литературном поприще и даже написал пару легкомысленных эпиграмм, которыми восхищалась Лидия, однако этим все и закончилось. Доходы имения в Южной Галлии позволяли семье сохранять положение в обществе, но и только. По совету отца Портий решил заняться юриспруденцией, впрочем тоже без особого успеха.

– Дочери Гракхов не пристало выходить замуж за ничтожество, – ворчал сенатор. – Придется как-то поспособствовать жениху.

После долгих размышлений сенатор обратился к Гаю Светонию Паулину, недавно назначенному наместником Британии, и попросил принять юного Портия в свиту.

– Пусть проведет годика три в провинции, может, чего-нибудь путного добьется или погибнет от рук варваров, мне все равно, – объяснил сенатор.

Предложенный пост, хотя и неофициальный, давал двадцатилетнему Портию прекрасную возможность обзавестись полезными знакомствами в непосредственном окружении наместника, называемом *cohors amicorum*, свита друзей. Юноши из знатных семейств таким образом постигали основы имперского управления и впоследствии занимали важные государственные посты. Гракх надеялся, что Портий сумеет хорошо зарекомендовать себя и станет достойным мужем Лидии. Пребывание юноши в далекой провинции имело и другое преимущество.

– Может быть, Лидия о нем забудет, – сказал сенатор жене. – Ей уже тринадцать. Если повезет, за это время подыщем ей жениха получше.

– Будем надеяться, что юноша проявит себя с наилучшей стороны, – подбодрила его жена.

Сенатор призвал к себе Портия и сурово объявил:

– Я отдам за тебя дочь, только если ты добьешься успеха. В противном случае видеть тебя я не желаю.

Портий понимал важность своего назначения: Гай Светоний Паулин был человеком влиятельным. Надменный и раздражительный претор прославился успешными военными кампаниями в Мавритании и первым из римлян пересек Атласский хребет. Войну и горы он любил больше всего на свете и слыл любимчиком императора Нерона.

Шесть лет назад Клавдий скончался. Его молодая жена, честолюбивая красавица, мечтавшая об имперском престоле для сына от предыдущего брака, заставила мужа усыновить юношу и после этого отравила императора.

Престол унаследовал Нерон – юноша способный, но несдержанный. Став императором, он первым делом приказал убить мать и начал весьма своеобразно править империей. Больше всего ему нравилось музицировать на пирах и участвовать в поэтических состязаниях. Публичные выступления Нерона ошеломляли сенат куда больше, чем речи заики Клавдия, однако к управлению государством он привлекал людей неординарных и талантливых, к примеру философа Сенеку и прославленного военачальника Светония.

В окружении Светония было немало способных людей: Гней Юлий Агрикола, доблестный военный трибун, несколько юношей из знатных римских семейств и двадцатичетырехлетний Марк Марцеллин, к мнению которого прислушивались все остальные. Марк держал себя с достоинством, больше присущим человеку лет тридцати, и прекрасно исполнял любые пору-

чения. Legionеры и Светоний относились к нему с уважением. Ясно было, что он пойдет по стопам Агриколы или даже самого наместника. Высокий мускулистый юноша с правильными чертами лица, крупным носом и красивыми черными глазами, над которыми сходились густые брови, внушал Портию неимоверное восхищение.

В первые месяцы после приезда в Британию Портию пришлось нелегко: наместник не обращал на него внимания, а родовитые юноши, снисходительно взирая на молодого человека без связей и средств, не стремились принять его в друзья. Марк проникся к нему сочувствием и заявил остальным:

– Негоже нам чураться юного Портия. Он юноша старательный, о нем никто худого слова не скажет.

Светоний, который не замечал Портия в Камулодуне¹, где располагалась временная ставка наместника, теперь начал давать ему небольшие поручения и обнаружил, что молодой человек трудолюбив и смышлен.

– В бою он пока не отличился, но юноша толковый, – однажды сказал наместник своим легатам.

Подобной похвалы редко кто удостоивался, поэтому один из легатов осмелился спросить:

– А откуда он взялся?

– За него сенатор Гракх поручился, собирается за него дочь отдать, – честно признался Светоний. – А Гракхам отказывать не стоит, сами понимаете.

Портий, задумчиво уставившись в темноту, мечтал о Лидии. Перед его глазами всплыло прекрасное видение: юная девушка, не подозревая о присутствии посторонних, гуляла в саду на римской вилле сенатора. В тот день Лидии исполнилось тринадцать лет. Каштановые волосы, по тогдашней моде заплетенные в косу, замысловатым венком окружали прелестную головку; сквозь тонкий лен скромного белого платья, присобранного на талии, просвечивали очертания хрупкой девичьей фигурки и высокая грудь. Портий влюбился с первого взгляда, понимая, что ему несказанно повезло: девушки знатного рода до свадьбы не появлялись в обществе. Вдобавок Лидия, очаровательная большеглазая смуглянка, хотя и достигла брачного возраста, была еще не просватана. Наивная девушка, в сущности еще совсем ребенок, отличалась упрямым, но отходчивым нравом, и Портий считал ее совершенством. Лидия полагала возлюбленного человеком исключительным, и это ему льстило.

Юноша печально вздохнул. Выжить в далекой северной провинции ему помогали лишь мечты о свадьбе. Через два года Лидия станет совсем красавицей. Он ясно представил себе торжественную брачную церемонию: вот у входа в дом Гракхов собираются факельщики, звучит эпиталама – свадебное песнопение «Гимен, о Гименей!» – а Лидия в фамильном храме приносит в жертву ларам, богам домашнего очага, свое девичье платье и игрушки. Потом девушку оденут в длинное белое одеяние и накроют ярким шафранным покрывалом волосы, заплетенные в шесть кос, как у весталок. О, как Портий мечтал о том дне, когда ему будет позволено погладить шелковистые каштановые пряди, вдохнуть их чудесный аромат!

А затем при свете факелов невесту проведут в дом жениха, где она окропит двери оливковым маслом и обовьет притолоку шерстяными повязками. Он, Портий, подхватит Лидию на руки и, провожаемый восторженными выкриками гостей и скабресными напутствиями, перенесет через порог...

Резкий порыв ветра хлопнул полотнищем у входа, и в палатку заглянул Марк.

– Любовное послание сочиняешь? – с дружелюбной улыбкой спросил он.

– Нет, пишу родителям о нашей победе.

---

¹ Камулодун (лат. Camulodunum) – римское поселение на территории современного Кольчестера в графстве Эссекс. – Здесь и далее примеч. перев.

– Да, жестокая была битва, – вздохнул Марк. – Кстати, наместник тебя похвалил, сказал, что ты себя достойно вел на переправе, как настоящий воин.

Портий зарделся от удовольствия.

– Утром выходим в разведку, на западную оконечность острова, – продолжил Марк. – Пойдешь с нами?

– Конечно! – обрадованно воскликнул Портий, понимая, что ему оказывают огромную честь.

Марк с любопытством взглянул на юношу. Особыми достоинствами Портий не блистал. Каким образом ему удалось обручиться с дочерью знатного сенатора? Может, девушка – редкая уродина, которую никто не желает взять в жены?

– Рассказал бы хоть, какая она из себя, твоя драгоценная Лидия, – улыбнулся он.

– Ах, я тебе сейчас покажу! – с жаром произнес Портий и гордо протянул приятелю портрет на деревянной дощечке размером с ладонь.

– Какая красавица! – ахнул Марк.

– О да, – восторженно кивнул Портий. – Через два года я вернусь в Рим, мы поженимся и обязательно приедем в Британию, я вас познакомлю.

Девушка и в самом деле была очаровательна.

– Буду рад знакомству, – задумчиво ответил Марк, отчаянно завидуя приятелю. – Что ж, до завтра.

После его ухода Портий добавил к своему посланию приписку о похвале наместника и погрузился в размышления. Думал он не о Лидии и даже не о себе, а о делах государственных. В последнее время его весьма тревожили некоторые аспекты имперской политики в отношении провинций. Наконец он взял отложенный свиток и принялся писать:

Досточтимый отец!

Обращаюсь к тебе за мудрым советом, но умоляю не рассказывать об этом никому, даже моей любезной матушке.

Дело в том, что мы, распространяя среди варваров цивилизованные имперские обычаи, совершенно забываем о местных традициях, из-за чего коренное население провинции нас возненавидело.

Недавно мы построили великолепный храм в Камулодуне и, как принято, назначили его жрецами местных вождей. Однако значительные средства на содержание храма, как известно, взимаются со жрецов, для которых такие расходы непосильны. В результате, вместо того чтобы чтить нашего божественного императора, они предпочитают поклоняться своим языческим богам.

Более того, если ты помнишь, покойный император, божественный Клавдий, поощрял вождей-клиентов и оказывал им покровительство, но нынешний император их ненавидит. Финансовый надзор над провинцией поручен прокуратору Кату Дециану, человеку ленивому и корыстному. Прокуратор отбирает у вождей имущество, заявляя, что оно принадлежит империи. Разумеется, вожди справедливо негодуют и полагают римлян клятвопреступниками.

Однако главная беда в другом: кельтские вожди погрязли в долгах, и один из самых главных римских кредиторов – не кто иной, как философ Сенека! А ведь еще совсем недавно я с восторгом пытался следовать его постулатам о том, что жить следует скромно, быть милосердным и отвергать мирскую роскошь. Оказывается, он ссудил местным вождям миллионы сестерциев, а теперь запаниковал и вместе с остальными кредиторами настаивает

на возвращении долга с процентами, однако возжди, лишённые последнего имущества, не могут с ним расплатиться.

По-моему, для процветания провинции необходимо не только выиграть войну, но и завоевать мир, но если нам веры нет, то добиться этого невозможно. Увы, наместник, хотя и великий человек, озабочен только проведением военных кампаний в горах, дабы упрочить свою репутацию доблестного полководца, а прокуратор – редкий негодяй. Похоже, бунта не избежать. Обстановка на востоке накалилась, особенно в землях тринобантов и иценов.

Подобное мнение наверняка разделяют и другие в свите наместника, но огласить его боятся – Светоний всем внушает страх. Я не представляю, что можно предпринять, чтобы исправить положение, а потому смиренно прошу твоего совета...

Портий удовлетворенно перечитал послание и решил, что мысли свои выразил ясно и четко, в емких, звучных выражениях. Теперь предстояло решить, стоит ли отправлять это опасное письмо. А вдруг оно попадет в чужие руки или его вскроют? Может быть, лучше его сжечь?

Умом он понимал, что вмешивается не в свое дело, но совесть не позволяла ему молчать, и Портий терзался тревожными мыслями, пока не уснул.

На рассвете в палатку ворвался Марк:

– Вставай, вставай скорее!

Портий с трудом приоткрыл глаза и пробормотал:

– В чем дело?

– Ицены взбунтовались, – мрачно ответил приятель.

Отправлять послание отцу не имело смысла.

Как выяснилось, гордое племя иценов, населявшее восточную оконечность Британии, взбунтовались по вине прокуратора. Недавно умерший вождь иценов Прасутаг завещал свое огромное богатство двум дочерям и объявил императора Нерона их опекуном, однако Кат Дециан немедленно отобрал все их имущество и земли, оставив войска для усмирения возмущенных иценов.

Таким образом, взрывоопасная ситуация возникла из-за глупости и корыстолюбия прокуратора вкупе с безразличием наместника. Ицены схватились за оружие. Римские легионеры, решив преподать урок непокорным варварам, отправились к жене вождя Боудикке, высекли ее плетьюми, а дочерей обесчестили.

Вспыхнувшее восстание распространилось со скоростью лесного пожара. К иценам тут же примкнули их соседи, тринобанты, и вскоре на Камулудун двинулась многотысячная армия хорошо вооруженных варваров.

Камулудун, первое поселение, основанное римлянами в захваченной провинции, носил высокий статус колонии. В городе воздвигли форум, храм и здание суда, а в окрестностях города, по обычаю, выделили земли легионерам-ветеранам. Город был совершенно неукрепленным, с немногочисленным гарнизоном, а потому разгневанные ицены захватили его без особого труда.

– Мы свергнем римских богов, сожжем их храмы и сотрем с лица земли захватчиков! – выкрикивали мятежники.

Командир гарнизона, спохватившись, отправил гонца к Светонию с просьбой о помощи – увы, слишком поздно.

Ранним утром наместник обратился к своим спутникам:

– Вся страна полыхает в огне восстания. Его следует немедленно подавить. Мне сообщили, что гарнизон в Линдуме² уже отправил солдат в Камулодун, но им требуется подкрепление. Времени для пешего марша не осталось, поэтому я решил немедленно выступить в Камулодун вместе с отрядом всадников. Четырнадцатый и Двадцатый легионы форсированным маршем последуют за нами. Я послал гонца в Глевум³ с приказом Второму легиону выступить на восток. Мы должны встретить их у Веруламия⁴. В Камулодун идти бесполезно: город наверняка захвачен бунтовщиками. Сейчас главное – спасти порт в Лондиниуме.

Бесстрашный наместник во главе трехсотенного отряда всадников отправился в Лондиниум по древней дороге, которую впоследствии назовут Уотлинг-стрит. Осень выдалась холодной, и к ночи подмораживало. Каждые несколько часов гонцы приносили устрашающие известия о ходе мятежа, но Светоний невозмутимо двигался вперед.

– Просто удивительно, как он сохраняет спокойствие! – восхищенно сказал Портий Марку.

– Чем хуже идут дела, тем он довольнее, – ответил приятель.

К концу второго дня пути Портий решил, что Марк прав.

На привале наместник обратился к своим спутникам:

– Варвары позабыли об имперской мощи, считают, что мы разучились сражаться, а все потому, что ветераны-легионеры в Камулодуне разжирели и превратились в земледельцев. Помните, каждому поколению варваров необходимо преподать жестокий урок. Вот этим мы с вами и займемся.

Увы, невозмутимости наместника был нанесен страшный удар. Отважный Квинт Петилий Цериал во главе двухтысячного отряда легионеров вышел на помощь защитникам Камулодуна, а ему навстречу двинулось многотысячное войско восставших. Пехота, подавленная численным превосходством британцев, была перебита. Всадникам и Цериалу чудом удалось ускользнуть от преследования врага.

Весть об этом настигла наместника сразу же после ухода с острова Мона. Бунтовщики уничтожили почти половину легиона, одного из четырех в Британии, но мысли о потерях только укрепили решимость Светония.

На пятый день отряд наместника добрался до Веруламия, небольшого, плохо защищенного римского поселения, где их должен был встретить Второй легион из Глевума.

– Где Второй легион? – гневно осведомился Светоний у своего трибуна. – Кто ими командует?

– Легат в отъезде, легионом командует префект гарнизона Пенний Постум, – ответил Агрикола.

– Я же ясно приказал! – взъярился наместник и раздраженно добавил: – Что ж, не будем их дожидаться, немедленно выступаем на восток.

На следующее утро отряд прибыл в Лондиниум. В отличие от Камулодуна, город, раскинувшийся на холмах, не имел статуса колонии и не был обнесен стеной. Вдоль реки стояло множество складов, за ними теснились бревенчатые лавки торговцев. На форуме кипела жизнь, заключались сделки, велись переговоры. Военный склад, обнесенный частоколом и укрепленный траншеями, охранялся небольшим гарнизоном. Все постройки были в основном деревянными; каменных и кирпичных зданий Портий не заметил. Ясно было, что защитить город невозможно.

Второй легион по-прежнему не появлялся.

---

² *Линдум* (лат. Lindum) – римское поселение на территории современного города Линкольна в графстве Линкольншир, центр провинции Флавия.

³ *Глевум* (лат. Glevum) – римское поселение на территории современного города Глостера в графстве Глостершир.

⁴ *Веруламий* (лат. Verulamium) – римское поселение на территории современного города Сент-Олбанс на юге графства Гертфордшир.

Пока отряд ждал подкрепления, наместнику доставили еще одно ужасающее известие: храм в Камулодуне разрушили до основания, город сожгли, а всех римлян убили. Боудикка во главе пятидесятитысячного... нет, шестидесятитысячного, а то и семидесятитысячного войска направляется в Лондиниум.

Торговцы и их семьи взволнованно окружили укрепленный военный склад, умоляя наместника:

– Спасите нас и наши товары!

– Я не смогу вас защитить! – раздраженно буркнул Светоний и на закате приказал всадникам оставить город. – Ждать бесполезно. Скажите людям, чтобы уходили из города, если хотят остаться в живых.

Отряд отправился в Веруламий, так и не обнаружив никаких следов Второго легиона. На следующую ночь на юго-востоке вспыхнуло алое зарево – горел Лондиниум. Перед рассветом прискакал гонец с вестью, что войско Боудикки идет к Веруламию.

– Спасайтесь сами, я вам не помощник! – объявил Светоний жителям города и снова вывел отряд в путь.

Подкрепления не было.

Ночью горизонт снова полыхнул багрянцем.

– Веруламий сожгли, – шепнул Портий.

Марк встревоженно поглядел на приятеля.

На следующее утро подоспели Четырнадцатый и Двадцатый легионы, форсированным маршем прошедшие двухсотмильный путь от Моны.

– Вот теперь мы покажем варварам! – заявил Светоний.

Спустя два дня началось сражение, которое стало одним из самых кровавых в истории Британии. Гай Светоний Паулин, несмотря на множество недостатков, еще раз проявил себя прекрасным полководцем, проведя сражение по всем канонам римского военного искусства.

На стороне Боудикки было численное преимущество. В двух легионах Светония насчитывалось всего семь тысяч человек, а на них наступала огромная армия в десять, а то и в двадцать раз больше. Разъяренные кельты хотели наголову разгромить врага и навсегда изгнать римских захватчиков с острова. Боудикке это удалось бы, будь на месте Светония другой военачальник.

Легионы римлян расположились в узком ущелье, защищенном со всех сторон густой чащей, перед которым лежала открытая равнина. Легионеры выстроились в центре, в три шеренги сомкнутым строем; по обеим сторонам от них стояла легковооруженная пехота из вспомогательных войск.

– Светоний выбрал прекрасную позицию, – сказал Марк Портию, когда приятели пригнули к небольшому отряду конников на фланге, за основными силами римлян. – Кельтов в десять раз больше, чем нас. Они решат, что заманили нас в западню, но окружить нас им не удастся, никакой численный перевес не поможет. А лобовая атака разобьется о стену наших щитов.

– А вдруг нас сметут? – спросил Портий.

– Не сметут, – раздался за спиной суровый голос наместника.

Светоний подошел к молодым людям и с нажимом добавил:

– Запомни, Портий, чем больше орда варваров, тем беспорядочнее они действуют в сражении. Погоди, сам увидишь.

Уверенный тон военачальника развеял все сомнения Портия в исходе битвы.

Туманным утром британцы черной лавиной хлынули на поле боя, заполнив равнину до самого горизонта. В сравнении с небольшим войском Светония их число было несметно – то ли семьдесят тысяч, то ли все двести тысяч: мужчины, женщины и дети, пешие, в телегах и древних боевых колесницах, вооруженные копьями, булавами, мечами и зажженными факелами.

Кельты увидели шеренги римских легионеров, замерших за сверкающими щитами у леса, и над равниной пронесся ужасающий вопль ярости. Варвары наступали медленно и неумолимо, и было их столько, что до входа в ущелье первая волна нападающих докатилась лишь через полчаса.

Перед строем варваров стремительно катилась боевая колесница, запряженная двумя лошадьми. Именно быстрота движения и маневренность колесниц делали их грозным оружием кельтов, однако преимущество они сохраняли только на равнине, а на ограниченном поле боя превращались в помеху. Стоящая в колеснице седовласая женщина криками подбадривала соплеменников, которые отвечали ей восторженными возгласами и на все лады проклинали ненавистных римлян.

– Гляди, что удумали! – воскликнул Марк, толкая в бок Портия.

В тылу кельтского войска плотным строем составили повозки и телеги, отрезая римлянам путь к бегству. Варвары, решив, что римляне попали в ловушку, разразились бешеными криками.

– Смерть наместнику! – воскликнула Боудикка. – Смерть проклятым римлянам!

Кельтское войско сопровождали друиды; над головами воинов повсюду раскачивались изображения языческих богов: змеевласые Сулия и Левкетий, рогатый охотник Кернунн, кровожадный Дагда – покровитель воинов, Тевтат – защитник всех кельтских племен, Ноденс – повелитель туч и масса изваяний поменьше – боги плодородия, удачи и исцеления. Боудикка размахивала длинным шестом, увенчанным резным изображением черного ворона и кричала:

– Ворон сулит победу! Я ворон!

Светоний невозмутимо посмотрел на беснующихся варваров, обернулся к легионерам и с нажимом произнес:

– Они сами закрыли себе путь к отступлению.

Кельты, готовясь к атаке, завопили еще громче. Римляне в молчании ожидали начала битвы. На обветренном лице наместника появилось презрительное выражение. Он перевел взгляд на варваров и внезапно приказал:

– Вперед!

Кельты, захваченные врасплох, оцепенели от неожиданности. Шеренга римских воинов, сверкая бронзовыми щитами, решительно двинулась в наступление. Варвары беспорядочно заметались, не зная, что предпринять. Мужчины, женщины и дети, возки и телеги рассыпались по полю, некоторые смельчаки подбегали к легионерам и тут же падали, сраженные точными выпадами коротких мечей. Неумолимая машина дисциплинированных римских воинов подминала под себя всех без разбору.

Портий оставался с конницей, нетерпеливо ожидая приказа вступить в битву. Наконец-то ему представился случай покрыть себя славой! Наверняка о его подвигах узнают даже в Риме!

– Скорее бы в бой! – вздохнул он. – Мы их одним ударом сокрушим!

Наместник все так же невозмутимо следил за действиями легионеров – солдаты, выстроившись непробиваемым клином, глубоко врезались в ряды противника и одерживали верх в рукопашной схватке. А когда британцы, спутав свои ряды, разбегутся по всей равнине, настанет время отправить в бой кавалерию.

Портий в полной мере оценил мастерство старого военачальника: Светоний дождался, когда в беспорядочной толпе вспыхнет безудержная паника, и только тогда резким кивком дал сигнал военному трибуну.

– Вперед! – выкрикнул Агрикола.

Римские конники с копьями наперевес слаженно бросились на врага. Британцы дрогнули и бросились бежать, но всадники косили их, будто траву на лугу. Глухо стучали копыта лошадей. Портий на полном скаку резал и колол врагов – под меткими ударами копья падали мужчины, женщины и дети. Битва превращалась в бойню, но Портия это не остановило.

- Конница, назад! – прозвучал отрывистый приказ.
- Всадники остановились у скопления телег и повозок.
- Назад! Построиться!

Вместе с остальными конниками Портий неохотно вернулся к наместнику. Только теперь стало ясно, что произошло. Наступление конницы обратило кельтов в бегство, но, как и предсказывал Светоний, отступлению помешали повозки. Мужчины, женщины и дети пытались прорваться через беспорядочное нагромождение телег и возков, но обезумевшие лошади и волны сбивали с ног и затаптывали беглецов, а легионеры не щадили никого.

- Коннице там делать нечего, – буркнул Марк. – Ты только погляди, что происходит!

Кровавая резня не прекращалась. Римляне убивали всех без разбору – и редких смельчаков, которые пытались обороняться, и беззащитных женщин и детей.

К наместнику приблизился Агрикола:

- Все кончено, – доложил он. – Будем брать пленников?
- На обветренном, словно окаменевшем лице Светония не дрогнул ни один мускул.
- Нет.
- Но женщины и дети... – начал военный трибун.
- Всех убить.

Портий вспомнил слова одного из приятелей Гракха: «Светоний – доблестный военачальник, но гнев его ужасен».

Римляне в молчании смотрели на планомерное уничтожение кельтов. Наместник, бесстрастно наблюдая за бойней, произнес:

- Варваров следует держать в страхе, чтобы не забывали о мощи Рима.

...Мало кто из кельтов остался в живых после битвы. Бюдикка погибла. Наместник не стал подсчитывать убитых врагов, но мы с Марком полагаем, что убито более семидесяти тысяч человек.

После сражения мы отправились в Веруламыш, а потом в Лондиниум. От городов остались лишь пепелища, а всех жителей убили.

Прокуратор Кат Дециан сбежал в Галлию, вместо него обещают прислать нового. А еще выяснилось, что префект лагеря в Глевуме, тот самый, под началом которого оставили Второй легион, позорно трусил, узнав о разгроме Девятого легиона, а потому, нарушив приказ наместника, побоялся прийти нам на помощь. Однако до него дошли известия о нашей блистательной победе, и он бросился на меч.

Теперь же Светоний вознамерился отомстить коренным жителям провинции. Он отправил отряды легионеров во все мятежные регионы с приказом уничтожить любые следы возможного сопротивления. От британцев ожидают полного повиновения, в противном случае их предадут смерти. Слово наместника – закон...

Портий отправил родителям свое послание из сожженного дотла Лондиниума. Действия наместника вызвали в юноше противоречивые чувства. Портия восхищали невозмутимость и бесспорное мастерство военачальника, ведь малейшая ошибка при подавлении мятежа привела бы к полному уничтожению легионов. Однако он содрогнулся от отвращения, услышав, как Светоний ожесточенно заявил:

- Рим отомстит мятежникам!

Карающий гнев наместника обрушился на провинцию. Светоний стремился полностью подчинить британские племена и отплатить им за разрушение Лондиниума и Камулодуна. Усмиренные британцы жили в постоянном страхе и вдобавок страдали от разрухи, нищеты и голода. Доходы, поступающие в римскую казну, иссякли, а недовольство народа усилилось.

– Наместник – великий военачальник, но слишком жестоко обращается с мирными жителями, – заметил Портий Марку. – Он держит их в страхе, вместо того чтобы завоевать их доверие и расположение.

– Возможно, ты и прав, – ответил приятель. – Хотя, по-моему, с таким мнением мало кто согласится. Легионы поддерживают действия Светония, и даже сам император требует жестокой расправы с бунтовщиками.

– Но это несправедливо! – возмутился Портий.

– Лучше молчать и ни во что не вмешиваться. Не нашего ума это дело.

Увы, Портий не внял мудрому совету приятеля и всю зиму предавался унылым размышлениям.

Впрочем, в остальном жизнь его изменилась к лучшему. Светоний, не подозревая о настроениях юноши, доверил ему несколько важных поручений, и в частности велел ему сопровождать Агриколу в Линдум, где находились оставшиеся части Девятого легиона. Портий хорошо зарекомендовал себя в глазах военного трибуна.

– Мы намерены провести важную кампанию на севере, – сказал ему Агрикола. – Пожалуй, я возьму тебя к себе в ставку.

Портий зарделся от удовольствия. О случившемся он упомянул в послании родителям и отправил благодарственное письмо Гракху.

«Наместник мной доволен, – писал Портий Лидии. – Похоже, через год твой отец станет ко мне благосклоннее».

Марк стал хорошим другом юноши и всякий раз, глядя на портрет Лидии, с усмешкой говорил, что Портию очень повезло.

– Я даже родителям рассказал, какая у тебя очаровательная невеста, – признался он однажды.

К середине зимы на остров прибыл новый прокуратор, Гай Юлий Альпин Классициан, высокий и худощавый, с узким лицом, впалыми щеками и залысинами над высоким лбом. Он горбился, склоняясь к собеседнику, и напряженно вслушивался в каждое слово, а когда не принимал участия в разговоре, то задумчиво смотрел куда-то вдаль. Ему было поручено улучшить финансовое положение разрушенной провинции, и подчинялся он непосредственно императору.

– Он умен, но слишком рассеян, – заявил Портий Марку. – По-моему, он не добьется успеха.

Как выяснилось, юный Портий ошибался в своих оценках.

Классициан, отпрыск знатного провинциального семейства Альпинов из племени тревиров, родился в городе Трире на реке Мозель. Он добился высокого положения благодаря своим способностям и честности, а за добродушием и рассеянностью скрывался острый, наблюдательный ум. Спустя несколько недель после прибытия в Британию Классициан отправил в Рим подробный отчет с изложением действий, необходимых для примирения с местным населением и возрождения провинции. Разумеется, Портий об этом не подозревал.

Ранней весной Портий получил от Лидии письмо:

К нам в гости приходила тетушка Марка Марцеллина, твоего приятеля. Я рада была узнать, что и твой друг, и сам наместник хорошо о тебе отзываются. Отец мой тоже обрадовался этому известию. Оказывается, Марк упоминает тебя в своих письмах к родителям. Его тетушка показала мне его портрет. Я с нетерпением жду твоих рассказов о Марке и о ваших подвигах.

Портий, обрадованный этим известием, тут же написал Лидии ответ, не преминув в самых теплых выражениях отозваться о Марке.

К концу снежной зимы Светоний обосновался в Камулодуне. Легионеры спешно восстанавливали разрушенный город. Однажды наместник призвал к себе Портия и хмуро объявил:

– Возглавишь отряд.

Юноша задохнулся от гордости: до сих пор ему поручали только сопровождать трибуна или бенефициариев – личных посланников наместника.

Вместе с отрядом из восьмидесяти легионеров под началом центуриона юноше предстояло посетить селения на северо-западе римских владений, граничащих с землями еще не покоренных декеанглов.

– Племена на северо-западе наверняка укрывают у себя мятежников. Вдобавок они припозднились с уплатой налогов, – мрачно сообщил Светоний. – Если откажутся платить, убей вождя и сожги поселение.

Портий, сообразив, что перечить наместнику опасно, удержался от возражений и немедленно выступил в поход.

Спустя десять дней Портий и восемьдесят легионеров под началом центуриона прибыли на место. Центурион, старый вояка, закаленный в боях, давно служил у наместника и ненавидел кельтов.

– Вырезать их под корень, и дело с концом, – буркнул он. – Светоний так бы и поступил.

Селение, как и многие на северо-западе острова, являло собой убогое зрелище. Зброшенная крепость с полуразрушенными земляными валами больше походила на пастбище. Чуть поодаль, в долине, стояли хлипкие лачуги, небольшое круглое святилище и два загона для скота, где ютились тощие лохматые коровы. На склонах холма виднелся десяток делянок, засеянных ячменем. По взгорью бродили стада мелких овец. Портий внимательно изучил окрестности. Население поселка составляло около пятисот человек, еще двести обитали в древних землянках, вырытых в склонах холмов. Здесь не было ни круглых домов под соломенными крышами, ни оград, сплетенных из ивняка, ни пшеничных полей. Местные жители со страхом глядели на легионеров.

Портий подошел к вождю племени, седому старику в тяжелой накидке, и решительно объявил:

– Вы не уплатили положенную аннону – натуральный налог зерном.

Вождь безмолвно пожал плечами.

– Вы не уплатили ни земельного, ни подушного налога, – продолжил юноша. – Почему?

Вождь тусклыми глазами поглядел на него:

– Нам нечем платить.

– У вас есть скот, овцы и ячмень, – укоризненно напомнил Портий.

– Сам видишь, римлянин, мы живем бедно. Ваш император слишком жаден.

– Между прочим, в поселении нет статуи божественного императора, – проворчал центурион. – И святилище языческое, а не храм римским богам.

Дело принимало серьезный оборот. Обычно, желая избавиться от ненавистных друидов, власти сооружали храмы тем богам римского пантеона, которые больше всего походили на языческие божества, почитаемые местными жителями; той же цели служил и культ божественного императора. Однако здесь в святилище центурион обнаружил странного божка с лицом, скрытым накидкой. В руках истукан, совершенно непохожий на какое-либо римское божество, держал змею и ворона.

– Мятежники, – буркнул центурион. – Поджечь гадов, и дело с концом.

Портий покачал головой. Ему не хотелось уничтожить нищенское поселение; вдобавок, судя по всему, бывший прокуратор Дециан установил чрезмерный, попросту грабительский налог, требуя отдавать в казну больше половины скота и две трети всего урожая ячменя.

– Налог будет пересмотрен, – пообещал Портий. – А сейчас заберем у них десять коров и одну телегу зерна.

– Слишком легко отделаются, – недовольно заметил центурион.

Портий обернулся к вождю и объяснил:

– Сейчас мы заберем часть вашего долга. Впоследствии налог уменьшат, но платить его вы обязаны вовремя.

Портий велел центуриону вывести из загона десяток коров, и легионеры отправились выполнять приказ.

Жители перекрыли им дорогу, а старый вождь по глупости не стал их останавливать. Легионеры принялись расталкивать людей щитами. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила старуха с копьем и метнула его в легионера. Копье вонзилось римлянину в шею, хлынула кровь, и солдат бездыханным упал на землю.

– К оружию! – выкрикнул центурион. – Зададим им жару!

Легионеры выстроились боевым порядком.

– Стоять! – приказал Портий.

Центурион, не обращая на него внимания, велел солдатам наступать и напомнил ошеломленному Портию:

– Таков приказ наместника.

Юноша беспомощно глядел, как римляне слаженно убивают перепуганных жителей селения.

Спустя час все было кончено. На месте поселка дымилось пепелище. Вождя убили, святилище разрушили, забрали десять телег зерна и пятьдесят коров.

– Споро управились, – ухмыльнулся центурион. – Ну, куда теперь путь держим, Гай Портий?

Юноша угрюмо молчал.

По возвращении в Камулудун он лично вручил наместнику рапорт, в котором упоминалась лишь попытка местных жителей оказать сопротивление, которая, как полагается, была подавлена. Портий также отметил, что чрезмерные налоги следует пересмотреть.

– Все правильно, – хмыкнул Светоний, бегло проглядев свиток, потом внимательно посмотрел на Портия и добавил: – А жизнью легионеров рисковать не стоит. Смерть от руки женщины хуже бесчестья. В следующий раз не мешкай, Гай Портий. Провинцию необходимо усмирить.

Однако совет наместника не успокоил Портия. Юноша терзался своим участием в бессмысленной резне, понимая, что жестокие карательные меры не исправят положения дел в провинции. «Местные жители все больше и больше ненавидят римлян, считают нас завоевателями. Наверняка вскоре вспыхнет новый мятеж. Кто знает, спасет ли нас тогда воинское искусство Светония? Может быть, разъяренные островитяне растерзают всех римлян в клочья?»

Горькие мысли не оставляли Портия. Что делать? Подать в отставку и вернуться в Рим? После этого о продвижении по службе придется забыть. Сообщить об ошибках в управлении провинцией Гракху или кому-нибудь из влиятельных сенаторов, предупредить о грозящей катастрофе? Нет, это подло. В конце концов Портий принял неожиданное решение, но, прежде чем действовать, рассказал о своем намерении Марку.

Марк внимательно выслушал подробные объяснения приятеля.

– Я не желаю прослыть предателем или подлецом, но не могу согласиться с происходящим, – заключил Портий. – А если мне еще раз прикажут уничтожить мирных жителей... – Он вздрогнул и понурился. – Я не смогу выполнить приказ.

– Как же быть? – спросил Марк.

– Я пойду к наместнику и все ему объясню.

Марк задумчиво кивнул, хорошо сознавая всю неразумность предложений Портия. Его больше занимало другое: о крутом нраве Светония было известно всем, но стоит ли останавливать глупого юнца, твердо намеренного разрушить свою жизнь? Особенно сейчас, когда сам

Марк Марцеллин попал в весьма затруднительное положение: не далее как сегодня утром он получил длинное послание из Рима, от любимой тетушки, и теперь у него возник корыстный интерес к дальнейшей судьбе Портия.

– Твой поступок может привести к неблагоприятным последствиям, – поразмыслив, осторожно заметил Марк.

– Знаю, – кивнул Портий, – однако ничего другого не остается.

Марк всегда питал к юноше дружеские чувства, но сейчас взглянул на Портия с сожалением и пожал плечами – свои интересы дороже.

– Поступай, как считаешь нужным, – произнес он и добавил: – Я восхищаюсь твоей отвагой и честностью.

Портий, успокоенный словами друга, сердечно поблагодарил его и, вернувшись к себе в палатку, начал готовиться к встрече с наместником. Увы, юноша и не подозревал, что выбрал самое неблагоприятное время для непрошенных советов Светонию.

Отчаянное положение дел тревожило не только Портия, но и весьма влиятельных лиц, стоявших у власти. Прокуратор Юлий Классициан, обеспокоенный царящей в провинции разрухой и нищетой, отправил императору Нерону подробный рассказ о карательных экспедициях, сопроводив его просьбой отозвать наместника.

Подобные донесения были обычным делом в Римской империи – огромный бюрократический аппарат функционировал с высокой эффективностью лишь в тех случаях, когда все чиновники, занимавшие высокие официальные посты, бдительно следили друг за другом. Нерон, ознакомившись с обвинениями в адрес своего любимца, пришел в ярость, но сделать ничего не мог. В Британию полагалось направить следственную комиссию по проверке деятельности наместника.

До поры до времени известие о подготовке комиссии держали в тайне, хотя Светония уведомили об этом загодя, как раз в тот день, когда Портий обратился к наместнику с просьбой об аудиенции.

Светоний, взбешенный неприятными вестями, едва не отказал Портию, но в последний момент передумал и согласился его принять. Юноша вошел к наместнику, не догадываясь о том, что сейчас решится его судьба.

– В чем дело? – проворчал Светоний. – Говори скорее!

Портий вздохнул, вытянулся в струнку и начал говорить.

Его тщательно продуманная речь содержала убедительные доводы в пользу отказа от жестокого обращения с местным населением и ряд предложений по умиротворению жителей. Портий весьма гордился своим красноречием, не подозревая, что каждое произнесенное им слово все больше и больше распаляет Светония, который, однако же, умело скрывал свой гнев. Юноша закончил свою речь в полной уверенности, что убедил наместника в своей правоте.

Светоний молчал, невозмутимо глядя на юнца, который осмелился поставить под сомнение действия своего непосредственного начальника. Наместник был вне себя от ярости: мало того что против него выступил прокуратор с нелепыми и позорными обвинениями, так еще и среди подчиненных объявился предатель. Подумать только, сам Гракх прислал ему этого наглеца и смутьяна! Светоний прекрасно знал, как обходиться с предателями: их надо уничтожить одним ударом, резким и неожиданным. Он задумался, ничем не выдавая своего бешенства. Во-первых, нельзя допустить, чтобы Портий сообщил свои выводы следственной комиссии или начал обсуждать это с приятелями. Во-вторых, его ни в коем случае нельзя отослать в Рим, где он может пожаловаться Гракху. Внезапно наместник сообразил, что именно следует предпринять.

– Спасибо за ценные замечания, я обязательно приму их к сведению, – холодно произнес наместник и небрежным кивком отпустил Портия.

Юноша, так и не осознав своей трагической ошибки, вернулся к себе и чуть позже сказал Марку:

– По-моему, я его убедил.

На следующий день разразилась катастрофа.

Послание из канцелярии наместника Портию доставил Марк.

Гай Портий Максим переведен в свиту прокуратора.

Портий недоуменно перечитал короткую строку. Что бы это значило?

– К чему бы это? – спросил он Марка.

– Наверное, хороший знак, – неуверенно начал приятель. – Может, решили, что тебе стоит поближе ознакомиться с налогами и финансами? Погоди, тут еще одна записка приложена!

Записка оказалась посланием из канцелярии прокуратора в Лондиниуме.

Гай Портий Максим в должности помощника младшего прокуратора направляется в Сорбиодун. За дальнейшими распоряжениями прибыть в канцелярию.

Помощник младшего прокуратора? Это означало чиновника самого низшего разряда. А Сорбиодун... кажется, это крошечное селение где-то в глуши. Захолустье...

Портий с ужасом разглядывал клочки пергамента, не представляя, что произошло, но прекрасно понимая, что все это означает.

Светоний гениально разрешил возникшую проблему и одним ударом расправился с Портием, переведя его в свиту своего врага – прокуратора. Теперь никто не станет слушать объяснений юноши – все решат, что он говорит это из желания подольститься к новому начальству или от обиды, потому что лишился места в ставке Светония. А рекомендация назначить Портия на должность в захолустье, отправленная в канцелярию прокуратора, служила залогом, что следственная комиссия не узнает о существовании юноши. К тому же Портий не имел права нарушить или опротестовать приказ.

– Что мне теперь делать? Все кончено, – вздохнул юноша.

Гракх наверняка решит, что Портий – бездарность и неудачник, и не отдаст за него дочь, так что о Лидии можно забыть. А родители Портия? Они тоже разочаруются в сыне...

Чем же он прогневил Светония? Ни Портий, ни Марк не подозревали о существовании донесения прокуратора.

– Похоже, наместнику твоя речь не понравилась, – сказал Марк, не зная, чем утешить друга, и, чуть помолчав, добавил: – Кстати, я тоже получил новое назначение. Меня на год отправляют в Рим. Я уезжаю через два дня. Прости, что бросаю тебя в беде, но, может, все еще образумится. – Он улыбнулся, стараясь подбодрить приятеля.

«Везет же ему», – грустно подумал Портий.

Перед уходом Марк сказал:

– Дай знать, если тебе помощь понадобится.

Остаток дня Портий провел в сборах, готовясь к отъезду. Юноше очень хотелось обратиться к Светонию за разъяснениями, но подспудно он понимал, что делать этого не стоит. Он набрался смелости и написал Лидии длинное послание, полное сумбурных объяснений, просьб набраться терпения и обещаний приложить все усилия, чтобы продвинуться по службе.

Я обещаю как можно скорее добиться успеха и вернуться в Рим. Об остальном тебе расскажет мой друг Марк.

Портий попросил Марка передать письмо лично в руки Лидии.

– Умоляю, успокой ее и объясни, что случилось. А сенатору Гракху скажи, что я поступил так, как того требовала честь. Мне больше не на кого положиться, кроме тебя.

Марк смущенно взял письмо:

– Портий, я сделаю все, что смогу, но чудес не обещаю.

На этом приятели расстались.

Вечером, перед самым отъездом, Портий все же попросил аудиенции у наместника, но ему было отказано.

В сумерках юноша отправился в Лондиниум, надеясь добиться встречи с прокуратором и заручиться его покровительством, однако и эта надежда не оправдалась: Классициан уехал на север и намеревался вернуться только через месяц.

– Тебе предписано немедленно ехать в Сорбиодун, – сказали Портию в канцелярии. – Прокуратор с тобой не знаком, так что увидеться с ним ты сможешь через год, не раньше.

Только тогда Портий сообразил, как ловко наместник с ним расправился.

– И чем я буду занят в этом Сорбиодуне? – угрюмо спросил юноша.

Секретарь прокуратора, лысый невысокий толстяк, равнодушно пожал плечами, довольный тем, что ради исполнения приказа наместника пришлось оторваться от важных дел и спешно подыскивать назначение для этого молодого человека.

– Будешь смотрителем императорского имения, – сказал он. – Служба как служба, ничего особенного. И не задерживайся в городе, тебя в Сорбиодуне завтра ждут.

Сорбиодун... Глухомань, захоlustье. Очевидно, Светоний, твердо намереваясь забыть о Портии, подыскал для юноши место, где о нем уж точно никто не вспомнит. О славе и почестях и думать не стоило. Портий все еще не подозревал, чем заслужил такое обращение, но выбора у него не оставалось – приказы командования исполнялись неукоснительно.

С приходом римлян жизнь Тосутига не баловала. Правитель Сарума мало о чем вспоминал без болезненной гримасы.

После отъезда Веспасиана юный вождь с нетерпением ожидал дальнейшего развития событий. С юго-запада почти каждый день приходили вести о захвате римлянами очередной крепости дуротригов.

– Напрасно они пыжились да силой похвалялись, – злорадно бормотал Тосутиг.

Теперь он и сам поверил, что поступил весьма дальновидно и предусмотрительно, когда сдал римлянам крепость без боя и подписал дарственную на земли.

Второй легион неумолимо громил дуротригов, а Тосутиг все ждал и ждал известий от Веспасиана или от наместника.

К концу лета Веспасиан успешно завершил кампанию: катапульты и осадные орудия сломили отчаянное сопротивление дуротригов. Суровый трибун захватил все земли дуротригов, с востока до самой западной оконечности их владений, где и оставил легион зимовать. По всему острову разнеслась весть, что гордые дуротриги побеждены.

Однако покоренные дуротриги не утратили воинственного духа и хорошо помнили о предательстве юного правителя Сарума.

Однажды ранней осенью в Сарум пришел отряд легионеров с юго-запада. Римляне расположились на ночлег в дуне и потребовали у Тосутига еды и питья для двадцати пленников, которых привели с собой. Один из пленников, десятилетний мальчишка, сын вождя дуротригов, был знаком Тосутигу.

– Я знал твоего отца, – грустно сказал он мальчугану.

Мальчик, презрительно поморщившись, плюнул ему под ноги:

– Лучше быть рабом, чем предателем, Тосутиг Клятвопреступник!

Правитель Сарума отвернулся и ушел прочь, вспоминая проклятие друида Афлека.

«Ненависть дуротригов мне не страшна, – успокаивал себя Тосутиг. – Римский император меня щедро вознаградит».

Прошла осень, но вестей от наместника по-прежнему не было.

Выпал снег, Сарум замер под белым покрывалом. За земляными валами дуна царило студеное безмолвие. Каждый день Тосутиг взбирался на стену и бродил по обледенелому парапету, высматривая римских гонцов. Иногда к нему присоединялись Нумекс и Бальба, вперевалочку шли рядом, глядя на заснеженные пустоши. Сменялись месяцы, но в Сарум так никого и не прислали.

Наконец снега растаяли, на меловых стенах дуна появились зеленые побеги травы. Река сбросила ледяной покров. Обитатели Сарума занялись весенними работами в полях. К юному вождю все относились с презрением, укоряя его за то, что без боя сдал крепость римлянам. Войска Веспасиана хозяйничали на захваченных землях, а местные жители слагали хвалебные песни о подвигах и доблести покоренных дуротригов. И все же Тосутиг не терял надежды.

– Вот увидите, Сарум отблагодарит меня за содеянное, – говорил он Нумексу и Бальбе.

Только спустя год на северо-восточной оконечности взгорья появился небольшой отряд: высокий смуглый старик верхом на лошади, шесть рабов и шесть конников. Они шли медленно, часто останавливаясь. Рабы несли деревянные крестовины со свинцовыми грузиками, привязанными к концам перекладин. Тосутиг радостно выехал навстречу римлянам.

– Мы землемеры, – объяснил старик. – Готовимся к прокладке дороги.

Землемеры тщательно осмотрели дун и спустились на берег реки.

– Дорога пройдет через реку. А у переправы зложим поселение.

«Римское поселение! – обрадованно подумал юный вождь. – Вот что вернет Саруму былую славу!»

– Постоялый двор, мансион, – добавил землемер. – Для гонцов и путников.

Тосутиг его не слушал, предвкушая, что станет правителем крупного города. Перед внутренним взором юноши мелькали величественные картины.

Спустя два месяца в Сарум пришли дорожные строители – целая центурия, восемьдесят легионеров с лопатами и кирками.

С невероятной быстротой они заложили поселение на берегу реки, в месте, выбранном землемерами. Небольшую площадку окружили земляным валом, в центре проложили небольшую улицу, а по обеим ее сторонам разметили по три квадратных участка. И все – ни форума, ни величественного храма, ни базилики. На участках построили конюшни, сторожку и пару скромных домов. В углу, у земляного вала, разбили сад. На строительство ушло два дня.

– Ну вот, Сорбиодун построен, – заявил центурион.

Тосутиг восторженно взирал на скромное поселение и предавался мечтам о грядущем величии.

– Нам нужны работники для строительства дороги, – сказал ему центурион. – Сколько человек ты дашь нам в помощь?

Тосутиг немедленно послал римлянам пятьдесят мужчин и Нумекса.

– Я же плотник! – возмутился коротышка.

– Присмотришься, как римляне дороги строят, – велел ему вождь. – Может, научишься чему, будет Саруму польза.

На прокладку дороги Тосутиг взирал с невероятным изумлением. В соответствии с метками землемеров предполагалось, что дорожка пройдет по взгорью, строго на северо-восток, ровной чертой от дуна до самого порта в Лондиниуме, в восьмидесяти милях от Сарума.

Вначале вырыли две параллельные траншеи на расстоянии примерно восьмидесяти футов друг от друга, а извлеченный из них грунт уложили на середину полосой около двадцати пяти футов в ширину, создавая знаменитое насыпное полотно – аггер. Грунт засыпали тол-

стым, с ладонь, слоем известнякового щебня и хорошенько утрамбовали, превратив в выгнутую поверхность для стока воды. Затем в телегах привезли кремнёвую гальку из местных карьеров и вручную уложили булыжники на слой известняка, зарывая их на глубину трех-четырёх дюймов. Потом заровняли поверхность толченым мелом, засыпали ее шестидюймовым слоем гравия и снова плотно утрамбовали.

– Были бы поблизости кузни, мы бы шлаком засыпали – он спекается и служит вечно, – объяснил центурион.

От главной, широкой дороги отходило несколько дорог поменьше.

«До Сорбиодуна можно будет добраться из самых дальних уголков острова, – обрадованно подумал Тосутиг.

На реке Авон легионеры построили брод, укрепив дно каменными плитами.

– А почему бы здесь мост не построить? – удивился Тосутиг.

– Мост легко сломать, – проворчал центурион. – А с бродом придется повозиться.

От противоположного берега реки дорога уходила на юго-запад, к землям дуротригов. За два месяца римляне уложили на заболоченную местность деревянные подпорки, засыпали поверх слоями земли и щебня, а дальше проложили дорогу зигзагом по крутому склону холма. Во владениях дуротригов дорога превращалась в тридцатимильный тракт шириной почти пятьдесят футов, с высотой насыпи около шести футов, а потом сворачивала на юг, к побережью. Второго подобного сооружения на острове не будет еще две тысячи лет, пока в Британии не проложат первое железнодорожное полотно. Дорога, впоследствии получившая название Эклинг-Дайк, служила грозным предупреждением местным жителям: «Ваши укрепления, леса, холмы и долины – все покорится великой Римской империи».

Тосутиг, стоя на взгорье, восхищенно смотрел на величественный тракт, перед которым меркли древние тропы островитян. «Римские дороги железным обручем опоясали наш остров», – подумал он, впервые осознав неукротимую мощь завоевателей.

Зимой в Сарум явился надменный римлянин из свиты наместника в сопровождении помощника из канцелярии прокуратора. Смуглый черноглазый римлянин, не тратя времени даром, заявил Тосутигу:

– Пора разобраться с этими землями. Наместник оценил твою помощь и велел тебя наградить.

Тосутиг задрожал от восторга и спросил:

– А какие земли перейдут в мое владение?

Римлянин недоуменно поморщился и, словно не расслышав, продолжил:

– Во владениях дуротригов по-прежнему распоряжаются военные, а Сорбиодун, в виде исключения, примкнет к новым клиентским землям, что простираются на шестьдесят миль к востоку.

Тосутиг не верил своему счастью: именно эти богатые владения некогда принадлежали атребатам.

– Все эти земли будут подвластны мне?! – ахнул он.

– Подвластны тебе? – удивленно переспросил римлянин.

Тосутиг восхищенно закивал. О такой благосклонности он и не мечтал! Разыгравшееся воображение рисовало ему чудесные картины.

Римлянин, не подозревая о великих устремлениях Тосутига, невозмутимо продолжил:

– Новый царь атребатов – вождь Когидубн. Теперь ты его подданный. В благодарность за твой дар император дает тебе пожизненное освобождение от всех налогов на твои владения – и от подушного, и от земельного, и от натурального.

Постепенно до Тосутига дошел смысл сказанного. Когидубн, вождь атребатов, был давним другом Рима и владел землями на юго-востоке.

– Когидубн – мой царь?

- Да.
- А я как же?
- А ты его подданный.
- Тосутиг, поразмыслив, спросил:
- Он римский гражданин?
- Император даровал ему гражданство.
- А мне?
- Нет.
- И кто же я теперь? – уныло осведомился Тосутиг.
- Ты перегрин, свободный человек, – ответил римлянин. – Однако права римских граждан на тебя не распространяются.
- Значит, меня просто освободили от налогов – и все?
- Да.

Тосутигу следовало догадаться, что римляне обосновывались в новой провинции по издавна заведенному образцу. В общем-то, правителю Сарума очень повезло.

Наместник счел необходимым усилить военное присутствие среди строптивых дуротригов, а потому вернул бывшие владения атребатам, давним союзникам империи, что высвободило войска, необходимые для умирения племен на севере и на западе острова. От западной оконечности земель дуротригов в южной части острова наискосок, до самого северо-востока, проложили широкую дорогу, которая впоследствии получила название Фосс-Уэй. Она стала укрепленным рубежом на подступах к дальнейшему завоеванию северных земель. Со временем, лет через двадцать, исчезнет и царство атребатов, и военная зона на юго-западе, поселения вдоль дороги станут окружными центрами, управлять ими будут советники и магистраты из местных знатных жителей, которым за верную службу пообещают римское гражданство. Но пока до этого было далеко. То, что Тосутига освободили от выплаты налогов и не включили его владения в военную зону, было знаком особой милости.

Впрочем, кельт об этом не подозревал и продолжал мечтать о величии.

На следующий год он отправился на восток засвидетельствовать свое почтение Когидубну. Путешествие ошеломило молодого правителя.

В обширных владениях Когидубна было две столицы. Северная столица называлась Каллева-Атребатум⁵, через нее проходила дорога из Сорбиодуна в Лондиниум.

Тосутиг, добравшись до Каллевы, едва не разрыдался от восторга: именно таким он представлял будущий Сорбиодун – форум, внушительные бревенчатые и каменные постройки, прямые широкие улицы. К разочарованию юноши, оказалось, что Когидубн уехал в свою южную столицу на побережье. Путь туда занял семь дней. По сле встречи с царем все мечты Тосутига развеялись в прах.

Тиберий Клавдий Когидубн, как он именовал себя в знак почтения к римским императорам, седовласый, но все еще могучий длинноусый воин, благосклонно принял Тосутига. Впрочем, все мысли Когидубна занимало строительство роскошной виллы на побережье, а правитель захолустного поселения на западе его нисколько не интересовал.

Тосутиг следовал за царем по залам и бесчисленным внутренним дворикам недостроенного здания и, сгорая от зависти, разглядывал мозаичные полы с изображениями павлинов, бродящих по цветущему саду, и дельфинов, резвящихся в свите морского бога Нептуна. Солнечные лучи, струясь сквозь зеленоватые стекла, заливали каменные плиты пола холодным сиянием. Восхищенный Тосутиг решил, что такому дворцу позавидует даже римский сенатор,

---

⁵ *Каллева-Атребатум* (лат. Calleva Atrebatum) – римское поселение на территории современного города Силчестер в графстве Гемпшир.

и с горечью осознал, какая пропасть пролегает между истинной властью и крошечным мансионом в захолустном Сорбиодуне.

«Вот он какой, настоящий Рим», – печально думал юноша.

У Когидубна он провел два дня. Перед отъездом царь, в знак благосклонности, вручил ему небольшую статуэтку – свое изображение. Тосутиг вернулся в Сарум и следующие шестнадцать лет жил скромно и неприметно. Каратак, пытаясь противостоять римлянам на юге, не считал нужным просить помощи у правителя захолустного Сарума, Когидубн о Тосутиге больше не вспоминал, зато дуротриги по-прежнему звали его Клятвopеступником. Все остальные о нем забыли.

Спустя год после поездки к Когидубну Тосутиг взял в жены младшую дочь одного из племенных вождей атребатов. Впрочем, и тут не обошлось без унижений – обнищавший, но гордый отец девушки с большой неохотой согласился выдать дочь за предателя; помогло лишь то, что Тосутиг не потребовал за ней приданого. Рыжеволосая красавица отличалась вспыльчивым нравом, прожила с мужем шесть лет и родила ему дочь, а однажды суровой зимой простудилась и в одночасье умерла.

Особого счастья в браке Тосутиг не испытал, поэтому второй раз искать жену не собирався, а завел себе женщину в Каллеве. Дочь Тосутига, Мэйв, как две капли воды походила на мать. Отец ее обожал.

К сорока годам Тосутиг, пожилой вдовец и владелец захолустного имения, жил в довольстве и покое. В крепости-дуне на холме стояли полуразвалившиеся лачуги; время от времени проезжие торговцы устраивали там рынок. Древние тропы на меловых грядах окончательно забросили, взгорье пересекали новые римские дороги. На восточной стороне долины обосновались пряжи и ткачи, а по со седству Бальба построил себе красильню. На берегу реки, в Сорбиодуне, построили постоянный двор, амбары для зерна и конюшни, где меняли лошадей гонцы наместника. Три легионера, которым было поручено присматривать за хозяйством, целыми днями сидели во дворе и играли в кости. Пару раз в год в Сорбиодун приезжал мелкий чиновник из канцелярии прокуратора, проверял, как обстоят дела в императорских владениях, и договаривался о продаже урожая.

Тосутиг жил неприметно и ни во что не вмешивался даже тогда, когда вожди западных племен, ободренные примером Боудикки, решили взбунтоваться. Через захолустный Сорбиодун везли важные товары: с юго-западного побережья, по дороге через земли дуротригов, доставляли излюбленный римлянами киммериджский сланец – темный поделочный камень, а по новой западной дороге свинец, добываемый в копиях на западной оконечности острова, отправляли в Каллеву и Лондиниум, а оттуда – в далекую Галлию.

Освобождение от налогов, пожалованное императором, принесло Тосутигу достаток. Правитель Сарума стал очень богатым человеком: кованую чугунную решетку у очага украшала позолота, еду подавали на блюдах из красной глины, искусно сработанных аретинскими гончарами, в доме не переводились лучшие галльские вина, в фамильном святилище стояли золотые и серебряные статуэтки богов, а дочь не расставалась с драгоценными золотыми браслетами, выложенными кусочками янтаря и сланца.

Мэйв, синеглазая красавица с копной рыжих кудрей, вспыльчивым, необузданным нравом напоминала покойную мать. Тосутиг ба ловал обожаемую дочь, ни в чем ей не отказывал и обучал латыни и римским обычаям. Она прекрасно ездила верхом и могла усмирить любого, даже самого горячего скакуна.

«Моя Мэйв лучше иного сына, – с гордостью думал Тосутиг. – Хоть я и не воспитал ее по всем правилам римской культуры, кельтская красота и пылкий нрав с лихвой восполнят пробелы в образовании».

– Тебе суждено стать женой знатного человека, – говорил он Мэйв. – Если уж отдавать тебя замуж, то только за вождя, не иначе.

Однако же душевные терзания его не оставляли. Если на постоялом дворе останавливался римский чиновник, Тосутиг надевал тогу и приходил в Сорбиодун, по-мальчишески щеголяя римскими манерами перед гостем. Каждый год он придумывал все новые и новые способы получения римского гражданства, но, к его великому сожалению, успехом они не увенчивались. Иногда он месяцами не покидал своего дома в долине, любовался тучными стадами скота и отарами овец, а потом внезапно срывался с места и часами стоял на полуобвалившемся, поросшем травой земляном валу дуна, задумчиво глядел на взгорье и, как в юности, мечтал о несбыточном величии и славе.

Впрочем, любовь к римскому образу жизни не мешала ему проводить долгие часы в фамильном святилище, разглядывая меч Кулина-воителя и рогатый шлем прадеда. Перед извятием Ноденса Тосутиг опускался на колени и молил бога-покровителя семьи:

– Дай мне силы, дабы я не посрамил честь предков!

Однажды он привел десятилетнюю Мэйв в древнее каменное святилище на взгорье, в круг исполинских сарсенов, и объяснил:

– Твои божественные предки-великаны за день построили хендж. Запомни это накрепко и никогда не забывай.

– Поэтому мне суждено стать женой великого вождя? – спросила девочка.

– Потомки Кулина-воителя и древнего рода Круна иного не заслуживают.

Опечаленный Портий, верхом на каурой кобыле, направлялся на запад. Дорога в Сорбиодун казалась бесконечной. Из Каллевы он выехал пасмурным утром, и небо целый день оставалось затянуто тяжелыми низкими тучами. Не развиднелось даже к вечеру. Портий перелез последний меловой хребет и наконец-то добрался до места своего назначения.

При виде заброшенного дуна и пустынного мансиона юноша загрустил еще больше. Три легионера встретили его с плохо скрытым недовольством – их лишь недавно предупредили о приезде Портя. Юноше дали в услужение раба и отвели в хижину, разделенную на две комнаты, где стоял топчан с тюфяком, набитым конским волосом, складной стул и стол.

– И это все? – раздраженно спросил Портий.

Старший легионер равнодушно пожал плечами – чиновников он не любил, – обвел рукой крохотное поселение и ответил:

– Как видишь, здесь больше ничего нет.

На следующее утро Портий осмотрел императорские владения – уходящие к горизонту величественные меловые хребты, пастбища со стадами овец, крестьянские хижины и полянки пшеницы и ячменя, – и быстро понял, что земли здесь плодородные, но хозяйство запущено и оставлено без надлежащего присмотра. У ворот крепости он встретил красильщика Бальбу и безглаголиво отшатнулся от резкой вони.

«Ну и глухомань! – мрачно думал Портий, возвращаясь в Сорбиодун. – Долго я здесь не протяну».

– К тебе гость пришел, – объявил ему легионер. – Местный правитель.

Чтобы произвести благоприятное впечатление на римлянина, Тосутиг сбрил бороду, однако не тронул длинные седеющие усы, оставил дома тяжелую шерстяную накидку-пенулу и пришел в тоге (к несчастью, заляпав подол грязью) и в тяжелых кожаных башмаках. Несмотря на нелепый вид, правитель Сарума держал себя с достоинством.

Впрочем, Портий разглядывал не гостя, а его спутницу в традиционном сине-зеленом кельтском одеянии. Рыжие кудри девушки ниспадали до пояса тяжелой волной, белую кожу припорошили золотистые веснушки, а синие глаза задорно блестели. Красавица была ровесницей Лидии.

– Меня зовут Тосутиг, я правитель Сарума, – торжественно представился гость. – А это моя дочь, Мэйв.

К изумлению Портия, девушка не потупилась, по обычаю римлянок, а без стеснения взглянула ему в глаза.

Тосутиг, узнав, что в Сорбиодун приехал смотритель императорских владений, немедленно отправился к нему и объяснил юному римлянину, что именно он, правитель Сарума, передал земли в дар императору Клавдию, чем и заслужил пожизненное освобождение от налогов на свое имение.

– А тебя кто прислал? – учтиво осведомился Тосутиг.

– Наместник, – расплывчато ответил Портий, которому совершенно не хотелось вдаваться в подробности своего назначения.

Тосутиг обрадовался, решив, что боги вняли его мольбам: уж теперь-то наместник наверняка узнает о правителе Сарума. Портий заметил, как приободрился кельт, но не знал, чем это объяснить. Вдобавок красавица почему-то не спускала с него глаз.

Пятнадцатилетняя Мэйв разглядывала чернокудрого римлянина с грустными карими глазами по очень простой причине, впрочем известной только самой девушке.

Тосутиг обожал все римское, но дочь выросла среди кельтов и ей нравились кельтские традиции и обряды. После смерти матери девочку предоставили самой себе. За ней присматривали соседки – жены Нумекса, Бальбы и других жителей Сарума. От них она узнала все, что положено знать женщине. Мэйв научилась украшать цветами фамильное святилище и до блеска начищать хранящиеся там реликвии – древний меч Кулина-воителя и тяжелый шлем прадеда. Она обсадила дом кустами боярышника, чтобы отвлечь злых духов, и наизусть помнила все легенды и древние предания Сарума, даже те, которые позабыл Тосутиг: и пророческие слова, изреченные черепом в руках Кулина-воителя, и то, что перед смертью главы семьи ворон три раза облетит дом, а со старого дуба во дворе упадет ветка. Мэйв были ведомы все заповедные тропы в окрестных лесах и рощах, священные поляны богини Неметоны, защитницы лесов, и родники и ручьи Сулии, богини-целительницы. А еще она с самого раннего детства накрепко затвердила зарок никогда не причинять вреда лебедям – ведь бог Солнце часто летал над рекой в облике величественной гордой птицы.

Работы по дому Мэйв не чуралась, умела обращаться и с мельничным жерновом, и с прялкой, ловко свивая тонкими пальцами прочную нить, которую ткачи и Бальба-красильщик превращали в яркие ткани.

Отец научил ее говорить по-латыни, но ни читать, ни писать Мэйв не умела.

Она сочла свое образование законченным и недавно приняла важное решение: пора обзаводиться мужем.

Однажды, примерно за три недели до прибытия Портия, она, дождавшись, когда ее регулы подойдут к концу, отправилась в священную рощу, к роднику богини Сулии. Девушка разделась донага и омыла тело холодной ключевой водой. По нежной бледной коже побежали мурашки. Мэйв придирчиво оглядела себя с головы до ног и, откинув со лба непослушные рыжие кудри, уверенно заключила, что будет желанна любому мужчине.

О тайном обряде она никому не рассказала, но, вернувшись из леса, начала считать лошадей – среди кельтов существовало поверье, что если девушка в начале очередного месячного цикла начнет считать лошадей, то первый мужчина, встреченный после сотой лошади, станет ее мужем.

Прошло три недели. Лошадей в Саруме было немного, а в Сорбиодун верховые путники заглядывали редко. В день прибытия Портия Мэйв насчитала девяносто девять лошадей – и увидела в конюшне сотую, каурую кобылу римлянина как раз тогда, когда он сам вышел к гостям.

«Ах, вот кто станет моим мужем!» – подумала Мэйв, с любопытством разглядывая Портия.

Что ж, боги дали ей знать, за кого она выйдет замуж, но как и ко гда это произойдет, пятнадцатилетняя девушка представляла смутно.

В последующие месяцы Портий целиком посвятил себя работе. Из Лондиниума поступали противоречивые вести. В ставку наместника прибыла следственная комиссия, результаты проверки подтвердили истинность обвинений прокуратора – но после этого проверяющие вернулись в Рим. Тем дело и закончилось.

Портий отправил три послания Лидии и одно письмо Марку, однако ответа не получил. Родителям он написал следующее:

Сорбиодун – мирное селение. На латыни говорит только местный правитель, да и тот плохо, а его дочь – и того хуже. Обширные императорские владения требуют тщательного ухода, так что в ближайшие месяцы я буду очень занят.

Императорские владения были донельзя запущены. Присмотр за ними вверили помощнику прокуратора, который заведовал имперской канцелярией в Глевуме, а потому появлялся в Саруме очень редко. Портий пришел к выводу, что доходы имения можно увеличить вдвое, а то и втрое, и решил добиться этого во что бы то ни стало, дабы произвести благоприятное впечатление на прокуратора.

Юноша тщательно осмотрел все делянки, поля и пастбища, велел расчистить и укрепить канавы и дренажные траншеи, починить загоны, амбары и покосившиеся ограды. Он работал от рассвета до заката, возвращался в Сорбиодун в сумерках, ужинал, ложился на тюфяк, набитый конским волосом, и немедленно засыпал.

Каждую ночь Портию снилось доблестное возвращение в Рим, к возлюбленной Лидии.

Спустя месяц он отправил Классициану отчет о проделанной работе. Из канцелярии прокуратора сообщили, что отчет принят к сведению.

Несколько раз Портий издали замечал рыжеволосую красавицу: иногда у леса или у дуна, но чаще всего – на меловой гряде, верхом на резвом скакуне. Тосутиг прислал Портию в подарок подстреленную на охоте косулю и яркое одеяло, украсившее скромное жилище юноши. Впрочем, Портий, занятый мыслями о своей горькой участи, не думал ни о странной девушке, ни о ее отце.

Тосутиг пригласил Портия к себе на пиршество в честь кельтского праздника Самайн. Юноша, не желая оскорбить достоинство правителя Сарума, с благодарностью принял приглашение и вечером отправился в гости.

Дом правителя Сарума был обнесен плетеной оградой. Во дворе женщины хлопотали у открытого очага, готовили еду; на вертелах над углями жарились говяжьи и бараньи туши. Портий изумленно сообразил, что в первый раз за долгие месяцы позволил себе отвлечься от постоянных трудов. Он вошел в просторный дом под соломенной крышей. Посредине комнаты горел огонь в очаге, и Портий обрадовался теплу – его скромное жилище в Сорбидуне не отапливалось.

К удивлению юноши, других гостей не было. Тосутиг, наряженный в тогу, радушно поздоровался с юношей и провел его к ложу у очага.

– В этом кельтском доме тебя угостят по-римски, – гордо заметил правитель. – Моя дочь хорошо готовит.

И в самом деле, так вкусно Портий не ужинал с тех пор, как покинул свиту наместника. Яства приготовили и подавали на римский манер. Начали с закусок – устрицы, привезенные с юга в бочках с морской водой, свежий салат, щедро приперченный и заправленный средиземноморским оливковым маслом, нежное блюдо из яиц. Затем последовали мясные и рыбные перемены – оленина, баранина, приправленная розмарином и тимьяном, телятина, миноги и

форель. Служанки внесли пышные буханки хлеба и сливочное масло из жирного молока местных коров. На сладкое подали яблоки, груши и испеченные Мэйв пироги. Вопреки ожиданиям Портия за ужином пили не местный эль и мед, а лучшие галльские вина, так что удовольствия от великолепной трапезы не умаляли даже тяжеловесные шутки Тосутига и постоянные восхваления римского владычества вообще и наместника в частности.

Рыжеволосая красавица, дочь Тосутига, почтительно прислуживала гостю и на этот раз вела себя сдержанно и с достоинством. Портий оценил гордую посадку ее головы, густые кудри, отливавшие золотом в свете очага, и плавную походку. Простое зеленое одеяние с разрезом до бедра открывало стройные ноги.

После ужина Портий поблагодарил Тосутига за великолепное угощение.

– Благодарности заслуживаю не я, а моя дочь, – сказал кельт и подозвал девушку к столу.

Мэйв подошла, скромно потупив глаза и склонив голову; тяжелые золотистые кудри скользнули по щекам. Она выглядела так очаровательно, что юноше, на миг забывшему о Лидии, захотелось сжать ее в объятиях. Впрочем, он отогнал шальные мысли, решив, что слишком много выпил.

Портию было невдомек, что Мэйв, по совету местных женщин, щедро сдабривала подаваемые ему яства особой смесью трав – проверенным приворотным зельем. То ли зелье подействовало, то ли римлянин просто объелся, но девушка украдкой заметила, что на щеках Портия вспыхнул румянец, а глаза заблестели. Похоже, дело пошло на лад.

«Он будет моим», – торжествуя подумала она.

Тосутиг не подозревал ни о сотне лошадей, ни о приворотном зелье, однако от него не ускользнули восхищенные взгляды Портия, устремленные на красавицу Мэйв.

Юный римлянин напрасно считал правителя Сарума недалеким и невежественным простаком. Тосутиг успел съездить в Каллеву, где расспросил чиновника в канцелярии наместника и узнал всю подноготную молодого человека: и то, что он собирался породниться с семейством влиятельного сенатора, и то, что он чем-то прогневил Светония. Эти сведения вкупе с трудолюбием и тщанием юноши вполне удовлетворили Тосутига, и он – в кои-то веки! – трезво и ра зумно оценив ситуацию, решил: «Пожалуй, я все-таки выдам за него дочь».

По меркам захолустного Сорбиодуна опальный римлянин представлялся великолепным женихом.

«Может, его усердие произведет благоприятное впечатление на прокуратора, – рассуждал Тосутиг. – А если нового наместника пришлют, то юноша наверняка продвинется по службе. В любом случае мои внуки станут римскими гражданами, и вот тогда...»

– По-моему, римлянин станет тебе хорошим мужем, – сказал он дочери за два дня до Самайна.

– По-моему, тоже, – улыбнулась она.

Зимой Портий дважды приезжал в Каллеву и один раз – в Лондиниум в надежде получить аудиенцию у Классисиана. Увы, прокуратор снова был в отъезде. Вдобавок в Лондиниуме, выходя из постоянного двора, Портий случайно столкнулся с наместником. Колонна всадников во главе со Светонием скакала по пустынной дороге, вымощенной булыжником. Не заметить Портия было невозможно.

Светоний, не останавливаясь, скользнул по юноше гневным взглядом, но больше ничем не выдал своего раздражения. Всадники, недавние приятели Портия, заметив поведение наместника, поспешно отвели глаза.

На следующий день огорченный юноша вернулся в Сорбиодун.

Весной стало ясно, что доходы императорского имения возрастут и к концу года существенно увеличатся.

«Надеюсь, к тому времени меня здесь уже не будет», – обрадованно думал Портий.

Зимой Тосутиг несколько раз приглашал юного римлянина охотиться на оленей и вепрей. Охотники с добычей возвращались в дом правителя Сарума, где Мэйв радушно угощала их вкусными яствами, пряным элем и хмельным медом. Тосутиг расспрашивал Портия о планах на будущее, но из уклончивых ответов юноши следовало, что его положение не изменилось.

В самом начале весны пришло послание от Марка.

Боюсь, любезный Портий, что в Риме дела твои плохи. Гракха очень огорчила твоя размова со Светонием. Поговаривают, что следственная комиссия приняла решение отправить наместника в отставку, но в удобное для него время и с соответствующими почестями. Император не желает наказывать своего любимого военачальника, но не станет чинить препятствий его противникам. Похоже, твое отсутствие в Риме пойдет тебе на пользу.

В письме ни слова не говорилось о Лидии. Наверняка сенатор Гракх запретил ей переписываться с возлюбленным, а Марк не стал о ней упоминать, чтобы не расстраивать приятеля.

Портий с удвоенной силой погрузился в работу.

«К концу лета я с честью вернусь в Рим», – пообещал он себе.

Сведения, сообщенные Марком, неожиданно подтвердились. До Сорбиодуна дошли вести о том, что Светония отозвали в Рим, а новым наместником стал Публий Петроний Турпилиан – по слухам, человек милостивый и добросердечный. Портий, пытаясь напомнить о себе новому наместнику, отправил ему почтительное послание, но ответа не получил.

Пришло лето, заколосились поля. Год выдался урожайным, и юноша гордился своими достижениями. Ближе к осени Портий с радостью узнал, что прокуратор желает лично осмотреть императорские владения.

Классициан несколько не изменился: худощавый лысеющий муж чина с внимательными голубыми глазами больше походил на ученого, чем на чиновника. Несмотря на высокий пост, он приехал в Сорбиодун в сопровождении лишь трех секретарей и младшего прокуратора. Легионеры поставили в саду просторную палатку, и прокуратор остался доволен скромным жильем. Весь день он провел в обширных императорских владениях, осмотрел хозяйство и изучил отчеты о доходах. Ни замечаний, ни похвалы Портий от него не услышал, но полагал, что произвел на прокуратора хорошее впечатление.

Вечером в Сорбиодун неожиданно явился Тосутиг, засвидетельствовать почтение прокуратору. На этот раз кельт пришел в белоснежной тоге и изящных плетеных сандалиях и, к безмерному удивлению Портия, сбрил усы. Классициан по достоинству оценил местного правителя и с подобающим уважением пригласил его к себе в палатку.

Обменявшись любезностями с прокуратором, Тосутиг попросил личной аудиенции. Классициан, не желая обидеть правителя, велел всем удалиться.

Последующая беседа показала, что Тосутиг наконец-то овладел искусством успешных переговоров и произнес короткую, но внятную речь гордо и с достоинством.

– До меня дошли слухи, прокуратор, – начал он, – что ты, в отличие от некоторых, уважаешь наши края и местное население. Как известно, когда покойный божественный император Клавдий посетил Британию, я одним из первых принес ему в дар лучшую часть своих владений, те самые земли, которые ты сегодня осматривал. Мой род владел этими землями даже в ту пору, когда Римской империи еще не существовало. – Он помолчал и, чуть повысив голос, с нажимом добавил: – Однако же твои чиновники посещали императорское имение всего раз в год, и некогда плодородные земли пришли в запустение – сточные каналы замусорены, изгороди повалены, овцы не знают ухода, почва истощилась, все заброшено. С императорскими владениями обращаются дурно. – Затем, словно бы успокоившись, Тосутиг продолжил: – Однако же недавно прибыл чиновник, который отнесся к своим обязанностям с должным рвением и

усердием. Он начал восстанавливать запущенное хозяйство – я подчеркиваю, только начал. Для того чтобы добиться настоящего достатка, потребуются годы напряженного труда. Хочется верить, прокуратор, что твои люди осознают необходимость содержания императорских владений в образцовом порядке и твой чиновник не уедет, едва восстановив запущенное хозяйство, – заключил Тосутиг и отвесил церемонный поклон.

Кельт не стал упоминать о желании выдать дочь замуж за римлянина и даже не назвал юношу по имени, сообразив, что Портия взяли в свиту Классисиана поневоле, без постоянного назначения – и лучшей должности для него у прокуратора не существовало.

На следующий день при встрече с Классисианом юный римлянин поведал ему о своих замыслах, которые так разгневали Светония. Впрочем, прокуратору было об этом известно.

– Ты видишь, на что я способен! – с жаром вскричал юноша. – Я вернул к жизни запущенное имение. Умоляю, прими меня в свиту, поручи дело поважнее. В Лондиниуме я принесу тебе больше пользы и смогу с честью вернуться в Рим.

Выслушав Портия, Классисиан покачал головой:

– Юноша, ты усерден и смышлен, но слишком горяч и нетерпелив. Прошлые ошибки тебя ничему не научили.

– Но ты же сам обвинил Светония в чрезмерной жестокости! – воскликнул Портий.

– Верно, – сурово ответил Классисиан. – Но я прокуратор, а ты...

Портий смущенно покраснел.

– Ты славно потрудился, – продолжил прокуратор, сменив гнев на милость. – Твое усердие весьма похвально, однако негоже местным жителям думать, что римляне не умеют вести хозяйство и не заботятся о своих владениях. О возвращении в Рим мы поговорим через два-три года, когда к тебе придет признание и слава за твои труды.

Два года представлялись Портию вечностью. Он знал, что так долго Лидия ждать не станет.

– Порученное дело всегда следует выполнять с честью, – добавил Классисиан, заметив огорчение юноши. – Возможно, даже я буду исполнять свои обязанности здесь, в провинции, до самой смерти. Мне нужны люди, на которых можно положиться. Если ты не собираешься оставаться на своем посту, то хорошей рекомендации я тебе не дам.

– Я хотел вернуться в Рим, – вздохнул Портий.

– Этого все хотят, – улыбнулся прокуратор и серьезно добавил: – Сейчас в Риме неспокойно. Послушайся моего совета, оставайся здесь, в безопасности.

На следующий день прокуратор уехал из Сорбиодуна. На прощание он сказал Портию:

– Обзаведись приличным жильем.

Юноша со слезами на глазах смотрел вслед путникам.

Спустя два дня в Сорбиодун приехала Мэйв верхом на резвой гнедой кобылице, ведя в поводу еще одну лошадь – великолепного солового жеребца, хотя и несколько тяжеловесного, как все лошади на острове. Портий восхищенно поглядел на него.

– Тебе что-то привиделось? – рассмеялась девушка.

– Отличный жеребец, – вздохнул римлянин.

– Отец купил, – кивнула она и с лукавой улыбкой добавила: – Если сумеешь с ним совладать, прокатимся вместе.

Портий с готовностью согласился и вскочил в седло.

– Моя лошадь быстрее! – крикнула Мэйв и, бросив ему поводья, поскакала к тропке, ведущей на взгорье.

Юноша рассмеялся – скачки так скачки, чего не сделаешь ради красавицы. Он пропустил ее на сто шагов вперед и поскакал следом. Соловый жеребец, хотя и сильный, не подчинился

незнакомому наезднику и с трудом взбирался по крутой тропе, а резвая кобыла проворно неслась вперед. Девушка ловко сидела в седле, рыжие волосы развевались на ветру.

– Она – как богиня Эпона! – прошептал Портий. – Словно рождена на коне.

Мэйв и правда казалась воплощением богини – покровительницы лошадей, которой поклонялись и кельты, и римляне. Она доскакала до вершины холма, обогнула дун и с хохотом помчалась по взгорью на северо-запад.

На взгорье сильный жеребец ускорил шаг и начал постепенно нагонять гнедую кобылицу, но поравнялся с ней только на полпути к заброшенному святилищу. Наконец они сменили рысь на галоп, потом перешли на шаг. И лошади, и всадники тяжело дышали.

– Улиткой ползешь, римлянин! – воскликнула Мэйв. – Не догнал бы меня, если бы я лошадь не придержала.

Он хотел было возразить, но вовремя заметил искрящиеся смехом глаза девушки. Ее тонкая льняная сорочка нечаянно – или нарочно? – сползла с плеча, чуть приоткрыв высокую белую грудь. Портий залюбовался кельтской красавицей.

Мэйв заметила и капельки пота на смуглой коже римлянина, и восторг, вспыхнувший в его взгляде. Юноша невольно потянулся к прекрасной наезднице, собираясь сжать ее в объятиях, но тут же отпрянул, вспомнив, что она дочь местного правителя.

– Вот вы, римляне, говорите, что в мире четыре стихии – земля, вода, воздух и огонь, – смеясь, сказала Мэйв. – А сам ты кто? Земля?

– Наверное, – улыбнулся он. – А ты кто?

– Я – огонь! – воскликнула девушка, подгоняя лошадь вперед. – Я вся – огонь!

На обратном пути в Сорбиодун Портий приноровился к соловому жеребцу.

– Великолепный скакун! – заметил юноша, спешиваясь у дуна. – А еще раз можно будет на нем прокатиться?

– Нет, – беспечно ответила Мэйв.

– Почему?

– Отец для моего жениха коня купил. Я просто разрешила тебе проехать.

– А кто твой жених? – замявшись, спросил Портий.

– Не знаю, – улыбнулась она. – Кого отец выберет, тот и жених. Лишь бы в седле хорошо сидел. – Мэйв ухватила поводья жеребца и поскакала прочь.

Портий задумчиво смотрел ей вслед.

Всю ночь он беспокойно ворочался на жестком тюфяке, вспоминая случившееся. А какой стихией назвать Лидию? Портию она казалась водой, прохладной и текучей, утоляющей жажду. Он представил себе нежную смуглую кожу, блестящие черные глаза... В забытии перед ним возникли огненно-рыжие пряди, развевающиеся на ветру, а звонкий голос воскликнул: «Я – огонь! Я вся – огонь!»

Два дня спустя пришло короткое послание от Лидии.

Любезный мой Гай!

Мы с Марком обручились. Наверное, я стану его женой прежде, чем ты получишь это письмо. Надеюсь, ты понимаешь, что так лучше для всех. Я часто тебя вспоминаю. Марк всегда о тебе тепло отзывался. Может быть, нам еще доведется встретиться.

Любящая тебя Лидия

Сквозь пелену слез Портий с трудом разбирал слова. Винить Лидию он не мог, а предательство друга хотя и ранило, но было вполне объяснимым. Марк ни в чем не виноват. Сенатор Гракх ни за что не согласился бы отдать дочь за человека, прогневившего наместника провинции. Марк – юноша из благородного семейства, Лидия будет с ним счастлива.

Портий со вздохом написал поздравительное послание им обоим и приложил к письму отдельную записку для Марка.

Друг мой Марк!

После всего случившегося ясно было, что Гракх не отдаст мне дочь. Я очень рад, что моей возлюбленной повезло встретиться с тобой, наилучшим из римлян. Не забывай и ты меня.

Гай Портий

Стараясь забыть о Лидии, юноша полностью посвятил себя восстановлению императорских владений. Работа начинала ему нравиться. Вечером, после изнурительного труда, он верхом возвращался в Сорбиодун, оглядывая древние земли Сарума внимательным взглядом рачительного хозяина. Несколько раз по дороге домой он встречал Мэйв, и они гуляли по взгорью, ведя лошадей в поводу. В последнее время девушка стала смущаться в его присутствии и больше не предлагала устроить скачки.

Однажды Портий с Мэйв стояли на холме, глядя на колосющиеся поля в долине Тосутига, залитые алым светом заката.

– По-моему, тебе нравятся наши края, Гай Портий, – заметила девушка.

Он согласно кивнул.

– Да, хорошие земли, – негромко сказала она. – Богатые владения.

В ее словах Портий уловил намек, а когда, перед самым сбором урожая, Тосутиг пригласил юношу к себе, все сомнения развеялись окончательно.

В этот раз правитель Сарума, облаченный в традиционную кельтскую накидку-пенулу, не устраивал роскошных пиршеств. За оградой во дворе у дома Тосутига сновали люди. Бальба, распространяя вокруг кислую вонь, складывал в одной из хижин рулоны ткани. Мужчины и женщины, готовясь к сбору урожая, обкладывали плоскими камнями и обмазывали глиной стены глубоких ям для хранения зерна.

Тосутиг поздоровался с Портием и поманил его за собой в дальний конец двора, где виднелась небольшая хижина, крытая соломой, – фамильное святилище. Кельт впустил гостя внутрь и торопливо прикрыл за собой дверь.

Темноту рассеивал луч света из квадратного окошка на дальней стене под самой крышей. Постепенно глаза Портия привыкли к сумраку, и юноша различил небольшой каменный алтарь с деревянным изваянием кельтского бога Ноденса, повелителя туч, которого римляне отождествляли с Марсом. Рядом с изваянием поблескивал древний, тщательно начищенный рогатый шлем. Молодой человек почтительно склонил голову.

– Ноденс – покровитель нашего рода, – объяснил Тосутиг.

– У каждой римской семьи тоже есть свои лары и пенаты, – ответил Портий, – но мало у кого найдутся такие древние реликвии.

– Мой дед был доблестным воином. Это его шлем, – сказал кельт. – Но я пригласил тебя сюда не за этим.

У стены святилища стояли два огромных деревянных сундука, обитые широкими полосами железа. Тосутиг бережно приподнял крышку первого и вытащил длинный железный меч со следами ржавчины на выщербленном клинке – видно было, что древнее оружие кельтов недавно пытались отчистить.

– Это меч моего предка, Кулина-воителя, – торжественно возвестил Тосутиг. – Его жена, Алана, была последней из древнего рода Круна, строителя каменного святилища на взгорье. – Кельт со стуком опустил тяжелую крышку сундука и обернулся к Портию. – Мы, конечно, не римские сенаторы...

Портий запоздало сообразил, что правителю Сарума известно о Гракхе.

– ...но ведем свой род от первых обитателей острова Британия, – заключил Тосутиг, подошел ко второму сундуку и неторопливо открыл его.

К изумлению юноши, сундук оказался до краев полон монет – не бронзовых сестерциев, а золотых ауреев и серебряных динариев. С нарочитой медлительностью Тосутиг нагнулся и сунул в сундук руку по самое плечо. Похоже, в сундуке хранилось целое состояние – не облагаемые налогами доходы имения за двадцать лет.

Правитель Сарума закрыл сундук и сказал, не глядя на Портия:

– Моя дочь – красавица.

– Она очаровательна, – согласился юноша.

– Я хочу найти ей достойного мужа, – произнес Тосутиг.

Портий почтительно склонил голову.

Кельт молчал, давая понять, что разговор окончен. Портий вежливо попрощался с Тосутигом и ушел.

Бессонными ночами юноша размышлял, как быть дальше: ни связей, ни влиятельных покровителей, ни Лидии... блистательного положения в Риме ему не добиться. Зато здесь, в провинции, у него внезапно появилась возможность обзавестись красавицей-женой и богатым имением.

«Отказываться глупо», – признал он, закрыв глаза и вызывая в памяти образ рыжеволосой красавицы верхом на гнедой лошади. Внезапно ему вспомнились голубые небеса и солнечные дни Южной Галлии, где находилось имение родителей, а еще величественные базилики Рима и роскошный особняк Гракхов... В Портии заговорило тщеславие: правитель Сарума немногим отличался от зажиточного крестьянина, а его красавица-дочь с трудом изъяснялась на латыни. Красавиц везде хватает – и в Галлии, и в Риме.

«Может быть, вернуться к родителям, в Галлию, начать все заново...» – думал Портий.

Исполненный сомнений юноша стал избегать встреч с Тосутигом и его дочерью. Вдобавок шел сбор урожая, и забот в императорском имении хватало. Однажды Портий увидел Мэйв на холме у дуна, но подходить к ней не стал.

А потом пришло письмо от отца.

Сын мой!

Увы, в эти тягостные дни мне нечем развеять твою грусть. Наш управляющий опрометчиво заключил ряд весьма невыгодных сделок, и теперь выяснилось, что наши доходы резко упали. В довершение всех бед нам грозит долгое судебное разбирательство, которое потребует дополнительных затрат. Мне пришлось продать виноградник, оливковую рощу и два лучших хозяйства в имении, так что, боюсь, твое наследство значительно уменьшилось.

Нет, мы не разорены и не нищенствуем, однако стеснены в средствах, так что одному из нас придется изыскать возможность поправить бедственное положение. Не отчаивайся и помни, что честность и достойное поведение – главное достояние человека.

Твой любящий отец

Как ни странно, плохие вести принесли Портию некоторое облегчение. Он понял, что выбора у него не осталось: разумеется, Сарум не Рим, но иного не дано.

После сбора урожая он надел свою лучшую тогу, велел слуге приготовить коня и поехал в долину к правителю Сарума.

Ближе к концу свадебного обряда юношу с головой накрыла волна безудержного отчаяния. Грудь сдавил жуткий, всепоглощающий страх.

Свадьбу справляли в доме Тосутига. Правитель Сарума, Портий и трое легионеров надели тоги, отдавая дань римским традициям. Больше о Риме ничего не напоминало.

Во дворе расставили огромные столы, за которыми на деревянных скамьях сидели мужчины; женщины разносили угощение и прислуживали. Из всех окрестных поселений на свадьбу пришли крестьяне в ярких рубахах и накидках. Всего собралось человек пятьдесят, включая и мастеров-ремесленников Нумекса и Бальбу. Пир начался ранним вечером и длился до поздней ночи. Над двумя очагами на вертелах жарили туши косуль, быков и баранов. Столы ломились от яств. Длинноусые кельты пили за здоровье Портия эль и хмельной мед.

Мэйв на пиршестве не появлялась. Наконец, когда все наелись до отвала, за плетеной изгородью послышался звон бубенцов и бряцание кимвалов. Мужчины за столами радостно завопили и в притворном ужасе бросились запирать ворота. В створки настойчиво застучали, а потом троекратно попросили разрешения войти. По сигналу Тосутига ворота распахнули.

Во двор, приплясывая, ввалилась толпа ряженных. Лица восьми танцоров прятались за ярко раскрашенными масками, а девятый, настоящий великан, нахлобучил на голову деревянную личину быка с огромными рогами. Глухо звенели бубенцы, привязанные к щиколоткам. Двое ряженных дудели в камышовые дудки, а третий бряцал кимвалами. Рогатый исполин плясал между столами, топал, ревел, фыркал и бодал хохочущих гостей, скабрёзными жестами давая понять, что представляет жениха. Наконец великан подскочил к Портию и протянул ему чашу.

– Пей, жених! Пей до дна! – закричали гости.

Портий взял чашу, до краев наполненную густой жидкостью.

– Пей! – несло со всех сторон.

Юноша пригубил солоноватый напиток.

– Что это? – спросил он Тосутига.

– Старинное зелье, – ухмыльнулся правитель Сарума. – Меня в нем посреди дуна искупали, когда я стал вождем. Так что теперь ты кельт.

– А из чего оно сделано?

– Из молока, бычьей крови и каких-то трав, – ответил Тосутиг. – Ничего страшного.

Портий еще раз посмотрел в чашу с золотым ободком по краям и внезапно сообразил, что она сделана из распиленного человеческого черепа. Юношу замутило.

Тосутиг встал из-за стола.

– Ведите невесту! – заорали гости.

И вот тогда волна безудержного отчаяния накрыла Портия с головой. Он обвел взглядом толпу длинноусых гостей, поглядел на сидящих рядом краснолицых толстощеких коротышек Нумекса и Бальбу, на тошнотворный напиток в жуткой чаше. В ушах звучали слова Тосутига: «Теперь ты кельт».

«Остановись, Гай Портий Максим! Что ты делаешь?! – восклицал внутренний голос. – Неужели это – твоя свадьба? Если породнишься с варварами, то навсегда застрянешь здесь, в глуши».

Увы, свадебный обряд ничуть не походил на тот, который представлял Портий в мечтах о Лидии. Вот-вот приведут невесту...

Только сейчас Портий осознал, что происходит: неразрывными узами он навечно связывает себя и своих потомков с этими людьми. Юноша едва не вскрикнул: «Нет! Ни за что!», но Тосутиг с ряжеными уже вели к нему невесту. Поздно! Все пропало! Он променял свое будущее на рыжеволосую красавицу, солового жеребца и сундук золота.

Золотистые кудри Мэйв зачесали назад и скрепили золотой заколкой, широкие золотые браслеты обвивали запястья и щиколотки, белоснежное одеяние ниспадало ровными складками. Отец подвел дочь к Портию. Гости умолкли, восхищенно глядя на девушку. Жених,

содрогаясь от ужаса, протянул к невесте руку и утешил себя мыслью: «Сегодня ночью она станет моей...»

Поздно ночью все собрались провожать молодых в Сорбиодун. Слуга вывел из конюшни солового жеребца и торжественно вручил уздечку Портию.

При свете факелов свадебная процессия вышла из долины и направилась к селению на берегу реки у заброшенной крепости. Взошла луна. У дверей своего скромного жилища Портий подхватил невесту на руки и перенес ее через порог.

Так началась жизнь римлянина Портия в Саруме.

Семейная жизнь удивила римлянина. Неутомимость Мэйв в любовных утехх стала приятной неожиданностью. В первую брачную ночь Портий смущенно улыбнулся, стараясь подбодрить и успокоить молодую жену, но она с восторженным вздохом бросилась к нему в объятия, повалила на постель и, смеясь, начала срывать с него тогу. В последующие месяцы поведение ее не изменилось: Мэйв часто приезжала в императорское имение и, отрывая мужа от работы, уводила его домой или в рощу по соседству, где набрасывалась на него с жадными ласками.

Мэйв все было внове: и замужество, и юный красавец с его римскими манерами, и сладость любовных утех. Она была богата и не знала забот. Каждый день приносил новые наслаждения, знакомые с детства окрестности Сарума заиграли новыми красками. Боги благосклонно послали ей чудесного мужа, и она с радостью принимала их дар.

Второй неожиданностью оказалось постоянное присутствие тестя.

Наутро после свадьбы, едва взошло солнце, Тосутиг принес в Сорбиодун любимые сласти Мэйв и, усевшись на пороге, терпеливо дожидался, когда новобрачные проснутся. Портий, решив, что это местный обычай, почтительно пригласил тестя войти. Тосутиг провел с ними полдня и ушел, обещая вернуться вечером.

То же самое повторялось каждый день. В отсутствие Портия Тосутиг приглашал дочь на верховую прогулку, а когда римлянин возвращался из имения, старый правитель заводил с ним бесконечные разговоры. Поначалу Портия это раздражало, но вскоре он привык к присутствию тестя и почти не замечал его. У себя дома Тосутиг тосковал, скучая по дочери и томясь одиночеством. Вдобавок ему хотелось приобщиться к жизни на римский манер.

– Римлянин взял Мэйв в жены, – объяснял он Бальбе и Нумексу. – В Саруме грядут перемены, вот увидите.

Сам Портий не знал, что делать дальше. В Риме о нем все забыли. Классициан оценил его усилия по восстановлению имперского имения и назначил весомую прибавку к жалованью, что несколько утешило Портия. Теперь он мог, исполняя сыновний долг, посылать деньги родителям в Галлию. Спустя год после свадьбы он снова обратился к прокуратору с просьбой о назначении на пост поважнее.

– Ты прекрасно справляешься в Сорбиодуне, вот и поживи там пока, займись имением тестя, – ответил Классициан. – К тому же в Риме сейчас неспокойно, а двор Нерона – настоящее змеиное гнездо.

Портию не терпелось выбраться из провинциального захолустья. Как ни странно, в этом его поддерживал Тосутиг. Всякий раз при упоминании столицы империи старый правитель радостно потирал руки и восклицал:

– Всю жизнь мечтал увидеть Рим! А может, и с самим императором встретиться... Давай все вместе поедем, а?

Мэйв с прохладцей относилась к этим замыслам.

– Подумаешь, Рим! – презрительно замечала она и, обводя рукой холмы и долины Сарума, говорила: – Нам и здесь неплохо живется.

Портия по-прежнему восхищала пылкая страсть и красота жены, однако равнодушие к Риму начинало понемногу раздражать. Вечерами он пытался научить ее лучше говорить на латыни. Сперва Мэйв согласилась, но потом ей прискучило.

– Мне нужен муж, а не наставник, – смеялась она, осыпая его поцелуями, а если он противился ее ласкам, то обижалась.

Портий увлеченно расписывал красоты великого города на семи холмах, Форум, прекрасные здания, дебаты в сенате и суде, огромные библиотеки и виллы сенаторов, но Мэйв оставалась безразличной ко всему, что поражало воображение ее мужа.

– Нас это не касается, – говорила она.

Молодой человек утешал себя тем, что, во-первых, его восторги разделяет Тосутиг, а во-вторых, совсем не обязательно, чтобы мнения мужа и жены совпадали. И все же, как он ни пытался примириться с равнодушием Мэйв, его задевало, что она не жаждет стать примерной римской женой. «Как можно любить человека, если питаешь отвращение к отдельным сторонам его натуры?» – часто думал Портий.

– Зря ты стала женой римлянина, если Рим тебе не по душе, – сказал он как-то Мэйв.

– Ах, ты жалеешь, что взял меня в жены? – лукаво спросила она, скидывая с плеч платье.

Портий страстно притянул ее к себе, возбужденный видом прекрасного тела жены.

– Ничуть не жалею, – пылко заверил ее он.

Мэйв не понимала разочарования мужа: он сам выбрал ее, а значит, выбрал и Сарум. Она любила Портия всей душой, считая его неотъемлемой частью привычного мира, а разговоры о Риме его словно бы отстраняли. Она старалась отвлечь мужа от чуждых мыслей единственным известным ей способом: соблазняя его своим желанным телом. Шли месяцы, но разговоры о Риме не прекращались, и Мэйв, не желая их слышать, убеждала себя, что это скоро пройдет.

– Сарум – твой дом. Ты никуда отсюда не денешься, – говорила она Портию, лаская его.

По ночам она часто просыпалась и при свете свечи озабоченно глядявалась в лицо спящего мужа, стараясь понять, что ему снится.

Спустя полтора года Мэйв объявила, что ждет ребенка, и о Риме на время забыли.

– Раз уж у тебя скоро появится наследник, – сказал Тосутиг зятю, – пора бы подумать о новом доме. Деньги у нас есть, надо построить настоящую римскую виллу.

Портий согласно кивнул.

Для постройки выбрали место в глубине долины, в полумиле к се веру от жилища Тосутига. На восточном склоне холма над болотистым берегом реки Авон нависал плоский выступ, откуда открывался прекрасный вид на юго-запад. С севера выступ защищала роща на склоне. За холмом начиналось взгорье и меловые гряды, где пасли овец. На склоне, поросшем лесом, кое-где расчистили делянки, а на выступе стояла древняя хижина, заброшенный пастуший приют. Вдобавок у этого места было еще два преимущества.

О первом Портию рассказала Мэйв.

Чуть поодаль, на самом краю взгорья, росла купа деревьев. Мэйв торжественно привела туда Портия. На поляне посреди рощицы он заметил небольшое круглое возвышение диаметром в тридцать пять шагов – такие же холмики были рассыпаны по всему взгорью.

– Наверное, это могильный холм, – сказал Портий.

Мэйв согласно кивнула, хотя и не догадывалась о многовековой истории древних могильников на взгорье.

– Это священная роща друидов, – благоговейно прошептала она. – Здесь они молились своим лесным богам. – Портий недовольно поморщился, но Мэйв восторженно продолжила: – Благое предзнаменование! Хорошо, что наш новый дом будет рядом. А здесь надо построить святилище.

Римлянин огляделся: поляна и впрямь была очаровательна и словно бы источала покой.

– Делай как знаешь, – сказал он жене.

Вторым преимуществом было то, что к реке спускался широкий пологий берег, а небольшая глубина и медленное течение позволяло укрепить дно и построить здесь брод, безопасную переправу для людей и для скота.

– Как это место называется? – спросил Портий тестя.

– Да никак, – ответил Тосутиг. – Брод, он и есть брод – форд, если на местном наречии⁶. Так римлянин начал строить свой новый дом у брода на реке Авон.

Портию помогали Нумекс, Бальба и мужчины из окрестных селений. На месте полуразвалившейся хижины сложили из камней и глины невысокую прямоугольную постройку и присоединили к ней два крыла, разделенные на две комнаты; получился узкий длинный дом, обращенный на юго-запад. Вдоль задней стены тянулся широкий проход, соединенный еще с несколькими помещениями, выходящими в мощеный внутренний дворик. Стены оштукатурили и выкрасили в белый цвет; в верхней части стен установили толстые щиты, сплетенные из лозы. Крышу покрыли дорогой черепицей, привезенной с севера.

Разумеется, скромному сельскому дому далеко было до роскошной виллы Когидубна, когда-то восхитившей Тосутига, однако же, к восторгу правителя Сарума, прямоугольное строение с белеными оштукатуренными стенами и черепичной крышей было типично римским.

– Пол надо выложить мозаичной плиткой, во дворике построить фонтан, а в окна вставить зеленое стекло, – возбужденно требовал Тосутиг, обрадованный тем, что на его землях наконец-то появились неоспоримые признаки римского господства.

Однако теперь, когда Мэйв ждала ребенка, Портия больше занимало другое. «Раз уж поездка в Рим откладывается, придется воссоздать Рим в Саруме», – решил он и сказал тестю:

– С роскошью пока повременим. Надо заняться хозяйством.

– Но у нас хозяйство налаженное, – удивился Тосутиг.

Портий покачал головой:

– Оно по-кельтски налаженное. Я хочу сделать его римским.

К изменениям, предложенным Портием, сарумские жители отнеслись подозрительно.

Нововведения римлянина начались с долины.

– Зе мли по берегам реки очень плодородны, но вы их не возделываете, а отдаете под выпас скота и свиней, – объяснял он Тосутигу. – К тому же там много заболоченных участков.

– Нашим плугом землю у реки не вспашешь – почва слишком плотная, – возразил Тосутиг. – А болота... Болота тут всегда были.

– Но ведь можно обзавестись тяжелым плугом с чугунным лемехом и отвалом и пахать на волах. Поля у реки дадут прекрасный урожай.

– А болота как же?

– А болота легко осушить и тоже отдать под пахотные земли.

Тяжелый плуг был известен в Британии уже несколько десятков лет. Племена белгов привезли его с собой из Галлии и с успехом пользовались им для пахоты, но жители Сарума и западной оконечности острова, где преобладали плодородные меловые почвы, неохотно расставались с привычной легкой сохой, а повышение урожайности их не волновало.

– В империи всегда существует спрос на зерно, – настаивал Портий. – Чем больше продавать, тем выше наши доходы.

В осушении заболоченных земель римляне не знали себе равных. В южной и восточной оконечностях Британии уже возводили защитные дамбы, прокладывали гати и создавали сеть открытых осушительных систем, а топи на востоке острова превратили в плодородные пашни и луга. В сравнении с этим замысел Портия был весьма скромным.

---

⁶ Авторский анахронизм – слово «ford» не кельтского, а саксонского происхождения.

– Болота легко осушить, – сказал молодой человек Нумексу, имея в виду заболоченные земли к северу и западу от Сорбиодуна.

– Конечно, – обрадованно закивал Нумекс, который многому научился у римлян на строительстве дорог. – Только местным эти земли ни к чему. Не станут они их обрабатывать.

– Ничего, привыкнут, – уверенно заявил Портий.

Увы, в этом он ошибся.

За несколько лет Нумекс вырыл сеть отводных каналов и канавок, по которым вода с заболоченных земель в низине стекала в реку, и проложил деревянные желоба, позволяющие регулировать отток воды. Портий отвел под пахоту несколько акров плодородной земли у реки и купил два тяжелых плуга.

– Теперь дело пойдет на лад, – сказал он Тосутигу.

Однако весенним половодьем затопило заливные луга, и жители окрестных селений обрадовались – им не хотелось пахать в низине. Нумекс и Портий терпеливо восстановили осушительные сооружения и укрепили речной берег, так что на следующий год можно было приступить к пахоте.

Увы, опасения Нумекса подтвердились, а надежды Портия не оправдались. Землепашцы неохотно вывели на поля упряжки волов с тяжелым плугом, но странным образом постромки рвались, волю упрямилились или возникала еще какая-то важная причина, по которой обработка полей в низине откладывалась. Все наперебой жаловались Тосутигу. На третий год правитель Сарума не выдержал и попросил зятя отказаться от затеи.

– В низине они никогда не пахали и пахать не станут, – объяснил Тосутиг.

– А римляне низины веками распахивали, – напомнил ему зять.

– Так то римляне! – отмахнулся тесть. – А это – кельты. Они упрямые.

– Римляне тоже упрямые, – буркнул Портий.

Еще лет двадцать поля в низинах обрабатывали, но кое-как, а потому урожаи с них снижали посредственные. Даже Нумекс разочаровался в нововведении, и впоследствии осушительную систему забросили, а тяжелые плуги ржавели без дела. Сарумское земледелие продолжало процветать на взгорье.

Впрочем, кое в чем Портий преуспел.

Рядом с виллой он разбил небольшой сад, огороженный высокой каменной стеной, и посадил там персиковые и абрикосовые деревья, привезенные из Галлии. Абрикосы не прижились, а вот персики укоренились и вскоре принесли урожай румяных сочных плодов, дотоле невиданных в Саруме.

Однажды Портий спросил у Мэйв, где местные жители собирают мед.

– В лесу, – ответила она.

Портий удивленно покачал головой и велел Нумексу установить шесть небольших глиняных горшков на солнечном склоне, у каменной стены сада, и провертеть в стенках каждого горшка шесть дырочек.

– А это еще зачем? – удивленно спросил Нумекс.

– Для пчел, – объяснил Портий.

Никто не верил, что пчелиный рой можно заставить жить в горшке.

– Вам, римлянам, во всем порядок нужен, – возмутилась Мэйв. – Вот увидишь, пчелы тебе подчиняться не станут. Знаешь, сколько они летают, бедняжки, пока удобное местечко в лесу не найдут?

Портий только улыбнулся. На следующий год несколько пчелиных роев поймали и перенесли в горшки. К удивлению местных жителей, пчелы никуда не улетели.

– Вот что значит римская смекалка, – сказал Тосутиг Мэйв.

Бальба-красильщик вызвался стать пасечником.

– Я красками насквозь пропитался, пчелы меня не тронут, – заявил он Портию.

И в самом деле, пчелы красильщика не жалили: то ли их отпугивал едкий запах мочи, применяемой для окрашивания и отбеливания шерсти, то ли Бальбу сделала неуязвимым продубленная красителями кожа.

– Пчелы вони не любят, – серьезно объяснил Нумекс.

Но больше всего Тосутигу понравились фазаны – необычные длиннохвостые птицы с маленькой головой и золотисто-коричневым оперением.

– А что с ними делают? – спросил тесть.

– На них охотятся. У фазанов очень вкусное мясо, но их надо несколько дней провешивать, – объяснил Портий.

Двести фазанов, привезенных из Галлии, выпустили в лес, и они быстро обосновались в окрестностях Сарума.

– Надо же, мой зять даже охотничьи уголья улучшил! – восторгался Тосутиг.

Однако самых больших перемен Портий добился на взгорье. Его нововведение существенно повлияло на жизнь Сарума в последующие полторы тысячи лет.

Овец в Саруме было много, Портий заметил это сразу. В то время на острове существовала всего одна, древняя порода – соай: мелкие, худые и выносливые животные с короткими хвостами и гладкой бурой шерстью, прекрасно приспособленные к жизни на взгорье. Римляне считали их примитивными, потому что в имперских провинциях разводили много разных пород: в испанской провинции Беатика и в Малой Азии – рыжих, в Иберии – черных, но самое драгоценное, белое руно получали от тарентских овец из Южной Италии.

– Надо улучшить породу, – заявил Портий.

– Неужели всех наших овец придется заколоть? – ужаснулся Тосутиг.

– Нет, что ты! Мы их скрестим с тарентскими.

Портий, хоть прежде и не предполагал заниматься разведением скота, внимательно изучил трактат Марка Терренция Варрона о сельском хозяйстве. Труды великого философа натолкнули молодого человека на кое-какие мысли, а потому он выписал из Италии полдюжины лучших тарентских овец.

Через несколько месяцев к дуну подъехал крытый возок. Местные жители, прослышав о невиданных овцах, с любопытством следили, как Портий и Тосутиг выгружают животных. Портий откинул полог возка и по сходням бережно вывел первую овцу.

Все вокруг расхохотались, а Тосутиг побагровел от стыда – овца была плотно обернута кожаной попоной.

– Римские овцы плешивые! Их попонами накрывают, чтоб не мерзли! – выкрикивали в толпе.

Портий невозмутимо развязал кожаные ремни, удерживающие попоны на месте, и объяснил:

– Попоны надевают для того, чтобы шерсть не путалась и не пачкалась.

Он сдернул попоны, и смех немедленно умолк. Жители Сарума изумленно ахнули, впервые увидев тонкорунную овцу. Тончайшая белоснежная шерсть волнами ниспадала до самой земли и сияла в лучах солнца. К овце со всех сторон потянулись руки, люди с восхищением гладили шелковистые завитки, возбужденно переговаривались.

Когда Портий вывел из возка всех животных и снял с них попоны, Тосутиг недоуменно спросил:

– А где же бараны?

– Нам бараны не нужны, – ответил Портий. – У нас свои есть.

Улучшение, точнее, выведение новой породы заняло несколько лет. Портий терпеливо скрещивал тарентских овец с местными баранами. Первый помет дал овец разных цветов и с жесткой шерстью.

- Говорил же я тебе, бараны нужны, – удрученно вздохнул Тосутиг.
- Не торопись, овец нужно еще раз скрестить, – успокоил его Портий.

Из первого помета он выбрал баранов с белой шерстью и снова скрестил их с тарентскими овцами. Потомство удалось на славу – все с длинным белым руном, хотя и не таким шелковистым, но вполне подходящим для холодных зим Сарума.

Местные жители прониклись уважением к римлянину.

Портий объяснил, что овец лучше не ощипывать по весне, а стричь, потому что иначе при осенней линьке пропадает много шерсти. Он показал Тосутигу железный гребень и бронзовые ножницы для стрижки овец и заверил тестя, что количество собранной таким способом шерсти увеличится вдвое, а гребнем удобно отделять длинные волокна от коротких.

Вскоре на взгорье рядом с отарами бурых овец паслись и белые овцы – выносливые, ловкие и привычные к непогоде, так что попоны им не требовались. С них состригали прекрасное тонкое руно.

– Твой муж не только научил нас жить как истинные римляне, но и приумножил наше богатство.

После пяти лет семейной жизни Портий решил, что все-таки чего-то достиг. Мэйв родила ему двух сыновей и дочь. Мальчики получали римское воспитание, и Портий подумывал нанять им наставника. Имение процветало. Молодой человек с таким усердием предавался заботам о хозяйстве, что даже не вспоминал об отъезде из Сорбиодуна. Долгая судебная тяжба лишила его родителей имения в Галлии, однако деньги, посылаемые Портием, обеспечивали им скромное существование. В общем, жаловаться было не на что – ну или почти не на что.

Материнство изменило отношение Мэйв к мужу. Когда она ждала первенца, то, мучимая тошнотой, мечтала поскорее разрешиться от бремени и вернуться к прежнему, беззаботному существованию. Однако, ощутив в себе биение зарождающейся жизни, Мэйв с любопытством начала следить за ее развитием и пришла в невероятный восторг. Перед восхитительными ощущениями меркла даже первая встреча с Портием.

После рождения ребенка она часами сидела у колыбели, разглядывая младенца, – ее не занимало ничего, кроме сына. Верховые прогулки она забросила, а пылкие любовные утехы сменились сдержанными ласками. Спустя несколько месяцев Мэйв поняла, что хочет еще одного ребенка.

Поначалу Портию нравились эти перемены. «Моя жена превращается в настоящую римскую матрону», – с гордостью думал он. Увы, с появлением еще двоих детей Мэйв словно бы забыла о муже и, хотя всегда встречала его с нежной улыбкой, взгляд ее полнился иными заботами.

Ей все чаще казалось, что муж, этот странный римлянин, отец ее детей, совершенно не разделяет ее чувств. Неужели он не видит, какое чудо – дети? Почему он все время куда-то торопится? Она его, конечно же, любила, ведь он заботился о ней, приумножал доходы поместья. Он был ей нужен. Да, она его любила.

Изредка Портий жалел об угасшей страсти жены, но убеждал себя, что это к лучшему. Впрочем, на такие пустяки времени у него совершенно не оставалось.

Иногда, охваченная внезапной вспышкой былого чувства, Мэйв нежно обнимала мужа и шутиливо спрашивала:

- Ну что, ты в Рим все еще собираешься?

Портий улыбался в ответ – ему было хорошо в Саруме.

Летом 67 года в Сорбиодун приехали Марк с Лидией.

Портий, Тосутиг и Мэйв стояли у крепости. Римлянин терзался противоречивыми чувствами. Зачем он пригласил в гости Марка и Лидию? Наверное, из приличия. Получив послание Марка с известием о его приезде в провинцию, Портий не мог поступить иначе.

Наконец-то он снова увидит Лидию... Вот уже два дня на вилле шли торопливые приготовления к встрече гостей. Виллу привели в образцовый порядок, а дорожку, ведущую к дому, засыпали свежим гравием. Портий, не в силах сдержать волнения, стал резок и несдержан с детьми и женой. Утром он поглядел в бронзовое зеркало на стене, размышляя: «Что они обо мне подумают? Наверное, я стал провинциалом... Ох, неужели я все еще в нее влюблен?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.